

СМЕНА

№ 21 (1427) ноябрь 1986

ISSN 0131-6656

ТРАГЕДИЯ
ОДНОГО
САМООБМАНА.

Театр юного зрителя:
проблемы, надежды...

**ВАЗОВСКИЙ ПОЧИН.
ЧТО ГЛАВНОЕ?**

САМОЛЕТ ВХОДИТ
В ЗОНУ ДЕСАНТИРОВАНИЯ.

Ягодки — пятидесятиметровая парашютная вышка. Стоит она с краю тренировочного городка, и нет в полку человека, который, проходя мимо, поминал бы ее в душе добрым словом. Нет, рассудком, конечно, все понимают, что вышка придумана кем-то во благо, что роль ее в подготовке парашютиста трудно переоценить, но любви эта мысль к ней не прибавляет. Бывалые десантники предпочитают трижды прыгнуть с самолета, чем один раз с вышки. Однако пройти ее необходимо каждому, особенно если пауза между прыжками значительна. Помню, когда мы шли к вышке, Андрей Наумов, уж на что всегда сдержанный, и тот высказался на ее счет не очень лестно.

Социологический анализ

ГЛАВА
ЧЕТВЕРТАЯ

ПРЫ

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Евгения СТЕЦКО.

Специальные
корреспонденты «Смены»

Ковалев, парашютист идет на вас спиной!
— Тяну правые лямки.— Ковалев зависает на стропах и изо всей силы тянет лямки, имитируя свой маневр в воздухе, исключая схождение куполов.

Гвардии майор Якоб, замкомбата по парашютно-десантной подготовке, удовлетворенно кивает.

— Так-с!— Майор прохаживается перед тренажерами, одетый в черный рабочий комбинезон (в ином наряде мы его еще не видели), строгий, как всегда чем-то озабоченный. Он терпеть не может расхлябанности, беспорядка. Достаточно Якобу увидеть малейшую неточность в экипировке десантника, укладке парашюта, он вскипает, как гейзер, вспоминая всех святых, самолично исправляет оплошность солдата, заставляет того дважды, а то и трижды сделать правильно. Потом, отвернувшись, суровый Якоб вдруг улыбнется, но как-то застенчиво, чтобы не дай бог кто-нибудь не заметил.

Майор останавливается, упирается грозным взглядом в Апанасенка.

— Апанасенок, обрыв купола...

Михаил крутит головой по сторонам, затем, опомнившись, хватается за укладку запасного парашюта, выпаливает:

— Открываем запасной.

— Медленно соображаем, рядовой Апанасенок, надо все делать быстрее. А вы считаете ворон...

— Апанасенок, парашютист идет на вас слева!..

Все это называется предпрыжковая подготовка.

Сколько бы у десантника ни было

прыжков, перед каждым новым десантированием он проходит предпрыжковую на тренажере. Это азбука парашютиста, которую он обязан выучить и помнить, как таблицу умножения, как собственные имя и фамилию. В небе раздумывать некогда, при любой чрезвычайной ситуации парашютист, чтобы избежать катастрофы, должен воспользоваться заложеной в его сознание готовой формулой безопасности. Прыгают с учебной целью, как правило, с 800 метров. Тело в свободном падении достигает земли с этой высоты за 17 секунд. 17 секунд на все про все.

Помню, как на давних уже учениях, где в небе было тесно от куполов (десантировался целый полк), сошлись вместе парашюты двух солдат. Один купол погас, сержант, который летел под ним, запутался в стропах. У него даже не было возможности воспользоваться запасным парашютом. Но его товарищ, летевший рядом, прижал сержанта к себе. Они приземлились много быстрее, чем другие, ведь купол нес двойную тяжесть. Но они приземлились, а не падали! И остались оба живы и невредимы, потому что один из них действовал не только мужественно, но и единственно правильно в той ситуации.

На предпрыжковой подготовке отрабатывают именно такие, единственно правильные, действия в самых непредвиденных обстоятельствах.

Вообще тренажер—штука малоприятная. Под длинной стальной осью подвешены кольца, от которых спускаются по четыре лямки. В полном десантном снаряжении парашютист всходит на узкие железные мостки и цепляет себя к лямкам. Ноги едва касаются опоры, а то и вовсе провисают в пространстве. Офицер командует вводные—парашютист, сообразно с ними, имитирует свои действия в воздухе. За два часа тренировки тело изнашивается от врезывающихся в него лямок, спина взмокнет под полной укладкой, ноги затекут. А майор неумолим.

— Стропа перехлестнула купол, раскрытие неполное...

И все-таки тренажер—это цветочки.

— Почему,— спрашиваю его,— десантники не любят прыгать с вышки?
 — Все очень просто. Когда идешь в люк самолета, земля где-то далеко внизу, у тебя два парашюта. И время для решения в любой ситуации. А с вышки земля кажется настолько близкой, что непроизвольно срабатывает чувство самосохранения. И хотя купол вот он, уже раскрыт, даже кольцо рвать не надо, все равно приятного мало. Да и рывок строп с вышки ощутимее. Правда, есть и свой плюс: пройдешь тренажер— в небе ориентироваться легче.

Потом я вместе с Наумовым (он прыгал первым) встал на край десантной площадки вышки. Действительно, земля— рукой подать, сверху просматривались даже малейшие неровности почвы и выражение лица майора Якоба.

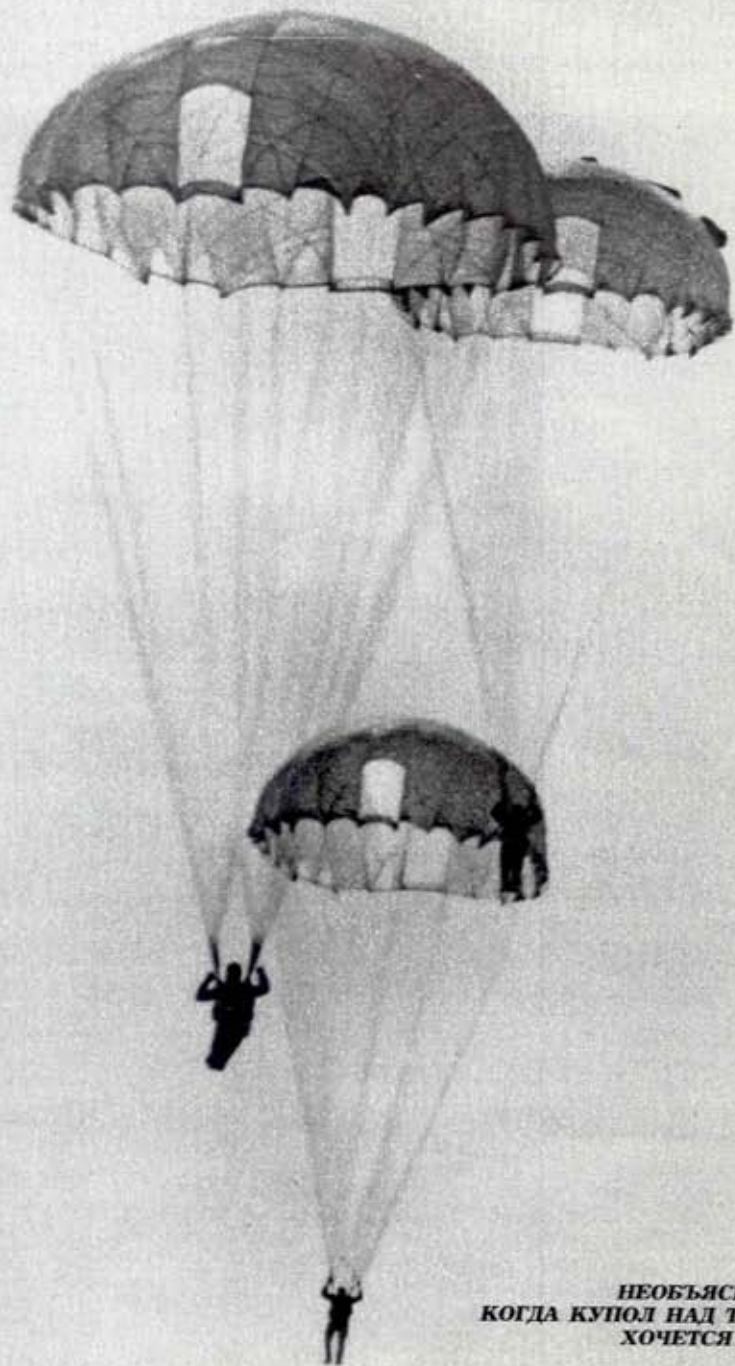
Невозмутимее остальных держался Федор Филинов. Он спокойно подошел к импровизированной рампе, смерил взглядом расстояние до земли, причем на лице его не отразилось никаких чувств, отпрыгнул для короткого разбега и по сигналу выпускающего быстро шагнул вперед. Убежден, что спокойствие Федора— не напускное, он умеет владеть собой, в нем чувствуются внутренняя дисциплинированность, сила, строгость к себе. Мне кажется, что он раньше многих других из своего призыва осознал суть военной службы. Об этой сути можно рассуждать долго и красиво, а можно сказать просто и кратко: видеть себя не малюсеньким послушным винтиком армейского механизма (удобная философия для лодырей), а личностью, человеком в военной форме, который наравне с другими отвечает за

«Смены»: девять парней одного призыва

ЖОК

ДО ПРЫЖКОВ ЕЩЕ ЕСТЬ ВРЕМЯ...

НЕОБЪЯСНИМО:
 КОГДА КУПОЛ НАД ТОБОЙ,
 ХОЧЕТСЯ ПЕТЬ.

прочность этого механизма. В армии тоже есть категории людей, которые ищут способы делать как можно меньше, сваливать ответственность на других. Для них служба — печальная неизбежность. Такие же, как Филинов, приходят в армию не отслуживать, не отбывать, а дело делать. Военное дело.

Не так давно ребята поздравили Федора с присвоением ему звания младший сержант. Но витебчан огорчил перевод Филинова в другую роту, пусть даже на должность командира отделения. Привыкли к нему, полюбили за добрый, открытый нрав, за оптимизм, за мужской честный характер. В перемене армейской судьбы виновата опять же добросовестность Филинова.

В числе других полтора десятков человек Федор как-то был направлен на сборы внештатных прибористов воздушно-десантной службы полка. Проводились регламентные работы с парашютными приборами, которые в автоматическом режиме раскрывают двухконусный замок, регулирующий открытие основного купола. Работа серьезная, очень ответственная. От исправности прибора зависит человеческая жизнь. К слову сказать, наши парашютные приборы Доронины признаны самыми надежными в мире. Пятнадцать десантников после сборов вернулись в свои подразделения, а Филинова руководство ВДС полка попросило оставить в штате их службы. Помимо чисто технических навыков (Федор до армии имел дело со сложным оборудованием), он обнаружил исключительную добросовестность, что в гла-

зах специалистов ВДС делало его человеком в их системе незаменимым.

...Федор приземлился как по-писаному, в самое «яблочко», устоял на ногах, быстро освободился от купола. Пошел проситься на второй прыжок. А там уже Апанасенок, Михайлов, Наумов. Тоже хотят по второму разу прыгнуть. Гвардии майор сдвинул фуражку на лоб, усмехнулся.

— Не поймешь, честное слово, что за народ! То ворчат, что и без вышки когда угодно прыгнут, то подавай им второй прыжок...

— Аппетит приходит во время еды, — негромко заметил Ковалев.

— Да-а? Ну ладно, кушайте на здоровье, — кивнул Якоб и махнул рукой выпускающему на вышке.

— Дай им еще по прыжку...

...В небе вспыхивает одинокий белый купол. Подхваченный потоком ветра, он устремляется в сторону, потом словно застывает в небе и, наконец, медленно, почти неразлично для взгляда, скользит вниз. Полк, сотни пар глаз неотрывно следят за парением одинокого парашютиста, вместе с ним мысленно переживая все стадии приземления. Чуть поодаль бесшумно раскручивается пропеллер ДМК (десантного метеокомплекта), регистрирующего скорость и направление ветра, температуру и влажность воздуха. Две первые величины при прыжках имеют особое значение. Сейчас, судя по показаниям ДМК, все в пределах нормы, ветер юго-западный, порывистый, значит, возможен небольшой снос.

Парашютист уже приземлился и идет к нам, взвалив на плечи ранец с собранным куполом. Это командир полка, гвардии майор, офицер особой десантной ковки.

Одна из командирских привиле-

гий — первому шагнуть в прохладную синь неба, вдохнуть его упругий, зыбкий воздух, ощутить телом волнующее блаженство свободного полета и рывок строп. Нечто подобное есть и у летчиков, когда именно командир первым поднимает машину в небо для разведки погоды. Полк или эскадрилья с нетерпением ждут его приземления, потому что дать «добро» на полеты может на последнем этапе только командир. И это при самой современной метеотехнике. Впрочем, небо — стихия часто непредсказуемая.

В биографии командира десантного полка был трудный, почти драматический эпизод. Еще не надев военную форму, он испытал на себе всю меру коварства неба. Это случилось, когда он, тогда еще безусый юноша, только начал заниматься парашютным спортом и прыгал в клубе ДОСААФ. Во время одного из прыжков, в момент приземления, резкий порыв ветра рванул купол в сторону. Парашютиста проволочило по полю и ударило спиной о камни. В результате — перелом позвоночного столба и руки. Госпиталь, операции, долго ходил прямой, как столб, позвоночник мучил болью месяцами. У другого это навсегда бы отбило охоту к парашюту. А он остался верен своей романтической мечте стать десантником. И, выздоровев, поступил в военное училище и по сей день прыгает.

...Роты, батальоны разбиваются по «кораблям» на девятки. Трудяга АН-2 берет на борт по девять десантников, плюс выпускающий, плюс экипаж. Полк работает сразу с тремя самолетами. Задача у летчиков простая — погрузка десанта, взлет, набор высоты, подход к району десантирования (он в пятистах метрах от аэродрома), выброска парашютистов, снижение, посадка. И все по

новой. По челночному принципу — два самолета практически все время в воздухе.

Вдруг замечаю какую-то встревоженность на лицах офицеров, собравшихся у полевой рации. Гвардии подполковник Николай Васильевич Власенко нехотя роняет:

— Экипаж просит разрешения на приземление. Вроде бы на борту отказчик.

Я уже знаю, что по терминологии парашютистов это человек, отказавшийся десантироваться. В этом случае самолет должен вернуться на аэродром для формирования новой команды парашютистов. Холостой вылет. Бесцельный расход горючего, потеря времени. Но самое неприятное то, что у кого-то в последний момент сдали нервы, кто-то проявил малодушие. И этот кто-то не посторонний — свой, прошедший наравне с другими учебные марши, тренировки, весь цикл подготовки к прыжкам и наверняка имевший за спиной уже несколько десантирований. Конечно, всякое бывает, люди есть люди. И все-таки отказчик — позор для всего полка. Через несколько минут полк узнает его имя.

Власенко нервничает. Вижу, как он тербит шнур стропареза. Подполковник поднимает взгляд к самолету, идущему на посадку. Представляю, что сейчас творится у него в душе, ведь за парашютную подготовку десантников отвечает он в первую голову.

Внезапно лицо руководителя полетов просветляется.

— Повторите для ясности... Понял. И подполковнику:

— Экипаж просит разрешения вернуться в район и выбросить десант. У них там уже все в порядке.

Власенко морщит лоб, выдыхает сердито:

**ЭТО УЖЕ ПОСЛЕ ПРЫЖКОВ.
И ПОСЛЕ МАРША.
В ПЕРВОЙ
ВСТРЕТИВШЕЙСЯ ИМ ДЕРЕВНЕ.**

— Черты полосатые. Ерунда небось какая-нибудь и была. А они сразу — «отказчик»... Конечно, пусть десантируются. — И, повернувшись ко мне, добавляет: — Выпускающий намудрил чего-нибудь, ведь бывалые ребята в самолете...

Та девятка приземлилась благополучно, и мы не стали доискиваться причин задержки десантирования. Ведь в конце концов даже если и было что-то серьезное, этот человек нашел в себе силы преодолеть страх. А это важнее, чем секундная слабость.

Наши витебчане сидят на поле, ждут. Им до прыжков еще час, не меньше.

— Страшно прыгать? — спрашиваю Олега Михайлова.

— Как сказать. Страшно второй раз. Первый-то еще не все понимаешь, бежишь к двери самолета, как в атаку, а что там, за дверью, неведомо. Ко второму прыжку готовишься уже осмысленно. Представляешь высоту, сравниваешь надежность своего места в самолете с зыбкостью неба. Но надо идти на прыжок, на тебя смотрят другие. Идешь через страх, порой через себя, потому что сам выбрал десантные войска и назад ходу нет. Потом уже легче. Конечно, бывает, кольнет что-то в голове, мурашки по спине пробегают: а вдруг парашют подведет, или на камень сядешь, или еще что-нибудь. Боязно. Но тут же себя убеждаешь, что все это нервы — есть запасной парашют, от камня можно отрулить стропами, от сближения с другим парашютистом тоже можно уйти. Настраиваешь себя соответственно. И — вперед. Как только купол над тобой хлопнул, наполнился воздухом — блаженство непередаваемое. Летишь и поешь, а то стихи читаешь или просто кричишь новость что от радости, от полета...

Нам все труднее собирать вместе наших витебчан. Современная армия требует специализации, как и любая современная отрасль промышленности. В полку служат люди десятков военных специальностей. Вполне естественно, что после того, как молодые солдаты освоили основной комплекс десантных наук, их перевели в подразделения, где требовались специалисты взамен ушедших в запас солдат. Кому-то из витебчан надо будет подучиться.

Миша Апанасенко попал во взвод связи, осваивает радиодело. Капешко, теперь уже гвардии младший сержант, — командир отделения во взводе управления, там же Олег Михайлов, он сейчас за замкомвзвода. Сергей Ковалев и Саша Живодров зачислены старшими стрелками зенитного артиллерийского взвода. Андрей Наумов, тоже сержант, — старший писарь батальона. Он хоть и сопротивлялся этому отчаянно, но в армии приказ — дело святое. «Винной» всему способности Андрея к штабной работе. Вернулся из учебного подразделения в звании младшего сержанта Леонид Архиповский. В прежней роте остался только Олег Сметанников.

Военная служба хоть формально и развела наших ребят по разным подразделениям, но друг с другом не разлучила. Едва выдастся свободная минута, ищут своих, из девятки, собираются вместе. Они крепко сдружились, и мы рады этому.

Накануне прыжков Капешко и Апанасенко были направлены на командно-штабную тренировку, почти за две сотни километров отсюда. Андрей Наумов откомандирован на три недели в штаб соединения. Филинов уже отпрыгал, сейчас он дежурит возле метеоконтекста, помогает руководителю полетов. Так что в самолете наших пятеро: Архиповский, Михайлов, Живодров, Сметанников, Ковалев. Для Леонида Архиповского это первый прыжок в армии.

Стартовая площадка, откуда идет посадка в самолет, ограждена с трех сторон. Позади многократный контроль, которому подвергается каждый десантник, независимо от звания и должности. Если на последнем этапе контроля

хотя бы у одного из девяти парашютистов обнаружится малейшая ошибка в укладке парашюта или в подгонке снаряжения и оружия, вся команда выводится с площадки формирования. Никакие извинения не принимаются.

Наша семерка (плюс двое нас) благополучно преодолевает последний, самый тщательный осмотр: правильность монтажа парашютных приборов, их установка по времени и высоте; фалы гибких шпилек, двухконусные замки, петли троса и петли прибора и так далее...

— К самолету бегом марш! — командует выпускающий, командир разведвзвода гвардии лейтенант Олег Овсянников. Высокосредний, спортивного склада лейтенант бежит замыкающим. — Вперед, соколы, отдохнем в небе...

Самолет набирает высоту. Присматриваюсь к ребятам, пытаюсь обнаружить в лицах волнение. Ничего похожего, все абсолютно спокойны. Может быть, пока спокойны? Овсянников проверяет, надежно ли пристегнуты к тросам камеры стабилизирующих парашютов. Прицепляет пряжки удлинителей за карабины камер. Последние минуты полета. Сметанников морщится. У него вчера обгорела спина на укладке парашютов. Сегодня каждое прикосновение вызывает боль. А у Олега за спиной, помимо укладки, — гранатомет.

Внизу зеленый ковер леса, перевитый лентами проселков, отсвечивающий линзами болот и озер.

— Приготовиться!
Команда стряхнула с лица Живодрова улыбку, стянула скулы Сметанникову. Ковалев сосредоточенно скользит взглядом по укладке запасного парашюта, некоторое беспокойство в глазах Архиповского, Михайлов спокоен и даже весел. И эта его веселость не наиграна, я много раз убеждался, что он не умеет лукавить.

Зуммер. Выпускающий распахивает дверь. В кабину тугой волной врывается воздух. Взгляд непроизвольно упирается в белый проем двери, за которым пустота. Первым выходит из самолета Михайлов. Он самый тяжелый из семерых. И по правилам должен прыгать первым, потому что скорость его приземления чуть выше, чем у остальных, стало быть, Иван может в воздухе донять более легкого парашютиста. Следом за Иваном — Олег Рычков, водитель взвода управления, потом — Сметанников...

Они даже не выходят — выбегают, вырываются из самолета, в два прыжка оказываясь у двери, сильно отталкиваются и, прижав руки к груди, сгруппировавшись, уходят вниз. Очередь Архиповского. Вообще-то он решительный парень, немногословный, правда, слегка бравирует своей мужественностью. Признался, что не по душе ему быть поваром, предпочитает служить в роте, пусть даже рядовым стрелком. Обращался к командованию полка с просьбой перевести его на другую должность.

Архиповский у двери. Воздушной волной его отбрасывает назад. Значит, недостаточно уверенно шел. Заминка. Тревожный взгляд Овсянникова. Лейтенант что-то шепчет. Что, не слышу. Не свожу глаз с Леонида. Он пригибает голову, скользит взглядом с двери на лейтенанта, сильно отталкивается и уходит в белый проем. Молодец. Что бы там ни было, он оказался на высоте. Потом он объяснит: «Споткнулся обо что-то, вот и замешкался». «Конечно, — скажу я, — бывает. Главное — прыгнул и другие за тобой успели выйти».

Все приземлились нормально. Собрали парашюты, взвалили на плечи. Сметанников охнул, понес укладку в руках. Его догнал Архиповский.

— Как думаешь, Олег, дадут сегодня еще по прыжку?

— А что, мало?

— Ага, мало.

Олег глубокомысленно посмотрел на Леонида.

— Это хорошо, что тебе мало, Леня.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.
№ 21 (1427) НОЯБРЬ 1986

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

*«Люблю я пышное
природы увяданье...»*

А. С. ПУШКИН.

Наша обложка:

Фотоэтиюд
Сергея
ВЕТРОВА.

1 СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ «СМЕНИ»: ДЕВЯТЬ ПАРНЕЙ ОДНОГО ПРИЗЫВА. Владислав ЯНЕЛИС. «ПРЫЖОК».

4 СОЦИАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ. Игорь ГАМАЮНОВ. «ЛАБИРИНТ».

7 К XX СЪЕЗДУ ВЛКСМ. ЧТО ВОЛНУЕТ МОЛОДЫХ? «ЛУЧШИЙ АРГУМЕНТ — ДЕЛО!»

8 Рассказ Владимира ДРОБЫШЕВА «ПОЛЫНЬ».

12 Народный художник СССР Илья ГЛАЗУНОВ: «ПОСТИГАТЬ СУРОВУЮ РЕАЛЬНОСТЬ ВРЕМЕНИ».

14 Алена СОЛНЦЕВА. «НУЖЕН ЛИ ГОРОДУ ТЕАТР?»

16 Евгений ЦИРЛИН. «ВОДНЫЕ КРУЖЕВА».

18 Андрей КОМАРОВ. «СЕМЬ НОТ С БАРЬЕРАМИ».

20 Алексей МАКСИМОВ. «ТЕПЛЫЕ КАМНИ».

21 МОЛОДЕЖНАЯ МОДА. Елена ФИЛИЦ. «МИФЫ НАШЕЙ ОДЕЖДЫ».

23 Стихи Петра ВЕГИНА.

24 Повесть Сергея ВЫСОЦКОГО «АНТИКВАРЫ».

32 КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ «ЗЕМЛЯ, МЫ ДЕТИ ТВОИ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САУШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор А. В. Гусева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1986 г.

— Мы не хотели его убивать.— твердил Михаил на допросах.— Это случайность...

Он торопился, объясняя: да, бил, потому что велел Гуру, Учитель — Абай Борубаев. Нет, никакой злости к избиваемому не чувствовал. А что чувствовал?.. Недоумение. Ждал, когда Гуру прикажет им, четверым, бившим одного, остановиться. Но Гуру почему-то их не останавливал. Нет, сами они остановиться не могли. Били-то как раз за неподчинение Учителю...

...Тридцатитрехлетний Абай, поймав взгляд Михаила, ласково улыбнулся ему из-под висящих подковой усов: «Как себя чувствуешь? Спишь хорошо?.. И, не дожидаясь ответа, быстро добавил: «Какое случилось несчастье!.. Но ты ведь помнишь, меня с вами не было: я в соседней комнате спал».

Михаил помнил другое: Абай в расстегнутом пальто посреди комнаты распоряжается: «Бейте!» Потом: «Хватит». Подходит, смотрит в лицо избиваемому, снова командует: «Бейте!» Такое не забудешь, даже если очень захочешь.

Но почему так спокоен Абай?.. Почему он, кумир целой группы людей, считавших его наделенным необычными способностями, веривших в его справедливость, в его «просветленность», почему он сейчас так заурядно, так подло жлет? Боится? Чего? Ведь он, Абай, способен (Михаил даже там, на очной ставке, еще верил в это) одной своей мыслью, взглядом подавить волю другого. Михаил с удивлением смотрел на следователя: как тот осмеливается перебивать Абая, задавая ему вопросы таким неуважительным тоном? И почему Абай немедленно не пресечет это? И только к концу очной ставки Михаил спросил Абая про то, о чем думал все последние дни и ночи в следственной камере:

— Скажи, пожалуйста, Абай, ну почему ты допустил эту смерть? Почему не остановил нас?

У него дрожал голос: глаза от волнения заволочило влагой; спрашивая, он не подумал даже, что этот вопрос мог бы обратиться и к самому себе: почему он, Михаил, сам не попытался остановить избиение? Почему подчинился воле Абая, словно был роботом?

Он задал себе эти вопросы позже, когда поймет, что его кумир Абай— всего лишь циничный мистификатор. И ужаснется происшедшему. И напишет — подробно, с потрясающей искренностью,— как это случилось. А сейчас здесь, на очной ставке, его лихорадило от сознания того, что он преступил запретную черту— своим вопросом к Абаю подверг сомнению разумность его поступков, ведь воля Учителя непререкаема.

И в этом почти полуобморочном состоянии Михаил снова услышал ласковый голос своего кумира: — Ну что ты, Миша, такое говоришь. Как я мог остановить вашу драку? Ведь я был в соседней комнате и ничего не слышал.

Игры взрослых людей

Абай позвонил ему из Вильнюса примерно за месяц до происшедшего. Сказал: нужно немедленно приехать. У Михаила шла зимняя сессия, еще не все экзамены сдал, но он ответил: раз надо, приедет. Абай помолчал, над чем-то задумавшись, и отменил приказ. Предупредил: может позвонить в любой момент. Позвонил же именно в тот день, когда Михаил сдал последний экзамен. «Поздравляю,— сказал (хотя откуда ему знать, как Михаил сдал?).— Ты молодец. А теперь приезжай».

Михаил и в самом деле хорошо сдал сессию, но не удивился осведомленности Абая; был уверен: Абай постоянно «читает» все его мысли, все поступ-

ки— на любом расстоянии. Был убежден: для Абая, человека особого, это естественно, ведь у него способность «входить в контакт с космосом», а там сосредоточен «банк информации» о поступках и мыслях каждого человека.

Абай объяснял им, своим ученикам: все, что происходит с человеком, в виде кода как бы отпечатывается в космосе. И он, Абай, и остальные, такие же «необычные» вроде него люди, развившие в себе эту способность, «считывают» нужную им информацию. В ходу был пример: в их компании у молодоженов-вильнюсцев родился ребенок. Абай первым поздравил молодого отца, сообщив, что у него сын; сам отец в тот момент еще об этом не знал... Да, конечно, Абай мог, опередив его, позвонить в роддом, мог просто угадать, но никто об этом даже не задумался: представлять себе «банк информации в космосе» — это же так увлекательно!..

Все это, конечно же, было похоже на игру. Но играли они всерьез, и длилась игра несколько лет.

Мне, журналисту, не раз бывавшему на судебных процессах, это уголовное дело вначале казалось фантастически неправдоподобным. Ну как могут они, люди из этой компании — студенты, молодые артисты, начинающие художники, сотрудники научно-исследовательских институтов, живущие в Москве и Вильнюсе, верить в особые способности Абая, не пытаясь даже их проверить!.. Как можно было верить в рассказы Абая о том, что у него недавно была тайная встреча с йогами, приехавшими из Индии специально к нему, потому что они из «космического информационного банка» узнали о его существовании; что будто бы они его посвятили в какой-то особый йоговский сан (Абай показывал всем неясную любительскую фотографию, на которой люди в темных одеждах надевали ему, коленам, коленному, на голову сверкающую корону); что после этого посвящения ему суждено жить целых триста лет, ни годом меньше.

В самом начале своего знакомства с людьми из «абаевского круга» (а это было за полгода до их преступления) мне показалось: передаваемые из уст в уста легенды об Абае— это игры людей с развитым воображением, облакающих свое общение друг с другом в любительско-театральные формы— не более того. Ведь для тех, у кого острая потребность в новых впечатлениях и эмоциях не насыщается работой, учебой, отношениями с близкими, подобная «театрализация жизни» — что-то вроде временного хобби. Потом, повзрослев духовно, человек отбросит это хобби, как одежду, из которой вырос...

Так я думал вначале... Но чем больше вникал в жизнь «абаевского круга», чем больше документов оказывалось на моем столе (групповых фотоснимков, записок, писем, перепечатанных на машинке «наставлений», хаотично надерганных из восточных философских трудов), тем больше убеждался: этих людей объединяет целый комплекс примитивнейших суеверий, закамуфлированных в псевдонаучную фразеологию. И суеверия эти— нет, не игра. Они стали программой поведения. Они предопределили жесткую систему поступков: хочешь «приобщиться к космосу» — повинуйся Учителю.

Люди, еще до преступления Абая отошедшие от него, звонили мне. Принесли фотоснимки (у Гуру

Игорь ГАМАЮНОВ

Не исключено, что главные «герои» этой полной горечи и драматизма истории кому-то из читателей знакомы по газетным публикациям. Бесчестные проходимцы, прожженные мистификаторы, греющие руки на людском легковере... Почему же так ловко удалась им окрестить, опутать своими псевдонаучными бреднями образованных молодых людей? Об исковерканной судьбе одного из приверженцев новоявленного «пророков» очерк, который мы предлагаем вашему вниманию.

Социальное исследование проблемы

Михаил не знал, что происходит в Вильнюсе. Знал лишь, что он Абаю нужен. Этого было достаточно, чтобы сказать матери, не вдаваясь в подробности: «Я туда на несколько дней к друзьям».

Он ехал в Вильнюс, вспоминая слова Абая, сказанные по телефону: «Ты мне очень нужен». Ехал, чувствуя себя причастным к необыкновенному, великому делу. Он верил: когда-нибудь человечество ахнет, узнав их тайну. О них будут написаны тома научных трудов, будут сняты фильмы. Имена всех тех, кто близок к Абаю, войдут в историю. А самому Учителю поставят памятник.

...Я листаю многостраничную исповедь Михаила, написанную им в следственном изоляторе.

«...В возрасте примерно 13 лет,— писал Михаил,— у меня появилось смутное желание найти себе какое-нибудь занятие. Круг интересов понемногу определился — спорт, особенно спортивное единоборство, а также литература. Больше всего мне нравились фантастика и исторические произведения... Я пытался представить себе бесконечность вселенной, но при такой попытке разум мне как бы отказывал».

«...В седьмом классе я попросил маму помочь мне устроиться в какую-нибудь спортивную секцию. Тогда я уже слышал об одном, очень интересном спортивном единоборстве (каратэ), но в моем представлении это было какое-то загадочное, недостижимое искусство... Занятия вел невзрачный, невысокого роста мужчина, как мне потом сказали, научный сотрудник какого-то института — Владимир Ильич Пестрецов. После тренировок Владимир Ильич рассказывал нам об экзотике Востока. Потом мы стали ходить к нему домой; он жил один, без семьи; там нас встречал запах курительных палочек; во время бесед мы часто нюхали их. О чем мы только не говорили у Володи (он так просил его называть, хотя ему уже было под сорок): о Бермудском треугольнике и летающих тарелках, о йогах и филиппинской медицине, об экстрасенсах и биополе».

«...Меня в этих разговорах больше привлекали рассказы об аскетизме йогов, когда человек, отказываясь от обычных удобств, подвлияет тело сильной волей, развивая в себе особые способности. Еще до встречи с Абаем я мечтал познакомиться хоть с одним таким человеком... Мечтал сам стать физически сильным, открystalлизировать свою волю».

Прерву эту исповедь отсутствующей здесь подробностью: Михаил был первоклассником, когда однажды возле школы его остановили рослые ребята и потребовали денег. Потом, схватив за ноги, перевернули и трясли, пока из карманов не высыпались монеты... Именно после того давнего эпизода у Михаила появилось идефикс: стать сильнее всех. И примерно в это же время ушел из семьи отец Михаила. Он, правда, изредка виделся с сыном, но это не спасло Михаила еще от одной психической травмы — от осознания своей безотцовщины.

Без отцов, впрочем, росло большинство молодых людей, попавших в «круг Абая». Матери же у них, как это часто бывает в неполных семьях, обладали одной, ярко выраженной чертой — авторитарностью: не терпели анакомыслия, требуя беспрекословного послушания.

Алла Петровна, мать Михаила (ее настоящее имя, как и имя ее сына, ставшего жертвой мистификации и психического насилия, я здесь, по понятным причинам, не называю), призналась мне: «боролась» она с увлечением сына одним способом — запретом. Не было даже попытки понять, чем же он еще увлекся, кроме спортивного единоборства; почему так слепо верит в каких-то «особых» людей и даже — это Аллу Петровну поразило — регулярно посылает им из своей скудной студенческой стипендии деньги. Все ее разговоры с сыном кончались ссорой, долгим отчуждением.

Почему Михаил, рвавшийся из-под ига мелочной материнской опеки, оказался под другим, еще более жестким игом Абая?.. Известный психотерапевт доктор медицинских наук Борис Дмитриевич Карвасарский объяснил мне этот парадокс так: у

молодых людей, выросших в авторитарных семьях, складывается, с одной стороны, протест против мелочной родительско-учительской опеки, стремление к независимости, с другой же — неосознанная тяга к покровительству.

А теперь о том, как Михаил познакомился с Абаем.

В ожидании чуда

«...Я учился в 10-м классе, когда в один из вечеров Володя рассказал нам, что летом побывал в Средней Азии у святого для мусульман места — кладбище Султан-Баба, и там встретил человека в одежде нищего, обладающего особыми способностями. Зовут его Мирзабай Кымбатбаев, или просто Мирза, ему лет пятьдесят, живет подаянием. Дают ему мелкие деньги и еду за то, что читает мантры (молитвы). Он своей волей может изменить настроение человека, освободить от тяжелых мыслей; его способности изучает молодой ученый Абай Борубаев».

«...И вот однажды, в момент очередного посещения Володиной квартиры, в комнату, где мы сидели, вошел какой-то странный пожилой человек, азиат. Лицо серьезное, глаза как бы подглядывают за всеми, одежда в заплатках. Очень широкие штаны, сшитые, видимо, им самим. На шее — бусы с колокольчиком.

После каждого рукопожатия целовал нам руки. Это был Мирзабай — я тут же узнал его по фотографиям, которые нам задолго до этого показывал Володя. Мирза сел

Была у Абая и тщательно продуманная система «отказа» от своего «я».

«...Все мои друзья уже побывали у Мирзабая в Каракалпакии; были этим очень горды. Но рассказывали очень туманно, что-то от меня скрывали. Как-то один из них проговорился, и его информация меня вначале шокировала. Потом заинтриговала. Еще сильнее захотелось съездить. Поговорил с матерью, встретил ожесточенное ее сопротивление. Но все-таки уговорил ее, что навещу наших родственников в Средней Азии».

«...Наконец, приехал к Мирзе. Там же — и Абай. Оба в широких штанах, с бусами, в тюбетейках. У Мирзы на груди пластмассовой медальон с собственной фотографией. Такие медальоны потом раздавали всем приезжающим к Мирзе. Там были еще какие-то москвичи и вильнюсцы... Вот Мирза готовит

ТРАГЕДИЯ ОДНОГО САМООБМАНА

ные лекции о психотренинге, дилетантски составленные из груды хаотически прочитанной им специальной литературы. Была преподавательница московского вуза, истерического склада женщина средних лет, регулярно собиравшая в своей холостяцкой квартире приверженцев Абая и Мирзы; на стене висели их фотопортреты, под ними горели свечи, а на столе в бутылках прозрачно блистала сорокаградусная «чистая энергия». Время от времени возникал в этой компании и шустрый молодой человек, недоучившийся студент мединститута, работавший где-то сторожем, промышленный иллокальванием, прижиганием и «передачей психической энергии на расстоянии».

Интеллектуальная инфантильность, легковерие, мода на людей, «обладающих способностями», — все это подготовило их воображение к появлению идола. И идол явился. Им стал человек без определенных занятий — Абай Борубаев.

Выросший в семье крупного руководителя областного города Ош, в атмосфере особого к себе отношения, окончивший во Фрунзенском университете экономический факультет, Абай несколько лет ездил на родительские деньги, нигде не работая, из города в город. Знакомился с писателями, артистами, художниками. В общем, вел, как говорили в старину, рассеянный образ жизни.

В себе же особых талантов Абай не обнаружил, кроме разве одного — таланта притворства. В какой бы компании он ни оказывался, везде играл роль человека, знающего какую-то тайну. Он даже как бы притворялся ее — брошенными походя туманными фразами. Впечатляло очень.

Но ему мало было салонной популярности, он рвался к большой славе. В одной из своих поездок, в Каракалпакии, на кладбище Султан-Баба, он увидел экзотически одетого попрошайку Мирзабая Кымбатбаева, привез его в Москву; на квартире Пестрецова «опробовал» «эффект Мирзабая»; затем стал водить Мирзу по домам известных людей, выдавая за экстрасенса исключительной силы. Мирза был удобен — глубококомисленно молчал, «подглядывал» (по выражению Михаила) за окружающими. По Москве из рук в руки стали ходить фотоснимки «экстрасенса» Мирзабая и «молодого ученого» Абая. На своем юбилейном вечере известный поэт, увлеченный изучением культуры Востока, вывел Мирзу и Абая на сцену, представив их, как феноменов, достойных особого внимания. Известный писатель, главный редактор популярного журнала (Абай и Мирза бывали у него в гостях) выдал им рекомендательное письмо, которое во множестве ксерокопий мгновенно разошлось по рукам.

Реклама сработала: в Бируни толпой поехали адепты Мирзы и Абая. Мирза водил их по «святым местам», угощал пловом и водкой, стелил на ночь общую постель в тесной комнате на земляном полу, что-то приговаривая по-узбекски, и Абай тут же торжественно «переводил» его. «Мир приходит изнутри», — говорит Мирзабай, — не ждите его извне... Нужно уметь пройти через стыд... Нужно через нравственный шок освободиться от эгоизма...»

Конечно, отнюдь не все бывавшие там «проходили» через «шок». Кто-то бежал от него, как от заразы. Кто-то оставался лишь любознательным свидетелем. А те, кто «проходил», воспринимали «шок» как необходимый ритуал, как лечебную процедуру, и в самом деле освобождающую от внутренней зажатости.

«Эффект у такого «шока», конечно, есть», — сказал об этом профессор Б. Д. Карвасарский. — Но какова его цена? Освобождаюсь таким образом от зажатости, человек освобождал себя и от нравственности. А главное — попадал в жесткую психологическую зависимость от организаторов этой, с позволения сказать, «психотерапии». Становился марионеткой в руках своего «наставника». Истинная же психотерапия помогает человеку самому справляться со своими проблемами. Помогает оставаться личностью».

плов. Угощает. Я опять жду чуда, но чуда нет. Зато есть хорошее настроение, особенно после водки. Абай объяснял: «Это в тебя входит «чистая энергия». Абай играл на гитаре, пел. Деньги мы все отдавали Мирзабаю — так велел

Абай. Он объяснил: нужно собрать средства на Институт человека, который будет открыт на общественных началах, и он, Абай, там станет директором. Моя обычная в Москве скованность там, в Бируни, незаметно прошла. Я решил, что такое — лечебное! — действие на меня оказал Мирза».

«...Многие из тех, кто туда приезжал, были внутренне скованными. Необходим нравственный шок, чтобы снять зажатость, говорил всем Абай. Нужно пройти через стыд, чтобы освободиться от своего ложного «я». Как-то он и Мирза повели нас на кладбище Султан-Баба. Там был религиозный праздник. Мирза сел в тени какой-то гробницы, расстелил платок; мы — рядом. Потом Мирза вдруг ушел. Я спросил Абая, что это значит. Абай ответил: «Это значит, что мы нищие». И действительно: прохожие стали кидать нам на платок лепешки, куски дыни, мелкие деньги. Абай все это принимал, потом и он куда-то ушел. Мы остались одни, продолжали принимать еду и деньги... Я понимал: Абай становится моим Учителем; мне и моим приятелям он создает ситуацию, через которую нужно пройти, чтобы трансформировать психику... Было немного стыдно, но стыд прошел... Появилось чувство легкости — ведь не я же отвечал за свои поступки, а Учитель...»

Эффект Мирзабая

Чувство легкости появлялось у всех, кто там задерживался. А задерживались в Бируни, конечно же, самые внушаемые. Или, как говорят психотерапевты, «люди с проблемами». Вот некоторые из них.

Москвич Владимир Пестрецов, невысокий человек с невзрачной внешностью, стойко неудачливый в личной жизни; научная его работа (в сфере экономики) носила компилятивный характер; много лет занятиями каратэ он восполнял недостаток физической силы, а затем стал модными увлечениями заполнять и вакуум в духовной жизни. И, конечно же, ему льстило внимание студентов, слушавших его дилетантские философствования; в собственных глазах он становился как бы выше ростом.

Вильнюсец Андриус Каленаускас, молодой художник, неудачливый в своей профессиональной сфере, услышавший однажды, что психотренингом можно раскрыть в себе скрытые творческие потенции, сразу поверил: именно Абай и Мирза непременно научат его этому; только нужны послушание и деньги. (У него в квартире и произошло потом то, что Абай выдал за «наказание изменнику».)

Были в этой группе подростки, повздорившие с родителями. Были мужья, ушедшие от жен, и женщины, безуспешно ищущие спутника жизни. Был неудавшийся режиссер театра, переключившийся в массажиста и читавший собствен-

на пол. Володя засуетился — стал стелить циновку, а сверху одеяло, чтоб почетному гостю было удобнее. Мирза посидел некоторое время молча. Потом сказал с акцентом: «Хороший ребята. Хороший Москва». И вышел. Володя тут же спросил наше мнение о нем.

Каждый сказал что-нибудь восторженное... И я, не желая от всех отстать, тоже что-то придумал...»

«...Второй раз Мирзабай я увидел, когда уже стал студентом Московского авиационного института. Тогда же я впервые встретил и Абая. Он вышел из соседней комнаты, спросил у Володи ручку. После его ухода я спросил, кто это. Володя сказал: переводчик Мирзы, молодой ученый. И тоже обладает особыми свойствами. Мы, конечно, ждали, что эти свойства как-то проявятся. Но никакого чуда не было. Володя объяснил: это потому, что мы еще не готовы к чуду. Недели через две мы снова собрались. Мирзы не было. Был Абай. Держался он таинственно. Говорил, что Мирза передает ему свою энергию. Называл себя то сотрудником Института востоковедения, то ассистентом известного ученого Спиркина, изучающего экстрасенсов. Вскользь говорил, как бывал в гостях у писателя (громкое имя!), то у поэта (тоже имя!), то у одного московского актера (всеми любимого!), которого вылечил от радикулита. Я внимательно вслушивался в его речи».

Первое, что усвоил Михаил, общаясь с Абаем, это деление людей на «обычных» (их большинство) и «необычных», обладающих особыми способностями, которые, впрочем, «открываются» только тому, кто в них верит...

«Необычные» могут трансформировать психику «обычного» — развить в нем такие же способности. Для этого «обычный» должен полностью подчиниться «необычному», который становится для него Учителем.

И тут следовал второй, очень важный тезис. «Мы должны отказаться от коренной причины нашего страдания — образа себя», — цитировал Абай вычитанное где-то поучение. — «Я» — это всего лишь образ, спроецированный умом. Это «я» не имеет реальности в самом себе... Помните, это не вы несчастны, а несчастен ваш «образ себя».

Коварное зеркало

Я вчитывался в исповедь Михаила и думал: откуда она, эта жажда слепого поклонения? Да, разумеется, образец для подражания в юности необходим. Но подражание это все-таки лишь проба себя в образе другого. Способ самопознания: а сумею ли? Эта проба требует мужества. Критической зоркости. Беспощадно-искренней самооценки. А поклонение всего этого не требует. Верить, ничего не подвергая сомнению, поклоняться слепо, до самозабвения — легко. Не ты же принимаешь решение. Не ты на перекрестке жизни выбираешь путь. Это делает за тебя твой идол.

Привычка потреблять готовое — вот откуда она, самоубийственная жажда поклонения. В иждивенчестве нравственном и интеллектуальном — ее корни. В авторитарном характере общения (и не только в семье, в классе, в вузовской аудитории), когда старший нетерпим к иному мнению младшего, к его попыткам думать самостоятельно. А бунт против угнетающей опеки отнюдь не всегда разрушает стереотип иждивенчества. Михаилу казалось: он нашел новый смысл жизни. На самом же деле — впал в новую форму иждивенчества. Бежал в Каракалпакию не столько от своего дома, сколько от самого себя. Да, конечно, он был обманут ловким мистификатором. Но ведь Михаил рад был этому обману. Потому что поклонение идолу освобождало его от трудной необходимости быть самим собой.

Именно из таких интеллектуально-нравственных иждивенцев и сформировалось ближайшее окружение Абая. Когда один из тех, кто уже «отходил» от Абая, спросил его однажды: «Зачем ты позволяешь твоим «приближенным» так себя возвеличивать?», — тот, усмехнувшись, ответил: «Это ведь в первую очередь нужно им самим».

Но это уже нужно было и ему. Он привык к поклонению. Он не представлял уже себя без их поклонения. В зеркале поклонения он видел себя незаурядным властителем дум и душ. Такое это коварное зеркало — оно обмануло и самого его создателя.

Михаил ехал в Вильнюс, не зная, что в «кругу Абая» началась смута. Кое-кто, так и не дождавшись зримого чуда, засомневался в его способностях. И Абай, несколько лет бывший центром групп и кружков, рассеянных по крупным городам, привычно принимавший везде крупные суммы денег и знаки особого почтения (за столом никто не притрагивался к еде, пока он не начинал есть), этот уверенный в себе Абай вдруг забеспокоился. Он вызвал в Вильнюс еще двух «приближенных», тоже в прошлом каратистов — Владимира Пестрецова и Игоря Седова. Говорил с каждым отдельно. Объяснил: есть в их кругу люди, в чьих мыслях он, Абай, прочитал нечто, глубоко оскорбительное для их общего дела. Они колеблются. Они начинают предавать идею. Заразу предательства нужно пресечь в зародыше. Нужно создать ситуацию, в которой потенциальный предатель вновь трансформировался бы в их единомышленника.

«...Объясняя это, Абай смотрел мне в глаза, — пишет Михаил — Создавалось ощущение, что он доверяет только мне, избранному, дело особой важности. К тому же говорил он с небольшим нажимом, как бы подчеркивая, что я могу и не выполнить его просьбу, но от этого будет зависеть наши дальнейшие отношения. У меня шевельнулось нехорошее предчувствие, но тут же исчезло. Абай был для меня таким авторитетом, что я выполнял бы любую его просьбу... Да-да, любую!»

Ситуация, «создаваемая» Абаем, состояла в следующем: к потенциальному изменнику нужно было приехать домой, забрать у него их общие фотографии, подаренные «талисманы» (кусочки цветастой ткани их старых рубах — считалось, что они излучают «врачующую энергию»), «недоплаченные» деньги. И, уходя, наказывать. То есть избить.

«...Это было под Вильнюсом, в небольшом поселке. Они поехали туда втроем: Пестрецов, Седов и он, Михаил. Сергей П., переставший бывать в «кругу Абая», оказался дома. Он легко расстался с фотографиями, письмами и «талисманами» Абая. Денег же у Сергея в тот момент не было. Он предложил гостям чаю. Посидели за чаем. Потом Сергей приятельски пошел провожать их до станции. У Михаила не было ни злости, ни досады на этого вежливого человека. Досада была на себя: из программы, намеченной Абаем, не выполнено два пункта. Седов и Пестрецов были, кажется, в таком же недоумленном состоянии: как быть?

«...Я не представлял себе, как я начну драку с человеком, против которого лично я ничего не имею. Что я должен ему сказать? Но Абай, посылая нас, предупредил, что можно не говорить, за что бьешь, что, мол, он и сам догадается».

И тут Сергей поскользнулся, задев Михаила локтем. «Ты чего?» — закричал Михаил, сообразив, что хоть это может быть поводом. — Дерешься? И толкнул его; Сергей упал; тут же на него навалились Пестрецов и Седов... Потасовка длилась не большие минуты — мимо шли прохожие, разняли».

«...И вот мы вернулись. Докладываем Абай нам: «Мало били. Поезжайте еще». И мы снова поехали... И снова били этого человека...»

Испытание завистью

По команде Абая они ездили и к другим «отступникам». У одного отобрали двести рублей. У другого — джинсы. У третьего — переломали всю мебель.

«...Я полагал, что отступники, к которым мы применили репрессии, сделают для себя выводы — смогут вернуться к общению с Абаем. После каждого «похода» Абай расспрашивал нас о «боевых действиях» с таким выражением, что было ясно: он медоволен поведением наказанных. Да и нашими действиями тоже. Я не понимал, чем это вызвано. Я не знал тогда, что он уже предчувствовал крах своей «школы». Между тем число отступников увеличивалось, а сложность и жестокость поручений Абая возрастали».

Передышка наступила, когда в Вильнюс приехал Талгат Нигматулин.

Почему он, известный актер, снявшийся в десятках фильмов, отличный спортсмен, обязательный мужчина, можно сказать, человек удачи, оказался в этой группе? Я пересмотрел множество его фильмов. Видел его в разных ролях — коварного злодея, ловкого пирата, простодушного парня, случайно попавшего в воровскую банду, совестливого женатого человека, полюбившего старшеклассницу... Говорил с близкими ему людьми. Читал его стихи, сценарии, рассказы. Слышал, и не раз, песню на его слова «Русские березы». Удивительно разнообразно талантливый человек. Уму непостижимо, как его занесло именно в эту компанию...

Талгат был душевно богатым человеком, надевшим других собственными чертами. Он был склонен к идеализации. Он был романтик в высшем смысле этого слова. И потому он обманулся в Абае. Ему казалось: условие полного подчинения ученика Учителю — это школа самопожертвования, доброты, верности своему идеалу.

Талгат не знал середины — он был человеком крайностей. И потому, однажды поверив Абаю, не видел некоторых подробностей... Он не замечал, что Абаю лестно, когда он, известный актер, в присутствии многих обращается к нему почтительно. Не замечал, как завистливая усмешка вдруг искажала лицо Учителя, когда новые адепты Абая просили у Талгата автограф. Не понимал, почему в актерской компании, в доме Талгата, где Абай не раз гостил, «почетный гость» вдруг просил немедленно принести ему стакан воды из-под крана, демонстрируя: вот он знаменитость, а у меня на побегушках. Абай постепенно начинал видеть себя безраздельным хозяином ума и воли Талгата. Нет, не только Талгат обманулся в Абае. Но и Абай — в Талгате.

Итак, наступила передышка... Талгат привез в Вильнюс десятиминутный любительский фильм, который снял год назад сам, в котором главные роли — по сценарию Талгата — играли Абай и Мирза. Талгат попросил директора лучшего в Вильнюсе кинотеатра показать этот фильм их группе. Талгат ходил в окружении адептов Абая по зимним улицам Вильнюса — его узнавали прохожие, это было трудно, потому что в киосках только что появился свежий номер журнала «Советский экран» с его портретом на обложке. Талгат был счастлив, не подозревая, какое испытание готовит ему нестерпимо завидующий его успеху Абай.

Передышка кончилась, когда Абай заявил: нужно поехать к Валентасу, выяснить, почему он «отходит от школы». На этот раз Абай отправился сам, взяв с собой Михаила, Игоря и Талгата.

«...Я не сомневался в благородстве Талгата, — пишет Михаил — Я верил, что он найдет выход из любой сложной ситуации... Но чувствовал себя, как рядовой на боевом задании. Абай оставался для меня управляющим центром... И когда Абай во время разговора с Валентасом что-то крикнул, я бросился в драку, не раздумывая...»

Абай был уверен, что и верный ему Талгат, спортсмен, ловко дравшийся на экране, сделает то же самое. Но Талгат, для которого драка в жизни была никогда не нарушаемым табу, не сделал этого. Он, не раз утверждавший на встречах с кинозрите-

лями: «Дерутся только трусы», — не знаящий о распаде «школы Абая», не подозревавший, что верная Абаю часть группы превратилась уже в бандитскую шайку, попытался разнимать, мирить дерущихся.

По мнению Абая, это была измена, коварная, публичная, позорящая их всех измена. Она требовала наказания. Немедленного и страшного.

Улыбка Талгата

В этой истории меня поражает механизм самообмана. Механизм, перевернувший в умах поклонников Абая все с ног на голову. Нет, не только Талгат был опрокинут ими, верными сторонниками Абая, навзничь. Был опрокинут мир человеческих представлений о добре и зле, о правде и лжи, о честности и бесчестии... Ведь Михаил, наносивший тренированными руками точные удары в лицо Талгата, не был ни в ярости, ни в беспамьятстве. Он даже мог в тот момент думать. Вот что он думал:

«...Я думал, что эта ситуация нужна самому Талгату».

Михаил видел, как Абай пинал ногами лежащего на полу Талгата, но продолжал верить:

«...Я был убежден, что никакого вреда здоровью Талгата это не принесет».

Они били Талгата у Андриуса Каленаускаса, где квартировали последние дни, куда вернулись после неудачного визита к отошедшему от них Валентасу. Они били Талгата с двух часов ночи до десяти часов утра. С небольшими перерывами. В перерывах они по команде Абая наскоро подкрепляли себя сорокаградусной «чистой энергией». Мирзалабай, уже не скрывавший, что он всего лишь подставная фигура, «сборщик податей», называвший Абая то «директором», то «хозяином», тоже бил.

«...Талгат не сопротивлялся, — вспоминает Михаил, — только прикрывался руками. Он кричал: «За что, Абай? Хватит! Перестаньте!» Но Абай, засунув руки в карманы пальто, повторял: «Бейте его». Потом: «Хватит». Потом опять: «Бейте». А когда Талгат упал, бил его сам, ногами, в лицо».

Я заходил в ту двухкомнатную квартиру, где все это происходило. Читал заключение судебно-экспертной (его невозможно читать без содрогания — «...двадцать два повреждения в области головы...»; «...всего 119 повреждений»; «...агония длилась около часа...»). Говорил с психиатрами-криминологами. Меня мучил вопрос: почему Талгат, сильный, тренированный человек, даже не попытался защититься себя?..

Никто определенно ответить не мог. Могли только предположить. Вот одно из предположений: Талгат настолько сжился со своей иллюзией «школы Абая», что мгновенная утрата ее была равна полному опустошению. А в этом состоянии человек нередко теряет способность сопротивляться.

«...Мне уже становилось жалко Талгата, — пишет Михаил, — но со мной происходило что-то странное. Я не хотел бить, но бил, потому что были все. В глазах был туман, я почти ничего не видел вокруг. Внутри я залегивался от слез. Было такое ощущение, что в душе что-то ломается, рушатся привычные представления... Когда все кончилось, я буквально упал и уснул».

Михаила я видел во время суда только один раз. На первом заседании. Он вошел за огороженное дубовыми перилами место вслед за Мирзой и Абаем. За ними ввели и остальных обвиняемых. Все сели на длинную широкую скамью, только Михаил замешкался. Он, высокий, белокурый, стоял, выематривая кого-то в зале; наконец он увидел, кого искал, — это была его мать, грузно осевшая на чьих-то руках. Он кивнул ей, дернулся было — солдат из охраны тут же положил руку на его плечо; лицо его оказалось гримасой нетерпения, взгляд опять заметался по залу, плотно заполненному людьми... Кого он еще искал?.. Сел он с трудом, сидел, то сцепляя, то расцепляя руки, поводя красивой не остриженной пока головой так, будто воротничок рубашки теснил его горло и ему трудно было дышать.

«...На следующем судебном заседании он не появился — врачи обнаружили у него тяжелое психическое расстройство. Ему казалось, что где-то здесь, в зале, сидит двойник Талгата, дружелюбно кивает, улыбаясь ему своей открытой, легкой, прощающей и даже как будто виноватой улыбкой».

Я НЕ ПРОТИВ, НО...

Вы не так давно писали о том, как работает инициатива вазовцев «Четыре дня — на объектах соцкультбыта». Все это здорово. Там стадион подлатали, там Дом культуры отремонтировали. Но у меня вопрос.

Зачем нам, рабочим, инженерам — не строителям! — строить, ремонтировать? Во-первых, от нас непрофессионалов, толку в этом деле маловато, а во-вторых, и в главных, — почему мы должны выполнять чью-то работу, подменять кого-то, доделывать за кого-то? А ведь у тех, за кого мы должны работать, есть свой план, зарплата, премии.

Допустим, в нашем районе десять лет строят спортивный комплекс и никак не могут достроить. А тут как раз инициатива подоспела! Но почему я должен тратить свой выходной на помощь тем, кто со своей работой не справляется по каким-то причинам? Я уж не говорю о том, что нас частенько просят поработать в субботу на своем предприятии (два-три раза в месяц, это обязательно), но тут-то хоть платят.

Нет, дело не в деньгах. Я всегда с

удовольствием выхожу весной на коммунистический ленинский субботник, это действительно праздник. Но там-то я работаю за себя! А не покрываю чье-то разгильдяйство!

Каждый должен заниматься своим делом. А то привыкли мы все доделывать за других. И эти другие не очень-то поэтому и стараются: знают, с рук сойдет, за них доделают. Дом построили — жильцы сразу ремонт делают за строителей (а те уже все премии получили). Приходит в цех конструкторская разработка, технолог доделывает ее, потому что она не очень пригодна в том виде, в каком она есть. Готовый станок получаем, начинаем придумывать всевозможные прилады, которые недоделаны, недоделаны, и т. д. И так на каждом шагу.

А почему бы всем сразу все не делать до конца?

В конце концов я сам пойду и помогу строителям в свои же выходные. Но мне кажется, что подобная практика, которая стала, к сожалению, у нас традицией, носит антивоспитательный характер. И расхолаживает. Есть тут и оттенок изживен-

чества: помогут, выручат, не робей, ребята.

Вы можете возразить: ведь объекты-то для нас же самые, наши же объекты. Да, это так. Но я же не зову строителя или маляра, предположим, помочь мне в выходной поработать на моем карусельном станке! А если и попрошу, так помощь его будет не ахти какой — протрет разве что тряпочкой да стружку соберет в кучку. Вот такие мои мысли по поводу этой инициативы.

Однако инициатива инициативой, а ведь нас обязывают отработать эти четыре дня. Хочешь не хочешь, не спрашивают. А это, по-моему, откровенный перегиб.

Интересно, что вы по этому поводу думаете.

Сергей МЕДВЕДЕВ,
токарь-карусельщик,
Москва

ЗАСТАВИТЬ... ДОБРОВОЛЬНО!...

В одном из последних номеров журнала вы просили рассказать о том, как мы работаем по почину вазовцев. Расскажу, как обстоят дела у нас в Хакасии.

Мы получили указание: «Во что бы то ни стало отработать четыре дня на строительстве одной из сельских школ!» (которую, кстати, уже десять лет строят).

Но ведь речь-то шла о добровольном участии! Тем не менее нас даже не захотели слушать: «Никаких отговорок! Кто не поедет работать — будет вызван в райком партии».

Я только вчера вернулась домой — сдала госэкзамены, приехала с дипломом пединститута. Пять лет не могла нормально отдохнуть в отпуске, училась заочно: то контрольные, то курсовые... И вот наконец-то, думаю, отдохну хоть пару недель, на юг с семьей съездив. А ведь есть еще дом, хозяйство, ребенок. Спрашиваю: можно потом, после отпуска отработать? Нет, говорят, ты коммунист, значит, обязана работать тогда, когда тебе скажут!..

Вот вам и почин в действии — работать добровольно заставляются...

Может, я чего-то не понимаю?

Марина ШМЕЛЕВА,
Хакасская автономная область

К XX съезду
ВЛКСМ.

ЛУЧШИЙ АРГУМЕНТ- ДЕЛО!

Что волнует молодых?

А НУЖНО ЛИ СПОРИТЬ?

Давайте по порядку. Разумеется, не может быть и речи о том, чтобы работать по почину кого-либо принуждать. Дело это добровольное. Жаль, что в письме из Хакасии нет точного адреса и мы не можем узнать, кто там заставлял работать приказом.

Теперь о письме Сергея Медведева. Зачем, спрашивает он, заниматься строительством и ремонтом людям, не имеющим к этому никакого отношения. На первый взгляд действительно трудно ждать от них большой пользы: не профессионалы. Пожалуй, прав Медведев и в том, что в известном смысле эту работу можно назвать «доделыванием за кого-то». Но! Как же быть, если строители пока не справляются со своими обязанностями? Что же теперь, сидеть сложа руки и ждать, когда у них все наладится? Не забывайте, что мы же с вами будем пользоваться и клубом, и стадионом. Получается, свой выходной потратим для себя.

Вот, например, в одном из районов Москвы, в Гольянове, в парке энтузиасты создали целый спортивный городок для атлетической гимнастики — самодельные штанги, снаряды, турники, шведские стенки. Никто этих людей не заставлял тратить свои вы-

ходные, и было это, кстати, задолго до вазовского почина. Собрались единомышленники и своими руками сотворили это маленькое чудо. И взрослые, и дети разных возрастов с удовольствием занимаются там каждый день, в любую погоду. Кто подсчитает прибавку к здоровью, которую они получают? Те, кто построил этот комплекс, вправе гордиться. И даже не важно то, что большинство людей, там занимающихся, не знают мастеров-создателей; в душе они, я не сомневаюсь, благодарны этим энтузиастам.

Есть, наверно, и другой вариант создания подобного спортгородка. Можно было попытаться найти тех, кто по роду своей деятельности занимается благоустройством района, и просить их помочь. Однако, думаю, времени на это ушло бы гораздо больше. Выходит, построив спортгородок, ребята все же работали за кого-то? В какой-то степени да. Но ведь для себя же! И мне кажется, человек, порабатывавший в выходной день на объекте соцкультбыта, обязательно захочет потом приходить сюда еще и еще: если это стадион, то позаниматься спортом, если клуб, то найдя себе дело по душе.

Прав Медведев, каждый должен заниматься своим делом. Думаю, что инициативу вазовцев, хотели они того или нет, можно воспринимать и как

открытый упрек строителям, тем, кто действительно не справляется со своими обязанностями. Наивно полагать, что от этого все отстающие враз подтянутся, но кто-то, может, и задумается над положением дел, когда помогать им приходят люди «со стороны».

Вспоминаю свой разговор с одним пожилым рабочим. Прикрепили к нему, наставнику молодежи, паренька, который «откровенно не жаждал трудиться». И наказывали-то его всяко, и мораль читали — толку не было, знай себе работает спустя рукава. Собеседник мой, старый мастер, не сильно-то был разговорчивым, все больше молча наблюдает, но веское у него было слово. Так вот, видя, что нет никакого проку от паренька, подходит он к нему однажды и говорит: «Гляжу, мол, что не справляешься ты со своими обязанностями, или руки у тебя не к тем местам приставлены, или еще чего, давай-ка я буду помогать тебе норму делать. Денег за это брать не буду, зарплата вся тебе. А то как-то неудобно мне перед коллективом: такой неумеха попался, каких сроду не было, подумают, что и я ничего не стою как наставник». «Да что ты, Трофимыч, — растерялся парень, — я и сам могу!» И ведь потихоньку, помаленьку выравнился, переменялся парень, стал нормально работать...

В «Смене» №13 были опубликованы два письма наших читателей из Ивановова и Октябрьска Куйбышевской области, в которых рассказывалось о том, как ведется там работа по инициативе молодых вазовцев «Четыре дня — на объектах соцкультбыта». Мы получили немало писем подобного содержания. Однако не везде все идет гладко, пишут нам и о трудностях, слабой организации работ и даже о том, что где-то работать по почину... заставляют. Есть и письма, в которых оспаривается нужность самого почина. Сегодня мы публикуем два читательских письма и комментарий к ним нашего корреспондента.

Конечно, Сергей, нет смысла звать тебе строителя — помогать работать на твоём карусельном станке, мало от него будет толку. Но вот что касается конструкторских разработок, которые приходят в цех не доведенными до конца, так ты ведь вправе по этому поводу и к главному инженеру обратиться, и на собрании выступить — призвать этих конструкторов к ответу, и, уверен, тебя поддержат. До тех пор, пока ты, твои товарищи, мы все будем только рассуждать об этих недостатках между собой, а не станем выносить их на широкое обсуждение и добиваться принятия мер, до тех пор все наши благие пожелания и критика будут оставаться лишь благими пожеланиями. Дело-то любое надо доводить до конца. Какими бы они, эти разговоры, ни были правильными, без дела они — пустой звук.

Давай, Сергей, поставим все точки. Да, по этой инициативе работать никто не обязан. Но ведь даже не об этом речь. Разве ребят, которые хотят сами сделать свой досуг насыщенным и интересным, нужно осуждать? Напротив, они заслуживают всяческой поддержки. Есть ли смысл уговаривать тех, кто не верит в это? Наверное, нет. Пусть отойдут в сторонку.

Юрий РАГОЗИН

ПОЛЫНЬ

С той поры немало времени прошло, многое забылось, но перед глазами и сейчас разворачивается безмерное, ничем не защищенное пространство. Серые сохлые стебли, обсыпанные пепельными комками, жестко шуршат на ветру, и когда его порывы ударяют в лицо, то слышится липкий пьянящий чад. Степная горечь всюду. Она привячива, от нее невозможно убежать, нельзя укрыться, спрятаться в подушки, зарыться в одеяла. Что бы я ни делал, куда ни шел, спал или гонял футбольный мяч, смотанный из тряпок, горечь полыни всегда со мною.

В то лето многие из нас, мальчишки и девочки, вывезенные на Урал, только присматривались к жизни, наполненной неясными загадками, странными тайнами, и самой тревожной, трудной из них была та, что пряталась за плоской равниной, ее размытыми горизонтами, уходящими в ленивую горькую даль.—там была война.

Бревенчатый городок лежит посреди равнины. Ветхие дощатые бока подставлены всем ветрам, которые того и гляди снесут его вместе с кривыми скрипучими улочками и заросшими чилижником оврагами.

Мало сказать, что я томился степью. Ее не принял сразу, хотя понимал, что унылая плоскость и эта полынная горечь оберегают от снарядов.

В теплые дни нас уводит за город собирать лекарственные травы. Ими степь богата: череда и ромашка, пустырник, валерьяна, чистотел... Оксана Павловна хорошо различает полезные растения, помогает разобраться в них. У кошачьей лапки стебель шерстистый-войлочный, белые и розовые бутончики расцветают в мае. Чуть позже распускается бессмертник. Отвар из него надежно останавливает кровь. Поэтому мы охотимся за бессмертником и по-настоящему радуемся, когда отыскиваем желтые корзиночки. Ведь мы знаем, что бессмертник доставит во фронтовые госпитали.

Хождение за травами делается для меня чем-то большим, нежели обычные прогулки. Оксана Павловна в сарафане, на голове белая панамка с широкими полями. Она вкладывает мои пальцы в мягкую прохладную ладонь, и мы, возглавляя шумную нестройную цепочку, отправляемся в степь. В такие минуты тихий городок пробуждается, улочки вроде распрямляются. Рядом с Оксаной Павловной городок хорошеет да и степь выглядит иной. Прозрачный воздух пронзен солнцем, безоглядная ширь звенит птичьими голосами, наполнена шорохами душистых трав. Полынь — и та уж будто не горчит.

Оксана Павловна из местных, уральская казачка. Лицо у нее продолговатое, шея тонкая, на плече коса, похоже, сплетенная из выгоревших трав. Мне все в ней нравится: голос, случайная улыбка, даже то, как она прихрамывает, словно натерла ногу, или рассматривает степное разнотравье, поэтому чуть приподымаюсь. Оксана Павловна напоминает молодую римлянку Порцию, о которой я прочитал в книге. Для того, чтобы доказать стойкость характера, Порция рассекла ногу: «Боль надо мною не властна!» С тех пор и прихрамывает. Я пронзительно верю, что Порция переселилась из древнего каменного Рима в дощатый городок, берет меня за руки и, прихрамывая, уводит в степь. В глубокой тайне, боясь признаться самому себе, я думаю о том, что когда вырасту, то наберусь отваги и скажу:

— Какая вы красивая!

Жарким летним днем впервые я увидел Шлыкова. Он мчался по степи, вернее, летел, как птица, прижавшись к гриве иноходца, и вдруг осадил коня. Мы тотчас облепили всадника. Шлыков вскинул руку, потряс в воздухе кожаной плетью, хотел улыбнуться. Но улыбки у него не получилось. Лицо неподвижное, холодное, с жесткой щеточкой усов. Он быстро, одним губами, усмехнулся, что-то сказал нашей воспитательнице и, когда Оксана Павловна задержала на нем взгляд, вздыбил плетью коня.

Таким мне и запомнился Шлыков: прижатый к гриве иноходца, в гимнастерке, с кобурой на ремне, широких галифе с лампасами и неожиданно ярких красных сапогах, стяннутых гремящими сверкающими шпорами.

Шлыкова я сразу невзлюбил: мужчины сражаются, мы, дети, собираем лечебные травы, а он запрятался в тыловом городке, гоняет на коне да еще модничает в красных сапогах! Особенно огорчало то, что это мое настроение вовсе не разделяла Оксана Павловна. Напротив, при Шлыкове она делалась другой, как бы отдалялась, была холодной и чужой, отдавая тепло и нежность своих глаз степному человеку. Все во мне сжималось, когда я перехватывал взгляд уральской римлянки, направленный из-под густых, обожженных солнцем ресниц на пружинистую фигуру Шлыкова. Как хорошо, если бы он исчез, стиснул в постылой горькой степи! Вместе со своими сапогами!

Как-то я не выдержал:

— Попробовал бы полихачить в красных сапожках на войне!

Я хотел добавить что-нибудь обиднее, но не успел. Оксана Павловна взглянула в мою сторону так, словно ударила, будто хлестнула шлыковской плетью. Все во мне от боли сжалось.

— Что с тобой, Андрюша? — Она испуганно склоняется, совсем близко замечаю на ее переменявшемся лице ресницы — они густые, высокие, похожие на степные травы. И опять мы дружны, снова вместе.

Хозяйственными делами в детдоме управляет Гоша Кусурбашев. Он тоже местный. Гоша в лисьем малахае, раздавленные скулы в жидкой бородачке будто облеплены полынными кустами. Гоша молчалив, не услышишь лишнего слова. Зато любит петь. Покончив с делами, он усаживается на завалинке, вздергивает полынную бородачку к солнцу, прищуривает щелястые глаза, заводит монотонный напев. Голос у него негромкий, в горле вроде бы шелестят от ветра травы. Гоша поет на своем языке, слов мы не разбираем, но понимаем, что то, о чем говорится в песне, он очень любит. Не раз, бывало, я приставал к нему, допытывался, чего он пропадает в скучной равнине. Мы-то здесь не по доброй воле, война загнала в постылую дыру. А он-то зачем торчит? Кто его неволит? Собрал вещи и сматался бы отсюда. На земле прекрасных мест много: леса, горы, море... Гоша терпеливо слушает, в раскосые глаза наплывают тени, он соглашается, говорит, что я, пожалуй, прав, но только по душе ему родной городок и степь, лучше которой нет ничего на свете.

— В лесу темно, в горах не повернешься.— Гоша встряхивает полынной бородачкой, щелки лукаво смыкаются.

О Шлыкове рассказывают всякое. Говорят, обыкновенный милиционер, другие клянутся, что разведчик, хотя в толк не возьмут: какие дела у разведчика в глухом захолустье? Не знаю ничего о нем и я, хотя не однажды испытывал на себе цепкую хватку человека в красных сапогах. От него, как от полынной горечи, не укроешься, он успевает всюду. Вот и на этот раз... Под покровом сумерек мы с Серезкой Серезиным обчистили огород. С оттопыренными на животах рубахами, хрустя свежими огурцами, топчем к себе. Внезапно на дороге вырастает... Шлыков. Ну и нюх! Мы враспыльную. Серезка худощавый, как жердь, он ловко проскальзывает в лаз, а я застаю. Крепкие руки ухватывают плечи.

— Дяденька, прости!

Шлыков выдергивает меня из забора.

— Щипачи! Мелкие разбойники!

— Отпустите! — Я не хочу, чтобы в таком вот виде, с оттопыренной рубахой, под конвоем Шлыкова меня отвели в детдом. Нестерпимо от мысли, что обо всем узнает Оксана Павловна. Я отбиваюсь, воплю, кусаюсь. Руки Шлыкова стискивают клещами.

И я не выдержал, сорвался. Слова сами вырываются из меня. Я говорю все, что накопилось. Про войну, про красные сапоги. И клещи разжимаются.

— Вот что, пацан.— незло произносит Шлыков.— снеси-ка огурцы на место да извинись перед хозяйкой. Она без того хлебнула горя, похоронку на мужа получила.

Я покорно плетусь обратно. Складываю добычу между грядами, но в дом не решаюсь войти, духу не хватает.

Когда же выбираюсь на улицу, освещенную слабой луной, то не верю собственным глазам. Прислоняюсь к забору, широко раскинув руки, хватаюсь за штакетины, Шлыков медленно сползает вниз. На побледневшем лице резко чернеет полоска усов.

— Дяденька! — Я бросаюсь к Шлыкову, стараюсь помочь.

— Прочь... — Шлыков отдергивает мою руку. Я скорее чувствую, чем слышу, как он цедит сквозь стиснутые зубы: — Марш отсюда!

Непросто верить, что этого крепкого человека, шипящего в красных сапогах, с пальцами-клещами, скручивает какая-то болезнь. Он беспомощен.

— Уходи! — В голосе Шлыкова столько злости и страдания, что я совсем теряюсь.

— Ну же! — вымученно цедит он, пытаясь привстать. И вдруг громко зовет: — Сапсан! Сапсан! Порви-ка щипачу штаны...

В потемках раздается глухое ворчание. Рослая овчарка у забора рвется с привязи. Тут уж не надо меня уговаривать. Я даю деру — только пятки обжигает.

Из всех времен года незабываема весна. Она дружная и напористая. В апреле снег тяжелеет, делается нездравым. Река вздувается, выходит из берегов, перемальвает ошметья рыхлой глины. Весна берет свое: быстро чернеют крыши, на деревьях грачи складывают гнезда. Вместе с ними прилетают скворцы, за ними — жаворонки, а там появляется и настоящая птица, или, как говорит Кусурбашев, дичь. Медленно растягивая слова и пощипывая жидкую бородачку, он рассказывает, что видел лебедей и что гуси уже тянутся большими стадами.

Я все чаще надоедаю Оксане Павловне, спрашиваю, когда нас повезут домой, но получаю уклончивые ответы:

— Не сегодня завтра.

А на другой день, через неделю, через месяц снова:

— Не сегодня завтра... Надо потерпеть.

Чего-чего, а терпения у меня хватает. Если столько времени мирюсь с нудной степью, то как-нибудь обожду еще немного.

— Не сегодня завтра...

Однажды Оксана Павловна, странно улыбаясь, показывает... конверт. Я сжался. Письмо от соседки по квартире. Берестинская сообщила, что недавно вернулась из эвакуации, дом свой нашла невредимым (Ирина Леонардовна написала: неразоблеченным), квартиру не обокрали, трамваи ходят, магазины открыты. Она снова в театре, пока билетером, но вот-вот опять взойдет на сцену, которую обожает без ума. В конце письма Берестинская приписала, что моей мамы пока нет, но она надеется, что все будет хорошо.

Письмецо короткое, даже совсем куцее, но я не расстаюсь с ним днем и ночью, оберегаю, как самую большую тайну. Оно напоминает о маме, о недалеком прошлом. Перечитывая бесцельное число раз ровные строчки, я вновь и вновь припоминаю синие кинжалы прожекторов, упирающиеся в сумрачные взвихренные облака, вижу располосованное огненными трассами снарядов небо и станционную платформу, куда притащила меня артистка. Я отчаянно упираюсь, вплепляю в сухую руку Берестинской, сбиваю с накрученных волос кокетливую шляпку, а она знает свое волочит по перрону, вдоль вагонов, набитых галдящей детворой. Не выпуская ворот пиджака из цепких пальцев, смиряя одышку, хватая ртом воздух, Ирина Леонардовна объясняет строгой пожилой женщине, показавшейся из тамбура, что я сделался жертвой военной катастрофы, моя мама уехала в командировку, меня же, сорванца, оставила на ее попечение, а тут бомбежки, вестей от нее нет, кругом суматоха, ей, артистке, самой до себя... Тетя Шура, так назвала себя строгой женщина, сделала галочку в блокноте. Потом были тесноватые вагоны, тащившие напуганную детвору в далекие глубины.

В школе нам задают выучить наизусть пушкинский стих «Привет тебе, пустынный уголок». Стихотворение славное, но никак не поддается. Это не потому, что под рукой письмо Берестинской. Вовсе нет. «Пустынный уголок» не лезет в голову оттого, что Оксана Павловна чем-то обеспокоена, ее тревога передается мне. Она часто выходит из классной комнаты, задерживается у зеркала. На ней зеленая кофточка с гвоздикой, вышитой бледно-розовыми нитками. Светлые волосы стягивает неширокая и тоже бледно-розовая лента. Взгляд у нее рассеянный. Мне кажется, что ей что-то угрожает. Поэтому, когда Оксана Павловна собралась домой, я потихоньку крадусь следом. Я почти уверен, что должен быть рядом. Я готов защищать ее, хотя не знаю, от кого.

Поздний вечер. Воздух теплый, влажный. Пахнет жженым кизляком. Железная труба над кожевенной фабрикой упирается в луну. Где-то блеют овцы. Оксана Павловна в плаще, на голове косынка, куда-то торопится, каблучки пощелкивают по дощатому настилу ровно, будто она вовсе не прихрамывает.

Вечер густеет. Оксана Павловна сворачивает на тропку, петляющую вниз по

Рисунок Натальи СЕДУЛИНОЙ

заросшему бастыльником увалу. У берега темнеет лодка, скрипит уключина. Я догадываюсь: в ней — Шлык! Он начал сразу:

— Я подал рапорт! Да! Решено! — Шлык говорит коротко. Он будто бы даже не произносит, а выстреливает фразы. Голос жесткий и сухой. Слова — щелчки. — Так лучше. Все обдумал. Верно!

У Оксаны Павловны голос другой — тихий, плавный, много в нем хорошей нежности:

— Ты же знаешь, что откажут, не пошлют на фронт.
— Вот как? Почему?
— С твоей-то раной...

Какое-то время Шлык упрямо молчит, затем усмехается:

— Да-а, бандюга был матерый, настоящий медвежатник! Крепко меня подпортил, вогнал фомку под самую печень. До сих пор от железки ломит. Только сейчас, после этих слов, я, кажется, догадываюсь, какая болезненная раз скручивает Шлыка, делает его бессильным. Припомнился огород, штaketник, по которому сползал он...

Уже погасло солнце. Опустившееся небо и звезды неторопливо плывут в реке. Где-то плеснула рыба. Течением лодку подгоняет к берегу. Нас разделяет куст боярышника и ветка чернотала, торчащая из зарослей шиповника. Каждое слово, даже шепот — все отчетливо. С другого берега рыбки налетают ветер. Он доносит шуршание трав, охлаждает щеки. Негромко смеясь, Оксана Павловна признается, что ждет ребенка. Малыш давит на сердце, беспокоит, стучит ножками в живот.

— Казак! — довольно буркнул Шлык. — Весь в меня, просится на волю.
— А если девочка?
— Ерунда! — отмахивается Шлык. — Быть того не может. Сын родится.
— Тем более, — мягко настаивает Оксана Павловна. — сыну нужна крепкая рука, рука мужчины.

— Вот именно мужчины! — подхватывает Шлык. — А что я? Среди баб да стариков! Дети потешаются.

В реке снова плеснула рыба. Это, наверное, одна и та же рыба, и прыгает она в одном и том же месте.

Первой говорит Оксана Павловна:

— Мог бы посоветоваться.
— Все бабы на один манер, — выстреливает Шлык, — голосить, цепляться за штаны.

Оксана Павловна негромко уговаривает:

— Но и здесь ты нужен.
Шлык продолжительно хмыкает, в горле клекот:
— Верно: нужен! Нюх на падаль. Боятся Аркадия Шлыкова. Честно. Хвост поджали! — Шлык рассмеялся. Я впервые слышал его смех — негромкий, горловой, похожий на клекотанье орла. Он прокашлялся: — Притопаю с фронта, завертис с тобой, Аксюша, семейную жизнь, будем растить казачка! — И снова прокашлялся, и опять заговорил. Голос у Шлыкова сухой, металлический, но много в нем внутренней силы:

— После войны все будет по-другому. Народ подберет, некого будет сажать. Нужда в тюрьмах отпадет, поломают каталажки, придется подыскивать другую работенку. — Шлык какое-то время помолчал, будто удивлялся собственным словам, потом сказал:

— Вот что, бросай работу, народ твой неугомонный, а тебе нужен покой.

Пауза кажется вечной. Голос Оксаны Павловны, словно легкий шорох трав:

— Это невозможно... Слышишь? Я знаю всех по именам, у кого какие глаза, о чем думает, характер, капризы, маленькие слабости. Дети похожи на цветы, все разные, но как родные мне...

Опять всплеск рыбы, снова продолжительная пауза.

— Если бы ты мог заглянуть в душу Андрея... — Оксана Павловна замолчала. В наставшей тишине я различаю, как молотит мое сердце. Я жду, что скажет

Оксана Павловна обо мне. — Я, как могу, поддерживаю в нем веру. Но война... Все может быть... — Казалось, Оксана Павловна не смела произнести трудные, какие-то особые слова.

— Аркадий... — Оксана Павловна говорит тихо, в голосе мягкий, почти нежный призыв. — Он славный, умный...

— Это кто? —стораживается Шлык.

Проходит еще одна вечность.

— Прошу тебя... усыновим Андрея.

— Андрюха?! — раздается клекот. — Тот самый, шустрый, который ловок грызть чужие огурцы и косит на сапоги мои?

— Пусть у нашего сына будет старший братец...

Я остуился. Из-под ног вывалился камень, запрыгал по откосу, с громким плеском рухнул в воду. В ту же минуту по глазам ударил слепящий луч. Произошло это так быстро, что я не успел укрыться черноталом. Отблеск фонаря расплосовал куст надвое, скользнул по шиповнику.

— Тебе показалось... — Оксана Павловна еще что-то говорила, но слов я уже не разбираю. Узкая тень лодки отодвигается к середине реки, туда, где изредка бьет рыба и густо блещут звезды.

После этой ночи все во мне перемешалось. Что бы я ни делал, о чем бы со мной ни заговаривала Оксана Павловна, я сравнивал ее со своей мамой. Походка, улыбка, слова, даже прическа — все примериваю к ней. Это как снежный ком: мама, мама, мама... Припоминаю, как еще до войны устроили семейный пикник. На берегу озера мама растелила одеяло, села за вязанье. Отец удил, а я купался. Родители так увлеклись, что совсем забыли про сына. Это задело меня. Я решаю подшутить, прячусь за корягой. Схоронился, подглядываю: что будет дальше? Первой хватилась мама. Она позвала, но, не получив ответа, опять взялась за спицы. Потом снова оглядела озеро. На этот раз не только бровью повела — даже спицы обронила, подбегает к отцу.

— Небось, раков ловит! — Отцу некогда, у него поклев. Другое дело — мама. Расстроилась, мечется вдоль кромки. Потом выхватывает удилице у отца, и они вдвоем бегают по берегу.

— Андрей!..

— Андрюха!..

— Андрю-юша-а!..

Озеро вверх дном! Вволю натешившись, вылезая из-за коряги.

— Ну, чего переполошились? Тут я, не утоп. — Я хотел еще что-то сказать, вроде того, что, дескать, здорово же подшутил, но слова застревают в горле. Я не узнаю маму. Лицо у нее полотняное, каменная белизна закрывает лоб, переходит на волосы, собранные лодочкой. На какой-то миг почудилось, что она по-седевшая!

— Мама! — бросаюсь с громким воплем к ней. В тот раз впервые в жизни я по-настоящему разревелся. А мама гладит мои волосы, будто и не я, а она виновата, успокаивает, не понимая, отчего дрожу в слезах.

Мама у меня славная, и улыбка у нее тоже хорошая. Правда, когда отец ушел к другой женщине, она какое-то время совсем не улыбалась, стала молчаливой.

Мама моя работает инженером на строительстве мостов, часто бывает в командировках, оставляя меня на попечении Ирины Леонардовны. У них договоренность: Берестинская присматривает за мной, а мама ходит зато на все ее спектакли, дарит артистке цветы...

...Недалеке от городка равнина переходит в волнистые гряды. Их пологие склоны усыпаны земляничкой. Оксана Павловна часто водит нас туда. Однажды в такой вот земляничный день к нам в горы прибегает Светка Самоцветкина. Засьхалась, глаза широко раскрыты, на носу, как спелая земляника, горят крупные веснушки.

— Андрей! За тобой приехали.

И будто обожгло:

— Мама!

Будто на крыльях слетаю по гладкому косогору. Встречный ветер ударяет в лицо. Вместе со мной мчатся, ошалело мельтешат травы, птицы, облака. Жесткие стебли хлещут по коленям.

— Мама, мама...

Я скидываю сандалии, переваливаю через холм. Впереди речушка, надо бы свернуть к мостику, но — мама, мама... Не раз, бывало, мы, пацаны, ударяли по рукам, вызывали друг друга на спор, но и самые резвые прыгуны не доставали противоположной стороны. Я с ходу перемахиваю через реку, пяток не замечиваю! ...На городской окраине куча битого стекла. Обезать бы! Но мама, мама... Врезаюсь в стекло, острое вонзается в ступни. Измазывая кровью тесины, перебегаю через заборы, ломлюсь напрямик по огородам. Мама, мама...

За мной, оказывается, приехал... отец. Он оглядывает меня:

— Ну и сорванец! Ноги в кровавых клочьях...

Он почти не изменился, все такой же, как в тот последний день, когда запустил ладонь в мои вихри, пошевелил пальцами, вроде бы погладил, и, виновато сказав что-то маме, навсегда ушел... Рядом с ним молодая красивая женщина с лисьими глазами, протягивает куль с конфетами:

— Угощайся, Андрюша...

Все во мне страшно холодеет. Но не от конфет, а от незнакомой улыбки на тонком чужом лице.

— А где мама? — Я вонзаюсь глазами в отца... Берестинская говорила, что я весь в него, вылитый портрет: брови, подбородок, даже уши одинаково топорчатся. Но что мне за дело до конфет и оттопыренных ушей?

— Мама где?

Он хотел что-то сказать, а губы вроде слиплись. В этом бесконечно далеком, чужом человеке что-то такое, отчего мне делается дурно. Неясное предчувствие заслоняет все другое. Резь сдавливает горло, в глаза наплывает чернь... И снова я мчусь по степи, хочется убежать подальше, спрятаться, укрыться травами. В огромном, пропащем горечью пространстве я остаюсь до тех пор, пока не грянула гроза.

Это даже не дождь, а сплошной поток воды, падающий с неба. Низкие тучи прорезывают молнии, отблески рассекают плотную завесу, изламываются, ударяют в землю. Тяжелые раскаты, почти не затихая, с протяжным гулом перекачивают над гремящей равниной. Все вокруг дымится: небо, воздух, облака. Липкая влага перемешана острыми запахами — они кружат голову, распирают грудь, не способную вместить горьковато-приторный поток, поднимающийся из трав навстречу ливню.

Решение мое бесповоротно: я должен сам разыскать мать. Где она? Что с ней? Своей тайной делюсь с друзьями. Сергей Серегин, Жека Ларин и Светка Самоцветкина уверенно поддакивают. Больше того, все трое клянутся, что заодно со мной. Ведь у них тоже есть родные, они почему-то молчат, не приезжают за ними в уральскую степь... Тут же назначаем день побега. Светка Самоцветкина запасает сухари, Жека Ларин выменял у местных пацанов фонарь, Серега раздобыл бочку, содрал с нее железные обручи, вырезал напильником ножи.

В тот самый час, когда солнце встает над степью, мы уже в пути. Из города выбираемся задворками, преодолеваем балку, выходим на проселок.

Перед нами раздвигается равнина, маящая неизвестной далью, обещающая другую жизнь, наполняющая новым сильным чувством.

Свобода! Как передать это ощущение? Какими выразить словами? Жизнь не составлена по графику, не разложена по полочкам. Никто тебя не дергает, не поучает. Мы предоставлены самим себе: делай что на ум взбредет, иди куда вздумается. Хочешь — прыгай, ходи на голове, кувыркайся, катайся по земле, кричи, наслаждайся степью! Ты свободен, как эти травы, воздух, облака... и эта ширь, бездонная, размашистая, ничем не ограниченная.

Чувство раскованности, сознание того, что мы уже не дети, мы вполне самостоятельные, в няньках не нуждаемся, сами себе хозяева, делает нас сильными. Поэтому еще больше влюблены в степь, подарившую нам свет, простор и теплый ветер, мчащийся в небе облака!

Радостно и вместе жаль расставаться со степью. Может, только теперь я по-настоящему узнаю, как привязался к ней, сроднился с нею. Да и степь ко мне неравнодушна, не отпускает, бьет ветрами, хлещет травами.

Если хорошенько поднажать, тогда доберемся до железной дороги к ночи. С билетами на поезд тоже просто. Продадим Серегину пальто или всучим его проводнику. Пальтишко что надо! Почти новое, с косыми врезанными карманами, меховым воротником. Вещь клевая — с руками оторвут!

Привал делаем, когда городок, оставшийся за травами, пропадает. Мы грызем сухари, черпаем пригоршнями родниковую воду... Настроение портит Светка Самоцветкина. Мы собралась дальше, а она сидит на обочине, голову уронила на колени, что-то рассматривает в пыли. Поначало думаем, не дремлет ли, — нашла время! Жека зовет Светку. Она поднимает заплаканные глаза, щеки мокрые, по ним вроде бы стекают веснушки. Все ясно, Светка дальше не пойдет.

— Ребята, я пошутила, — голос обижено дрожит, — у меня никого... — Светка трет нос, будто пытается смахнуть веснушки.

Она сидит у края степного проселка, уронив голову, о чем-то беззвучно плачет. Дальше продолжаем путешествие вдвоем и не так быстро. Настрой тоже вроде бы другой. Сергей Серегин часто оглядывается, затем и вовсе отстает. По его длинной ссутулившейся фигуре, кислым глазам можно догадаться, что и он раздумал.

— Струсил, что ли? — впрямую спрашивает Жека Ларин.

Серегин канючит:

— Мачехи боюсь, злоющая она. К отцу не подпускает.

— А что же твой папаша?

— Ну его, — безнадежно машет рукой, — хуже тряпки.

Серега парень мировой, не жмот, свой в доску, настоящий друг. Он отдает нам свою долю сухарей и пальто — почти новое, с косыми врезанными карманами и меховым воротом. Взамен берет мое — куцее, с вихлястыми полами, дыркой на боку и обгоревшим верхом.

— Ничего, — подбадриваю я Серегу, — впереди вся жизнь, как-нибудь сочтемся.

— А чего же, — уныло соглашается Серега, — может, и сочтемся.

К полудню мы с Женькой отмахали порядочно. Шагаем, как скороходы. Нащупываем подошвами места потверже — по ним легче ступать, и трава не так путается в ногах. Перед нами все та же ровная, однообразная плоскость. Солнце переместилось, оно уже не с левой стороны, как утром, а виснет за спиной. Продолжительная ходьба и воздух делают свое. На очередном привале управляемся со Светкиными и Серегинскими сухарями, споловиниваем помидоры, неожиданно Жека замирает, обалденно пялит на меня глаза.

— Ну! — односложно говорит он, отчаянно карабкаясь по склону оврага. Я спешу за ним. Наверху Ларин жадно прислушивается к чему-то. Так и стоим, дурашливо схватившись за руки, устроив томительное бдение. Несильный ветер доносит стрекотание цикад, шуршание ящериц, крик сонной птицы, шелест трав.

— Оглох, что ль? — Жека сжимает мою руку. В ту же минуту издали находит слабый звук. Постепенно он усиливается, делается громче, повисает над нашими головами и, прореджавшись некоторое время, нехотя истает в затихающем пространстве. Я врываюсь глазами в Ларина. Он вопит:

— Это ж паровоз!

Мы прыгаем, швыряем в воздух кепки, тузим друг друга, падаем в траву, прижимаемся к земле, вслушиваемся в перестук колес, от которых вроде бы вся степь дрожит. И опять громкими воплями приветствуем призрачный гудок. Он напоминает о том, чего лишила нас война, вселяет уверенность, что скоро сядем в поезд, будем глотать у раскрытых окон горьковатый ветер — то будет иная горечь, не польнная, то будет запах просмоленных шпал и стальных путей, несущих нас в утраченное детство.

Не теряя времени, торопимся туда, где был гудок. До него рукой подать. Доберется бы скорей до горизонта, степь раздастся, и перед нами встанет разгоряченная насыпь...

Солнце уже ближе к горизонту, тени удлиняются, свежее. Над вечерней равниной пролетает в сторону гор одинокий орел. Распластав крылья и почти не шевеля ими, птица описывает широкие круги. Медленно темнеют краски. Багровый диск солнца оплавляет дальнюю окраину степи, и она охватывается негнущим пламенем. Солнечные лучи, вначале густые, к середине неба бледнеют, скользят над нашими головами, окрашиваются в нежно-зеленые, голубые, оранжевые тона и медленно истают в той части неба, откуда надвигается темь. Потом зажигаются звезды. В погустевшем воздухе скрадываются очертания предметов, все видится другим. Стебель польны принимает очертание странной птицы, жгут травы превращается в силуэт диковинного зверя. Равнина сужается, теряет размеры.

Вместе с ночью приходит страх.

Первым замечаю волка. Зверь нахально разглядывает нас. По моей спине острят мурашки. Затем испуг проходит. Остается лишь ощущение опасности. Волк между тем отвернул морду в сторону, будто ему плывать на нас. Мне даже чудится, что он уйдет. Я не хочу, чтобы Женька Ларин увидел его. Кто знает, закричит, зверь озлобится... Ларин долго копается в пиджаке, достает фонарь и внезапно ударяет лучом по волчьей морде. Острым холодком блеснули глаза, зверь прыгает, растворяется в ночи.

— Вот и сгодился фонарь! — смеется Женька. Но смех ненатуральный. Ясно, что и у него трясется поджилки.

Производя побольше шума, ломаем кусты, распяляем костер, поглядываем на низкое темное небо, в сторону Ковша, где должен наступить рассвет. Костер чадит, сырые сучья потрескивают, разбрасывая жидковатый дым.

Чтобы разогнать испуг, травим друг другу байки, но почему-то обоим не смешно. Жека ворошит сырые сучья, поднимает искры, о чем-то думает. Гнетет друга какая-то мыслишка.

— А все же Серега и Светка верно сделали...

— О чем ты? — не понимаю я.

— Да так, — вздыхает Жека, подставляя огню другой бок. — Если никому не нужен, то и нечего навязываться.

— У Серегина мачеха похоже ведьмы, — говорю я, — домой хода ему нет. Вот и вернулся. У Светки вообще никого. А у тебя-то, небось, мать, отец.

Ларин вдруг зло перебивает:

— Мать, отец!.. Откуда тебе знать? Чешешь языком, счастличик...

Он откидывается на спину, закладывает руки за голову, долго рассматривает звезды и желтую луну, похожую на переспелый подсолнух. Я и впрямь не знаю, какие у него родители, он ничего не рассказывал, но сейчас догадываюсь, что у Жеки с родными тоже не все, наверное, в порядке. Вот он и злится. Мне неловко перед другом, сказать бы что-нибудь такое, отчего он сразу переменится, делается проще и понятней, но я не знаю таких слов.

— Счастличик, — снова произносит Ларин, завистливо кося в мою сторону, — везет же людям!

Тут уж я взрываюсь:

— Трепач! Может, моя мама... — Я запнулся, будто подавился острой горечью, не хватило силы произнести вслух невысказанные, страшные слова.

— И чего в тебе такого? — гнет Ларин свое. — Маленький, толстенький, уши топыркком. — Он удивленно жмет плечами: — Урод уродом, а у всех нарасхват: воспитательница хотела усыновить, мильтон набивался в отца, приезжал папаша, скоро родимую мамочку обнимешь. — Жека молча терзает губы, упирается немигающими глазами в костер, вздыхает: — Подошел бы, эх, какой-нибудь дядя, положил руку на плечо, угостил бы яблоком, сказал: — Хватит тебе мотаться по детским домам. Давай, Жек, ко мне... — Ларин с таким отчаянием прикусывает губу, что из нее сочится кровь. — Да я бы... — Он не успевает досказать, глаза широко раскрываются. Жека испуганно пялится за костер. Там, в неясном отсвете, огромный зверь. Волк тот же самый, и холодный блеск в его глазах, как и в прошлый раз, леденит кровь в жилах. Морда у него узкая, вытянутая, грудь широкая, лапы мощные. Я инстинктивно хватаюсь за нож.

Хочется кричать, звать на помощь. Рука непроизвольно тянется к костру... Когда я чувствую в ладони горячее, то с силой швыряю головешку в волчью морду. Обугленная ветка описывает искрящуюся дугу. Волк не отпрянул, лишь присел на задние лапы. Верхняя губа у него дрогнула, обнажив клыки... Я теснее прижимаюсь к Женьке, который изо всех сил дует на тлеющий костер. Для того, чтобы было побольше чада, швыряем в огонь кепку, рюкзак... Неожиданно около меня раздалось фырканье. Оборачиваюсь — передо мной волк. Он совсем рядом: нос к носу. Руку протяни и достанешь ощеренную морду. Клыки загнутые, глаза как острые колючки, грудь могучая. С таким не справиться. В панике хватаю Серегиную пальто и вместе с врезанными карманами и меховым воротом швыряю в костер. Новое пальто трещит, взметая искры. Волк рычит, но отступает. Мы с Лариным чередуемся. В то время, когда я раздуваю огонь под тряпками, он наготове, лицом к степи.

— Главное, — шепчет Жека, — зырить на волка глаза. Тогда не посмеет.

Я так и делаю: изо всех сил таращусь на зверя. Волк не приближается, но и далеко не отступает. Потом с ним что-то происходит. Он беспокойно крутит мордой, востриг уши. Затем внутри зверя будто ударяет пружина. Волк делает прыжок, пропадает в ночи.

Томительно тянутся минуты. Но вот из степи доносятся равномерные, приглушенные травой постукивания. Они нарастают, жестче ударяют по земле, и из темноты выносятся иноходцы. Первое, что бросается в глаза, — освещенные неярким костром, перехваченные шпорами сапоги. Они красные. По ним узнаю всадника: Аркадий Шльков!

— Ну, робинзоны, задали работку. Всю степь обшарил. — Шлык слезает с коня, громко свистит. Тотчас к нему прыгает огромная овчарка.

— Благодарите псину, без него спинули бы в степи.

Сапсан! Это же он. Морда, лапы, грудь... Как мы обозначились? С откровенным любопытством разглядываем Сапсана, которого приняли за волка. Теплая волна подкатывает к груди. Сделать бы что-нибудь для него, угостить чем или провести ладонью по гладкой шерсти, пожать бы лапу.

Шлык приближается к костру, но вдруг странно замирает. Будто наступил на колючку с острыми шипами. Лицо искажает боль, полоска усов переломилась. Это продолжается секунду, две. Затем усы спрямляются. Шлык деланно усмехается:

— Малость перетянул ремень.

Он расслабляет ремень, думая, что мы ничего не понимаем. Не знаю, как Ларин, но мне-то хорошо известно: ремень тут ни при чем...

Справившись с ремнем, Шлык протягивает к огню руки, с хрустом сжимает и разжимает пальцы и опять стискивает кулаки, будто набирает в пригоршни бледно-синие пламя. Он долго вслушивается в ночную тишину. Неяркий свет костра впечатывает пружинистую фигуру в густую тень. На Шлыкове даже сейчас все с иголочки. Ладно пригнанная гимнастерка туго сидит на покатых плечах. Под кожаным ремнем стянутае сукно без морщин и складок. Галифе с лампасами вправлены в сапоги. Они в пыли, но все равно как новые и к тому же красные. Шлык дергает усами:

— Небось перепугались до смерти?

— Как бы не так,— с достоинством бурчит Жека,— чего бояться-то?

— Степь и степь,— подерживаю я друга,— чего в ней страшного?

— Это уж точно! — Шлык ведет вокруг рукой. — Степь не таится от человека, вся на виду, вон какой простор! Неужто надоела?

— Еще как! — обрадованно подхватывает Женька. — Ни кустика, ни деревца. Смертная тоска!

— Польнь да ветер,— встречаю я. Мы с Жекой во всем согласны, оба недолюбливаем унылую равнину.

Шлык поправляет дымящую валежину, отряхивает с сапог пепел, негромко спрашивает:

— В тех местах, откуда приехали, небось тоже есть равнины?

— Ага,— солидно поясняет Жека,— поляны, а вокруг леса.

— Ну и что хорошего? — смеется глазами Шлык. — За деревьями дальше носа не видать.

— В лесу интересно,— горячо вмешиваюсь я,— там березы, дуб, черемуха...

— Вот заладил. — Шлык кивает в сторону иноходца, который в отблесках костра с хрустом щиплет траву. — В лесу не продерешься на коняке, будешь спотыкаться. — Он приминает землю красными сапогами, вроде пробует крепость шпор, всматривается в медленно светлеющий горизонт.

Утром просыпаюсь я с неясным настроением. Сразу не возьму в толк, что же происходит. Нет, это не страхи прошлой ночи, не костер в степи. Что-то совсем другое, давно ожидаемое, до боли знакомое наполняет всего меня. В широкие окна спальни вливается солнце. Лучи теплеют на металлических стойках кровати, бликуют на стенах, оплавливают фитиль в плешке. Даже круглая черная печь — и та будто польхает... Странное чувство не проходит днем, с каждым часом делается острее и совсем уж нестерпимо к вечеру. Скрип половиц, случайный стук дверей, чьи-то шаги — кажется, вот-вот должно что-то случиться, ворваться в мою жизнь, отчего сразу все переменится, будет другим.

Я бесцельно слоняюсь по комнатам, выхожу во двор, помогаю Гоше пилить дрова, складываю поленицы.

После ужина ко мне крадется Самоцветкина. Лицо у нее бледнеет, поэтому веснушки проступают разом.

— Это я вас выдала,— признается. Она сбивчиво рассказывает о том, как воротилась в детский дом, как вместе с Серегиным прикрывали наше бегство.

— А потом подумала, что оба заблудились. Мне стало жалко. — Светка делается пунцовой, веснушки дружно тонут на ее щеках.

— Очень обиделся? — спрашивает она и, часто моргая глазами, испуганно восклицает: — Вас бы растерзали волки!

Что ни говори, а Светка Самоцветкина — верный друг. Толковая девчонка! Светка сразу веселеет, цвет лица нормальный, на носу дружно выслаиваются веснушки.

Нас с Жекой Лариным на другой день вызывают к директору. Он говорит о том, что мы подвели коллектив, запятнали его, молва — на весь город! Заканчивает директор так, обращаясь к Ларину:

— Парень взрослый. Направим в ремесленное училище, освоишь рабочую профессию, будешь полезным для общества человеком.

Мне тоже хочется быть полезным. Поэтому я готов идти за Лариным. Но директор задерживает.

— С тобой разговор особый. — Он укоризненно качает головой. — Всполошили город, столько людей подняли на ноги. — Степан Федорович в потертой гимнастерке, плечи выгоревшие. Он по-военному расхаживает, глаза странно подергиваются. Директор делает над собой усилие, пытаясь усмирить тик.

Степан Федорович в упор спрашивает:

— А если бы приехала твоя мать? Какими глазами я смотрел бы на нее? О чем говорил?

Я не знаю, что мог бы сказать директор моей маме. Комок подкатывает к горлу. И неожиданно знакомое неясное настроение, владевшее мною последнее время, остро и больно охватывает всего меня. Я скорее чувствую, чем вижу, как кто-то порывисто входит в кабинет, подхватывает на руки...

— Мама!

И все сразу забывается. Только я и моя мама. Мы вдвоем. Я никак не могу насмотреться, как мама убирает крохотный номер гостиницы, делает его уютным, переставляет табуретку, раздвигает занавеску, рассыпает по столу яблоки, печенье... Она рассказывает о себе, о том, как попала в окружение, партизанила и ни на минуту не забывала обо мне.

Мама почти не изменилась, только чуть серебрится «лодочка» на висках.

Мы могли уехать сразу. Но отсоветовал директор.

— Андрей привык к детскому дому,— сказал он,— не следует так резко обрывать привязанности. Ребенку это будет нелегко.

Степан Федорович умный дядька. Я и впрямь сроднился с детским домом, непросто расставаться с ним. Каждый день я вижу с друзьями. Сергею Сергеину дарю складной ножик с наборной рукояткой.

— Вот и сочлись,— говорит Серега небидчиво, пыхая ножик в разодранный карман куцега, с вихлястыми, обтрепанными краями пальто. Женьке Ларину

вручаю карманный фонарь с автоматическим переключателем. А для Светки Самоцветкиной выпрашиваю у матери квадратное зеркальце. Оно не стеклянное, а отлито из металла, с двусторонней зеркальной поверхностью. Светка в неописуемом восторге.

Мать подружилась с Оксаной Павловной, навещает ее в больнице, советует насчет пеленок, пустьшек и всяких других скучных вещей. Перед отъездом я забираюсь в равнину, приношу огромный, пахнущий степью букет. Оксана Павловна берет мое лицо в ладони, в ее продолжительном взгляде что-то такое, чего я никак не могу уловить. Она прощается со мной так, будто знает, что мы никогда уже не встретимся. Оксана Павловна прикасается мягкими ресницами, похожими на тонкие выгоревшие травы, на своем лице я ощущаю вкус горячих горьких слез.

— Не забывай...

От этих слов, произнесенных тихо, словно несильный ветер прошелся по степи, делается не по себе. Я не знаю: что со мной? Как утихомирить щемь в носу? Могли ли я забыть Оксану Павловну? С ней связано что-то такое, чего, наверное, мне не понять во всю свою жизнь, но и не забыть тоже никогда.

...Просыпаюсь я вдруг. Дверь полукрота, из коридора доносятся приглушенные голоса. У слабо освещенного окна замечаю мать. Стекло в странном отблеске. Подушка, абажур, графин на табурете, потолок — все окрашено неспокойной и густой, какая бывает при степном закате, багровой краской. Я бросаюсь к окну. Стекло будто плавится. Справа, над крышами домов, огненные языки, плотно скручиваясь, рвутся вверх. Четко впечатана в рыжее небо труба. По улице мчит пожарная упряжка. Хлопают ставни, скрипят калитки. Потом раздаются выстрелы.

Я наспех натягиваю рубашку, сую ноги в брюки, выскакиваю в коридор.

— Не смей!

Я вырываюсь из материнских рук, неодолимая сила толкает к выходу.

— Андрей!

Но я уже на улице. Влажный воздух холодит щеки. Перебираюсь через овраг, попадаю в тесно заставленный бревенчатыми домами проулок. В дальнем его конце мелькают тени. Я не успеваю что-либо понять, когда мои плечи стискивают зло и больно.

— Не дергайся, щенок.

Голос хриплый. В лицо бьет перегаром. Затем раздается выстрел. В ушах у меня звенит, запах пороха похож на густо настоянную, острую горечь польни.

— Не дергайся,— повторяет человек, жестко сжимающий мое плечо. Он пятится к пролomu, прикрываясь мною, как щитом. В правой свободной руке держит обрез, наводит в гибкую тень у забора.

Я замечаю Шлыкова. Он в тех же красных сапогах, которые даже сейчас до блеска начищены.

— Бакланчик¹, не будь гнидой, отпусти парнишку. — Шлык распрямился, убрал пистолет.

Человек, которого Шлык называет Бакланчиком, огромный. Он цепко ухватывает меня, в его окаменевших от силы пальцах саднит плечо.

— Уходи по-хорошему, Аркадий,— хрипло угрожает он, отступая к разлому в ограде. — Мне все равно хана, пятой ходки не дадут. Вышка. Терять мне нечего.

— Сволочь, подонок, пададь! — слова жесткие, короткие, будто пули. Бакланчик лезет в заборную щель, пятится по огороду. Ствол обреза холодно блестит. Я не знаю, что будет со мной, но страха нет. Это потому, наверное, что рядом Шлык. Ни секунды я не сомневаюсь, что он выручит меня. Дыхание Бакланчика тяжелое, прерывистое. Около сарая он хищно озирается, и вдруг я вижу... маму. Отбиваясь от Шлыкова, она протискивается между досками ограды, отчаянно размахивает руками, с громким криком: «Сынок! Андрюша!» — порывается ко мне.

— Марьяна, стой! — слыт над моим ухом. Я не знаю, почему человек, которого преследует Шлык, называет мою мать Марьяной. Все спуталось, смешалось. Что есть силы, вцепляюсь в жилистую руку. Раздается выстрел.

Никогда не сотрется из памяти солнечный траурный день. Толпа медленно движется за повозкой, задернутой красным крепом. В нее впряжена тройка лошадей. Не раз я видел, как пожарники, поднятые по тревоге, мчат по улицам. Холеные, сытые кони, вскинув гривастые головы, громко всхрапывая, встряхивают заснувший городок. Сейчас кони другие: медленно переступают, головы опущены. Глухо раздаются удары барабана, протяжно звучат басы, дрожит валторна. За кладбищенской оградой, среди холмов, зияет провал. В последнюю минуту я протискиваюсь ближе к его краю, не в силах оторвать взгляда от Шлыкова. Из-под венков торчат кончики сапог — они красные, свеженачищенные, с холодно отсвечивающими шпорами. Я смотрю на Шлыкова, и мне кажется, что похороны придуманы. Они неправдоподобны потому, что все вокруг полнится жизнью, движением, звуками. В зелени птицы гомонят, в порывах ветра разносятся запахи степных трав, тех самых трав, по которым любил промчаться на иноходце Шлык... Пронзительно мерещится, что загремят шпоры, дернется полоска усов, разомкнутся бескровные губы и раздастся, как выстрел:

— Кончай спектакль! Ишь, выдумали. Не дают человеку вздремнуть.

Я прощаюсь со степью. Над извилистым проселком, в дрожащем мареве кричат жаворонки. Стая куропаток, вспугнутых машиной, взлетает с обочины. Видавшая виды полторка бойко катит по пыльной грунтовке, хлопает глушитель, в колесах лязгает, колотится об угол кабины жестяное ведро. В кузове, на тюках с овечьей шерстью, привалился старичок — они красные, свеженачищенные, швыряющие в рот тыквенные семечки и так же молча выплевывающие шелуху за борт. Мама прижимает меня теснее, закрывает платком от ветра, что-то говорит. И мне тоже хочется сказать ей что-нибудь... Рассказать о том, что когда-нибудь я приеду в эти края. К тому времени здесь все переменится, будет другим. Лишь прежнему останется степь...

Городок пропадает за трясским бортом машины. Мы переваливаем через балку, где недавно плутали с Лариным, замечаю след костра, припоминаю Жеку, его глаза:

— Счастличик!

Нагретый воздух разносит дальние и близкие запахи цветов и трав. Они непохожие, у каждого свой оттенок и краска. Запахи мешаются, забивают друг друга — грубые и слабые, сильные и едва приметные, резкие и тонкие, яркие и нежные. Их потесняет размашистая, катящаяся густой лавиной, сохлая, с грубоватыми пепельными примесями, острым налетом, кружащая голову, спирающая дыхание, громкая, душистая горечь польни.

¹ Жаргон.

Народный художник СССР
Илья ГЛАЗУНОВ:

“ПОСТИГАТЬ СУРОВУЮ РЕАЛЬНОСТЬ ВРЕМЕНИ”

«**О** пять над ленинской страницей, несущей миру свет», говоря словами Александра Твардовского, мы задумываемся, глядя на полотно Илья Глазунова «Костры Октября». Каждому художнику присуще свое ощущение времени. В основе этого ощущения — размышления о жизни, о людях, чьи имена хранятся в памяти народа.

— Мне хотелось передать самый напряженный момент революции, — говорит Илья Глазунов. — Передать правду тех суровых дней Петрограда, когда

решалась судьба — быть или не быть новому государству.

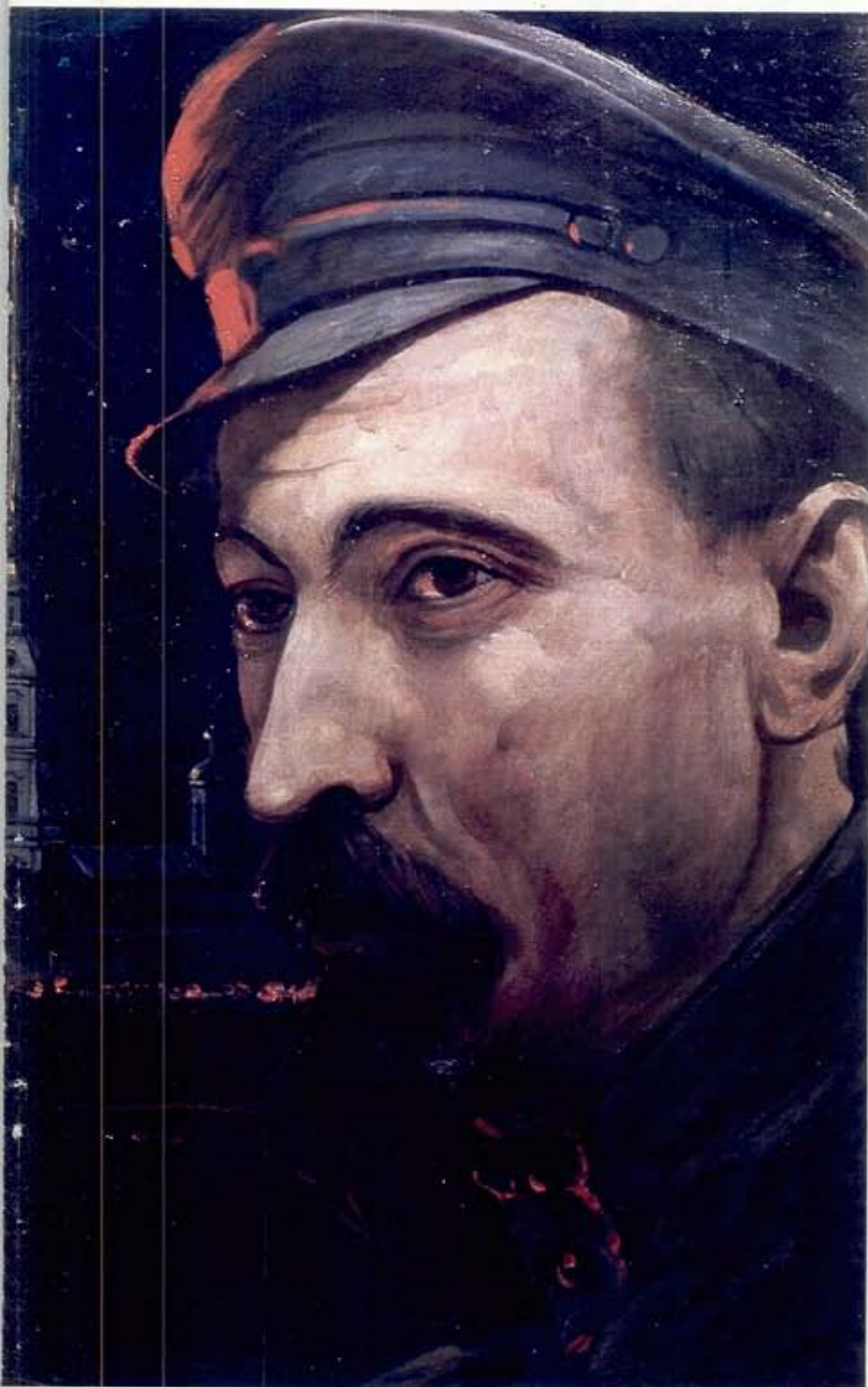
Интерес к Ленину непреходящ... Каждое поколение ищет в ленинском наследии ответы на вопросы, которые время ставит наиболее остро. Художников вдохновляет работа ленинской мысли, сила его духа, его человеческие, душевные качества. «В тяжелом, голодном 19 году Ленин стыдился есть продукты, которые присылали ему товарищи, солдаты и крестьяне из провинции», — вспоминал Горький. И каким близким и понятным становится человек, помнящий среди неотложности дел о том, что

кто-то болен, нуждается в отдыхе, в элементарной человеческой заботе и внимании. При этом Ленин, «человек изумительно сильной воли... обладал качествами, свойственными лучшей революционной интеллигенции, — самоограничением, часто восходящим до самоистязания...». И в то же время он умел смеяться заразительно, до слез «заливаясь» смехом. Художник стремится подчеркнуть в портрете именно эти черты характера Ленина, помочь зрителю увидеть, почувствовать, как в напряженности дней и ночей не тускнели его человеческие качества.

Глаза Ленина обращены к зрителю с вопросом, за которым стоят внимание, готовность к диалогу, беседе.

Рядом с Лениным соратник по партии, один из тех удивительных людей, рожденных временем, — Яков Михайлович Свердлов. Мы знаем, что, обладая феноменальной памятью, Яков Свердлов выполнял работу по организации, выбору людей, назначении их на ответственные посты сообразно их способностям и велению времени. После его смерти Ленин сказал, что эта работа под силу «теперь лишь целым группам людей, которые, идя по его стопам, сумели бы приблизиться к тому, что делал один человек». Все в портрете Свердлова подчинено его удивительной способности мыслить. Его лицо лишено каких бы то ни было признаков тепла, близости к зрителю. Сосредоточенный, напряженный взгляд. Был ли таким Свердлов? Бесспорно, ему были присущи человеческие проявления, однако художник идет по своему пути — от человека к символу...

Острым профилем обращен к зрителю Дзержинский — ближайший соратник Ленина по партии. В твердости черт его лица, в подчеркнутой строгости одежды нет и намек на слабость и сомнения. Он весь — прочность и сила. Отсветы пожаров в его зрачках символизируют стойкость и мужество — черты, столь необходимые в борьбе с контрреволюцией.

«КОСТРЫ ОКТЯБРЯ».

Символична и крайняя собранность, подтянутость фигуры председателя ВЧК. «Я хотел бы объять своей любовью все человечество, согреть его и очистить от грязи», — писал Дзержинский. И эти слова дают нам возможность почувствовать, как велик был труд его души, как высоко осознан им был долг человека и гражданина. Именно таким и предстает он в изображении Глазунова.

Все три фигуры даны на глубоком темном фоне, как бы высвеченные огнем костра. Те же огни, приглушенные общей тональностью фона, связывают два плана — передний и дальний. Где достаточно ясно просматриваются очертания людей, непосредственных «творителей» революции.

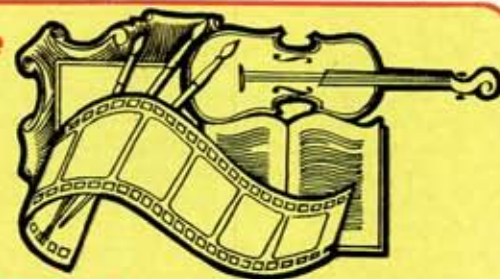
В интерпретации художника история — это живая, трепетная реальность, не засвидетельствованная нашей зрительной памятью. Однако художественные образы, создаваемые Глазуновым, так близки нашему миропониманию, что не вызывают сомнения в своей подлинности. Умение придать зримые, осязаемые черты людям, чьи имена бережно хранит история, соединить в этих чертах народнопоэтическое чувство с теми неясными в формах ощущениями, что живут в нашем сознании, отличает работы Илья Глазунова, придавая им ту особую популярность, в основе которой лежит благодарность всех тех, кому небезраз-

личны связи свои с истоками жизни на нашей земле.

Можно четко сформулировать достоинства и недостатки картины, но невозможно на основе анализа сделать однозначный вывод, хороша она или нет. Существует неучтенный фактор жизненной силы, что лежит за гранью профессиональных оценок, зачастую вопреки им споря до срока, а порой наперекор ведя долгий счет. Бесспорно лишь то, что ответственность художника перед обществом, поднимающего подобную тему, чрезвычайно высока и в этом процессе его творческий долг становится категорией нравственной, важнейшей вехой в художественном процессе. «Главное для художника», — говорит Илья Глазунов, — быть понятным народом, современниками. Нет искусства для элиты. Картины должны быть понятны всем — в этом я вижу демократизм и подлинную реальность искусства». Это особенно важно сегодня, когда вся страна включилась в нелегкую работу по перестройке не только производства, но и образа жизни и мыслей, когда хочется еще острее взглянуть в лица тех, кто стоял у истоков революции, взглянуть, чтобы найти в них ответ и поддержку.

Светлана ИВАНЧЕВА

Приглашение к спору

Что такое интеллигентность и как вернуть ее молодым?

Мне далеко не безразлично, каким вырастет молодое поколение, кто будет вершить дела в XXI веке.

Да, специалистов с высшим образованием у нас все больше и больше, а воспитанных людей, интеллигентов — единицы. Тем более обидно, что их мало среди людей, которые по роду своей деятельности обязаны воспитывать других: на экранах кино, телевидения, в школьных кабинетах, в аудиториях. Почему-то многие считают, что культурные люди должны только тарелки красиво ставить и аккуратно, чопорно есть. Воспитанию у нас не уделяется внимания нигде: ни в детском саду, ни в школе, ни в вузах. Поэтому из поколения в поколение люди растут, не зная культуры.

Знаете, жутко становится, когда стемнеет, с разных этажей нашего дома начинают лететь бутылки, мусор, а после Нового года — елки, а ведь у нас 13-этажный дом в центре города и в нем живут инженеры, врачи, работники горисполкома, всевозможные начальники, не только простые рабочие. Зато в каждой квартире пианино. Или вот такой случай. Пришел из детского сада сын и спрашивает: «Мама, а что такое натитьники?» Я спрашиваю, откуда он такое услышал. Отвечает: «Прибежала наша воспитательница Нина Ивановна и кричит: «Бабы, в Дом одежды импортные натитьники привезли, кому надо?» Что я могла ответить сыну? Сказала, что не знаю, сынок, всего я не могу знать, а ты не слушай, когда взрослые не с тобой разговаривают. Очень трудно воспитывать ребенка культурным, когда на каждом шагу его сплошное бескультурье окружает. Как-то пришла в общежитие студенческое, мат со всех этажей несетя (будущие врачи упражняются), все курят. Я всегда вспоминаю слова А. П. Чехова о воспитанных людях:

1. Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы...

2. Они сострадательны к людям.

3. Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет в его глазах говорящего... Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают. Из уважения к чужим ушам они чаще молчат.

4. Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги.

5. Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином. Они горды своим талантом, но не говорят постоянно о нем другим.

6. Они не утешают себя с той целью, чтобы вызвать в другом сочувствие... потому что все это бьет на дешевой эффект, пошло, старо, фальшиво...

7. Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомства со знаменитостями.

8. Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу. Они стараются возможно укротить и облагородить половой инстинкт... Им, особенно художникам, нужны свежесть, изящество, человечность, способность в женщине... быть матерью... Они не трескают походя водку, не нюхают шкафов, ибо они знают, что они не свиньи».

Если бы из поколения в поколение передавалась высокая культура, может, не пришлось бы сейчас бороться с пьянством, курильщиками, наркоманами, всевозможных мастей меломанами, пореже бы встречались проходимцы, воры, пройдохи среди высококвалифицированных специалистов. Пока что только пародия на культуру высвечивается и проявляется в различных постычках. И все вокруг удивляются, почему наши дети растут такие жестокие, чего им еще не хватает?

Л. ЛИТОВЧЕНКО, Хабаровск

Случился тут со мной на днях казус: попал я на спектакль «Вся надежда» в ТЮЗ. Угораздило. Друг — он студент театрального института — пригласил. И вот хочу через ваш журнал задать вопрос людям, которые занимаются ТЮЗами: кому все это нужно?

Сколько можно врать, выдавая созданное в голове за правду?

Думал ли об этом кто-нибудь из тех, от кого зависит, чтобы хоть как-то изменить сложившееся положение?

Со своим другом я на эти темы не говорил — он еще мечтает поступить на актерский и думает о каждом выходе на сцену как о празднике. Счастья ждет, события!.. Но ведь скоро он шархнет со всего размаха о равнодушие темного зала, копошащегося, жующего, смеющегося, шархнет — и будет выходить на сцену не играть, а работать. Вот это, пожалуй, самое мрачное и есть. То, что от посещения театра осталось впечатление не праздника, а какой-то тревоги, неуютя. В зрительном зале хохочут, когда по идее плакать надо, а у других поска на душе. Взрослые люди на сцене зря тратят свои силы, а в зале учатся смеяться над искусством. Глупо как-то.

Я уж не говорю обо всех этих несуществующих молодежных страстях, о конфликтах, над которыми сегодняшних школьников в лучшем случае ухмыльнется. А ведь театр только тогда и театр, когда затрагивает человека за живое. Пишу, сам понимаю, прописные истины. Наверняка вы и сами об этом знаете. Так сделайте что-нибудь...

Сергей ЛЫСЕНКОВ, Москва.

Публикуя письмо нашего молодого читателя, мы начинаем разговор о ТЮЗах — театрах, которые в силу своей специфики должны активно влиять на формирование духовной культуры молодых, говорить с ними откровенно, честно и серьезно, собственно, так, как говорят между собой сами молодые ребята.

Итак, каким вам видится ТЮЗ сегодня? Любите ли вы театр своего города? Ведь есть и такое мнение: ТЮЗы не нужны, они устарели, молодежь вообще не любит театр, предпочитая ему телевидение... Так ли это?

Мы приглашаем вас, читатели, к честному, острому разговору!

В рязанском ТЮЗе по 254-й статье КЗоТ (за нарушение производственных обязанностей) был уволен главный режиссер театра С. К. Кузьмин. Поначалу эта история могла казаться частным случаем. Как говорится, чего не бывает...

Правда, узнали мы об этом из письма, подписанного группой молодых актеров театра, которые выражали свое удивление тем обстоятельством, что за все действительные беды театра расплатился именно Кузьмин. В письме приводились доказательства того, что в последнее время театр существовал особенно трудно из-за полного равнодушия к его проблемам руководства города. Но ведь актеры могут и ошибаться. Пришлось поехать в Рязань, чтобы попробовать разобраться в ситуации на месте.

Как явление ТЮЗы — наша гордость. Создание специального театра для детей, театра дешевого и общедоступного, с одной стороны, но профессионального и подлинно художественного — с другой, стало одним из самых серьезных достижений советского театра. И сегодня мы лидируем в мире и по количеству детских театров, и по качеству спектаклей для детей. Но как только появился ТЮЗ, так возникли и связанные с ним проблемы. И, к сожалению, не только творческие. До самого последнего времени ТЮЗы являлись театрами второй категории, а это значит, что по сравнению со взрослыми театрами все у них было меньше: и штат, и зарплата, и средства, отпускаемые на спектакль. А работать для детей актеры должны были «как для взрослых, только лучше».

Непосредственно с этим связана и другая проблема — некоторой непрестижности работы в детском театре. Никто, конечно, не спорит, играть в спектаклях для детей почетно и необходимо, дети — наше будущее, наш завтрашний день, да и нет зрителя более отзывчивого и благодарного, но с другой стороны... И во взрослых-то театрах сложности с репертуаром, и там все боимся, как бы наш зритель добро со злом не перепутал и не стал бы с дурного пример брать. Ну, а в детском — тем более зритель неопытный, молодой, еще учителя опасений добавят: как бы не травмировал театр неокрепшие детские души показом реальных сложностей жизни. И вот играет актер из года в год честных пионеров, злых волков и добрых медвежат и

НУЖЕН ЛИ ТЮЗ

Алена СОЛНЦЕВА

начинает тосковать. Хочется ему развития, хочется трудного, современного материала, хочется — и такое бывает — душевных усилий для преодоления нового, незнакомого. Вместо же этого три раза в день, да еще на выезде, — то цыпленком, то котенком... И уходит актер в драму, где дадут ему сыграть дядю Ваню или Зилова из «Утиной охоты», где зарплата повыше да и квартиру скорее получит. И тут замечает актер, что его начинают узнавать на улице, в очереди, в трамвае, через некоторое время появляются в областной газете его творческий портрет с фотографиями, потом, глядишь, он уже представлен к званию заслуженного...

Конечно, в детском театре работают энтузиасты. Только этим можно объяснить то обстоятельство, что ТЮЗы не просто существуют, развиваются, но и во многих городах успешно соперничают в любви зрителей со взрослыми театрами. Таковы иркутский ТЮЗ, Кировский, Саратовский...

Ну, а что же рязанский? История этого театра не слишком богата достижениями. Расцвет его, по существу, начался лет двенадцать назад, когда пришел туда главным ныне уволенный С. К. Кузьмин. Ему удалось резко обновить репертуар, создать свою, интересную афишу, принести новые, современные средства театральной выразительности. Тогда в ТЮЗ пошли не только дети, но и взрослые, им стали гордиться. Короче, новый ТЮЗ городу пришелся по душе. А его главному режиссеру присвоили звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. Казалось бы, все идет хорошо, а дальше будет только лучше, но не тут-то было. На вопрос: «Когда же начались перемены к худшему?» — во всех инстанциях, куда я обращалась: в управлении культуры, обкомах КПСС и ВЛКСМ, — ответили одинаково: «Лет пять-шесть назад». Кстати, замечу в скобках, что в это же время произошло еще несколько событий, в частности, вступил в должность нынешний заместитель начальника управления культуры Карцев, был назначен новый директор ТЮЗа Трушин. Но это, конечно, случайные совпадения, потому что при-

чина изменения положения в театре, по мнению руководства, только в одном — в плохом характере режиссера Кузьмина, который перестал ладить с людьми, слушать советов, оказался чрезмерно конфликтен и требователен. Зазнался и начал работать спустя рукава. Тут в голосе рассказывающего звучит неподдельная обида: мол, как же так, мы ли его не ценили, звание дали, в партию приняли...

Но оставим характер Кузьмина, тем более что в городе его уже обсудили во всех деталях. Разберемся в другом. Разберемся в том, что же мог требовать Кузьмин — не для себя, конечно, для театра, в чем ему помогали, в чем отказывали. И чем он, неблагодарный, мог быть недоволен?

Вернемся к благополучным старым временам, когда ТЮЗ был полон. Ведь именно в это время в городе и родился настоящий театр, который прежде всего группа объединенных общими целями людей, с определенной программой, со своим укладом, вступающая во взаимодействие со сложной системой социальных отношений, в быту именуемой «город». И влияние тут обоюдное. Мы же зачастую обращаем внимание только на одну сторону: театр воспитывает, театр учит, театр развлекает, — но забываем о другой: общество, город также воздействуют на театр, формируют его так или иначе, приспосабливая к своим потребностям или отторгая. И отношения города и его театра всегда конкретны так же, как конкретен и неповторим любой город и любой театр. Однако, чтобы эти отношения имели серьезное значение и были ощутимы, надо, чтобы они... были. Надо, чтобы город пожелал взять на себя определенные обязанности, причем взять неформально, а для этого, естественно, нужны расходы, как материальные, так и душевные.

В городской бюджет театр, будь то драма, опера или ТЮЗ, не включен, то есть городу театр обходится даром, не то что в старые времена, когда наличие театра в городе было свидетельством его финансового процветания. Но все же и сегодня городу надо немного побеспокоиться. Например, о здании. Деньги на строительство нового театрального здания выделяет Госплан. А вот если оно уже есть...

Зданию ТЮЗа в Рязани более ста лет, было оно построено специально для театра в 1862 году и с тех пор сохранило милую современному сознанию театральную архаичность. Небольшой зрительный зал на 400 мест умиляет сходством с залом знаменитого Большого театра, и сердце радуется тому, что маленькие зрители Рязани начинают свою театральную жизнь со знакомства с замечательным образцом традиционной театральной архитектуры. Все здание в целом объявлено архитектурным памятником и охраняется законом. Однако это же здание не только гордость театра, но и предмет самых сильных переживаний. Дело в том, что с 1862 года оно ни разу капитально не ремонтировалось и, несмотря на то, что строили раньше добротнее и основательнее, порядком обветшало. Дошло до того, что в 1985 году сезон ТЮЗ открыл на три

месяца позже положенного из-за аварийного состояния помещения. Но даже это чрезвычайное происшествие положения дел не изменило. Была, правда, комиссия, составившая акт, в котором говорилось о необходимости срочного капитального ремонта, в данном случае оборачивающегося реставрацией, но последствия этого решения вылились в вяло текущую переписку и отдельные блуждающие между театром и управлением культуры бумаги (документы), а меж тем на скорую руку был произведен обычный текущий ремонт — и добро пожаловать, дети, в театр! А ведь дело не только в печальном состоянии перекрытий, из-за которого нельзя нормально установить световую аппаратуру, не в обветшавшем по-сиротски фасаде. Состояние детского театра не отвечает обычным санитарным нормам, безнадежно состарилась сантехника, в буфете для детей нет горячей воды для мытья посуды, а в гримуборных вообще никакой воды нет. О душе и речи быть не может. Ничего, товарищи артисты, не баре, в баньку сходите.

В управлении объяснили: театр ждет своей очереди, сейчас же ремонтируется здание театра драмы, которое было построено чуть позже — в 1961 году, но в негодность, видимо, пришло чуть раньше. Тем более что театр драмы — «литерный объект», в нем проходят торжественные заседания, а это городу, конечно, значительно важнее. Ну, а дети — что ж, пусть панамками прикрываются от падающей штукатурки.

Остро нуждается театр в помощи города и при решении еще одной насущной проблемы. Несмотря на то, что современный советский театр является стационарным, миграция творческих работ-

ников в нем весьма высока. По статистическим данным, до 36 процентов актеров меняют ежегодно места работы. Цифра эта так серьезна, что можно смело считать склонность к перемене мест спецификой профессии. А раз так, то необходимо эту специфику учитывать и при решении вопроса о жилищных условиях актеров. То, что актеру в связи с тем, что он тоже человек, надо где-то жить, сомнений вроде бы вызывать не должно. Однако в Рязанском управлении культуры относятся к этому как-то излишне оптимистично, заместитель начальника управления В. Н. Карцев считает: «Было бы творчество, а жить можно и на вокзале!» Шутка, кажется. Но очень печальная, поскольку актерам рязанского ТЮЗа придется скорее всего принять это как руководство к действию. Службных квартир у театра нет. В гостинице жить не разрешается, а если в виде исключения и поселят — тоже не сахар, условия там совсем средние. Обычных квартир театру за десять лет дали две. У управления культуры есть общежитие, где нормой считается расселение по три человека в комнате. Можно еще снять комнату в частном секторе, но если учесть, что у актеров и без того едва ли не самая низкая заработная плата среди гуманитарных профессий, а тюзовцы получают еще меньше... Тут даже как-то неуместно вспоминать о том, что актеру тоже нужен отдых, причем не столько физический, сколько психологический, в том числе и от собратьев по профессии.

При этом в управлении сетуют на отсутствие настоящих профессионалов театрального дела, упрекают режиссера в том, что он не смог ликвидировать текучесть кадров, не наладил такой интересной работы, при которой актеры

будут в результате определять ценность работника, будь то село или город, завод или научно-исследовательский институт. Жаль только, что от теории до практики все еще далековато. И так, судьба ТЮЗа выводит на разговор о самых разных проблемах, становясь, по существу, только поводом для довольно печальных размышлений. И есть в них еще один аспект.

До сих пор речь шла об отношениях театра и руководства. Но, говоря о городе в целом, хотелось бы учесть и такую силу, как общественное мнение. Театр ведь в конце концов не завод оборонного значения, деятельность которого закрыта для посторонних глаз, он открыт для города, его зрители — это и дошколята, и учащиеся школ, техникумов, ПТУ, студенты, молодые специалисты, да, наконец, папы и мамы маленьких зрителей тоже приходят в театр. Какова же их позиция по отношению к ТЮЗу? А неизвестно! Никаких способов, с помощью которых можно было бы определить ценность театра в общественном мнении города в Рязани, видимо, не знают. Или потребности в этом не возникало. У зрителя же есть только один старинный способ выражения своего мнения: «голосовать ногами». Однако сегодня в связи с применением таких мощных средств, как распространители билетов и профсоюзные фонды, посещаемость перестала служить точным критерием художественной ценности театра.

Нам же важно понять, каким является сегодня рязанский ТЮЗ и каким он был прежде, в чем его художественные особенности, каков уровень театрального мышления и соответственно насколько он интересен городу, области. Устный опрос нескольких, по большей части заинтересованных, лиц ясности не внес, уж слишком субъективны и неуверенны были оценки. Проводить полноценное социологическое исследование меня никто не уполномочивал. Протоколы заседаний управления культуры также не помогли, на них поднимались в основном проблемы нетворческого характера. Оставалось одно средство — газета.

В кабинете завлита театра хранятся аккуратно подшитые вырезки — все, что напечатано о театре. Анализ местной прессы не входит в задачи данной статьи, однако должна признаться, что никаких симптомов неблагополучия я, читая более или менее хвалебные рецензии на отдельные спектакли, заметить не смогла. Понять, что представляет собой театр, по стандартным и гладким фразам, оценивающим, как правило, содержание и сюжет спектакля, просто нельзя. И только в газете «Приокская правда» была сделана попытка поговорить о насущных проблемах, появилась статья «Кочевники поневоле», посвященная аварийному состоянию здания театра. Готовилась в то время, а сейчас уже напечатана и статья, в которой речь шла о странных обстоятельствах внезапного увольнения главного режиссера. Однако, если судить по данной ситуации, авторитет местной печати в области невысок. Во всяком случае, никакой реакции на достаточно серьезные вопросы, поставленные газетой, не последовало. Кроме, пожалуй, одного — обвинений ее автора зав. отделом пропаганды «Приокской правды» Г. Черновой в личной заинтересованности и пристрастности. Таким образом, и прессы не оказалась той силой, которая могла бы формировать общественное мнение и как-то влиять на развитие театральной ситуации в городе.

Остается еще одна возможность — общественные организации, и прежде всего комсомол, поскольку речь-то идет о ТЮЗе. В структуре обкома ВЛКСМ отдела культуры просто нет, есть отдел пропаганды и культурно-массовой работы, который занимается театрами заодно со всем прочим. И, что важно, в обкоме считают, что заниматься театром они должны, вот только,

видимо, не знают, как. Тут начинаются разногласия. В обкоме говорят, что их представители в театре бывают, премьеры смотрят, актеры же обижаются, что никого из них в зале не видят. Вывод можно сделать только один: актеры не знают представителей обкома и горько-комсомла в лицо. Иначе как же?

Помогал ли комсомол ТЮЗу? Да. В чем выражалась помощь? А приходил директор, приносил билеты, просил помочь в распространении. Помогали, причем с большим трудом, потому что секретари местных организаций отказывались эти билеты брать. Приходилось «давить на сознательность», уговаривать, короче, делали не свою работу, трудились, мучились, а вот поднять тревогу по поводу нежелания молодежи идти в свой театр, попробовать понять, в чем тут причина, найти способы изменения ситуации не смогли: то ли умения не хватало, то ли желания. Пока же обком комсомла на театр обижен. Могла бы молодежь театра быть и поактивнее, пришли бы, пожаловались, глядишь, совместными усилиями что-нибудь и придумали бы, а то что же, даже в смотре самостоятельных работ уже два года не принимают участия. А какие там самостоятельные работы, когда жить негде, над головой крыша валится, а внутри коллектива едва ли не гражданская война?..

В общем, как говорит пословица: «Куда ни кинь, всюду клин». Видно, правы актеры ТЮЗа, жалующиеся на то, что работают «как в вакууме». На словах-то вроде все всё понимают, а на деле — полное равнодушие. Но ведь даже когда собаку в доме заводят, то отдают себе отчет, что не только радости с ней прибавится, но и забот тоже. А тут театр... Быть может, он городу не нужен? Положено по рангу, так пусть будет, а каков он, не наше дело? Не случайно вот уже много лет обсуждается положение о ликвидации в некоторых городах стационарных театров: пусть имеют хорошо оборудованную площадку, куда будут приезжать на гастроли разные труппы. Останавливает соображение о духовном климате города. Дескать, беднее он будет без театра.

Но зачем же так круто, могут возразить мне. Ведь Рязань — вовсе не такой уж нетеатральный город. С ТЮЗом, конечно, сложности, зато как хорош театр кукол! Построили ему недавно красивое, новое здание, даже гостям показываем с гордостью. А билеты не достать, только через кассу по предварительной продаже. И ходит туда весь город: и дети, и взрослые. И так вот уже года три, с тех пор, как пришел туда главный режиссером В. Шацкий, молодой, энергичный, резко обновил репертуар, создал свою интересную афишу, принес новые современные средства театральной выразительности...

Но осторожнее! Критический срок еще не пришел. Вспомним-ка судьбу ТЮЗа. Конечно, хочется верить, что повторить этот печальный путь театру кукол не придется, что союз его с городом окажется плодотворным и прочным и сегодняшнему благополучию не будет конца. Но не слишком ли дорогой ценой обходится нам привычка к оптимистичным финалам?

Что касается инцидента с режиссером С. Кузьминым, то его делом, а заодно и ситуацией в управлении занялось Министерство культуры РСФСР.

Кузьмин назначен главным режиссером другого ТЮЗа. Подписавшись под письмом в редакцию актеры, которых «попросили уйти» из театра, восстановлены. Хочется верить, что после опубликования статьи многое будет исправлено, справедливость восторжествует и рязанский ТЮЗ начнет новый этап. Но сколько можно ездить за правдой в Москву? А есть ли у города — не у управления, не у обкома, не у его секретарей, а у города Рязани — свое мнение?

ОДНУ ТЕАТР?

соглашались бы оставаться в Рязани на любых условиях. Сами же актеры, те, кто, невзирая на трудности с бытом, проработал в рязанском ТЮЗе более десяти лет, вспоминают, на каком энтузиазме ставились спектакли в течение пяти-шести лет после прихода в театр Кузьмина. Но энтузиазм постепенно угас, не встречая поддержки, успех театра в городе не изменил отношения к нему. Театром могли гордиться, но никто не хотел заниматься его проблемами. Если же проблемы не решать, то ведь они накапливаются...

Мы много говорим о стимулировании труда, в том числе и творческого. Вопрос только в том, как это делать. Понятно, что в данном случае о материальных стимулах речь уже не идет, какие там стимулы, тут прожиточный минимум бы обеспечить. Но вот нематериальные, может, с ними получится?

Главная награда актеру — успех у публики. Что может быть лучше переполненного и благодарного зала? А уж когда в зале внимательно следят за действием притихшие подростки, забывая свой присущий возрасту скепсис! Однако, как установлено социопсихологами, человеку творческой профессии не менее важно и мнение коллег, людей, чье суждение признается им как безусловно компетентное. Именно оценка в среде профессионалов помогает формиро-

туры Фирсова Г. И.), в определенный момент признавались в том, что они, увы, не специалисты в театре. Впрочем, это было заметно, что называется, «невооруженным глазом». Иначе как могло случиться, что главного режиссера на вполне официальном уровне обвинили в невыполнении... охранных норм, в то время как закон об этих нормах совсем не предполагает обязательности их выполнения, а лишь предусматривает дополнительно оплачивать их **перевыполнение** и принят был для того, чтобы оградить актеров и режиссеров от **перегрузок**. Но это, конечно, мелочи, в том не разобрались, другое не учли. Дело же прежде всего в общем отношении. На должность заместителя начальника управления культуры, занимающегося непосредственно театрами, спокойно можно назначить человека с сельскохозяйственным образованием. А любопытно было бы посмотреть на то, как справился с обязанностями руководителя сельского хозяйства областного масштаба выпускник театроведческого факультета ГИТИСа?

Понятно, что сельское хозяйство для Рязанской области чрезвычайно важно, и хочется верить, что занимаются им специалисты. Однако в теории мы давно пришли к выводу, что культура нам тоже нужна, что в условиях современного общества именно уровень культуры

Далеко не всякому новому виду спорта дано сразу завораживать зрителя, покорять изяществом, элегантностью. А вот синхронному плаванию подобная задача по плечу. По крайней мере резкое возрастание интереса к состязаниям «водных танцовщиц» в последнее время налицо.

Думается, не случайно первые соревнования водных граций называли художественным и фигурным плаванием. Но официальное название, пожалуй, самое точное: синхронное плавание.

Сейчас ведущие тренеры почти автоматически отвечают на вопросы об истории зарождения синхронного плавания. О том, как из показательных номеров на торжествах открытия новых бассейнов они выросли в самостоятельный вид водного спорта.

И хотя те показательные вояжи горстки энтузиастов по всей стране уже давно пройденный этап, тем не менее именно они дали разгон новому спортивному увлечению. Узоры на воде, меняющиеся, как в калейдоскопе, да еще под музыку, действовали на публику просто-таки колдовским образом. Пусть это в теории называлось элементарными плоскостными перемещениями и считалось делом несложным, зрители замирали от восторга.

Но зачинателям нового вида спорта этого было недостаточно. Завоевать внимание зрителей, заразить их изящной вязью водных движений — дело, прямо скажем, немаловажное, но... ведь синхронное плавание все-таки спорт, а не цирковая феерия, хотя некоторые элементы, исполняемые опытными синхронистками, под стать цирковому. А стало быть, важен результат. В то время, когда уже вовсю проходили международные турниры, в том числе и официальные, у нас в стране серьезное синхронное плавание только начиналось.

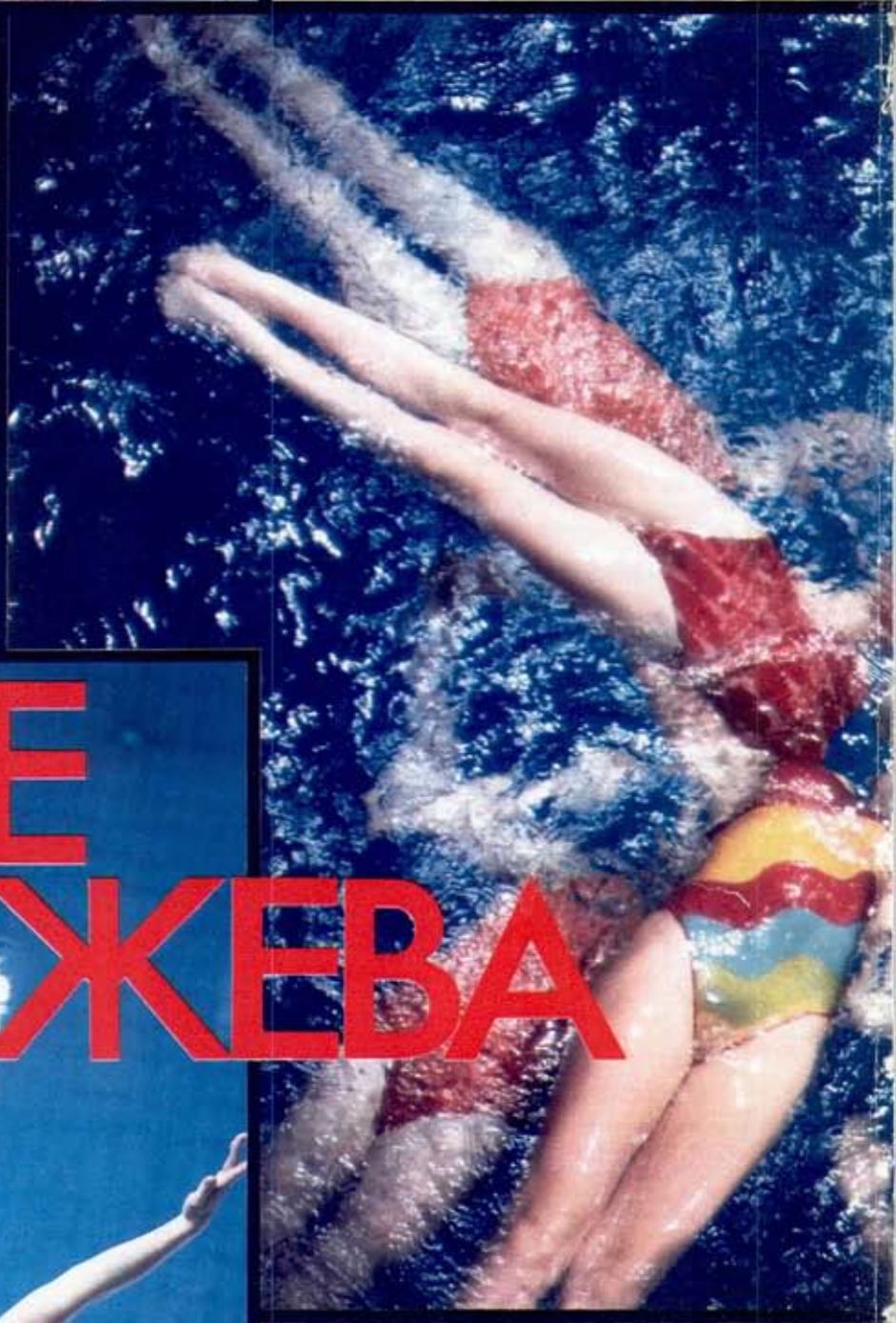
Московским тренерам Марии Максимовой и Зое Барбиер, возглавлявшим секции в бассейнах Дворца водного спорта и «Москва», было суждено прокладывать самые первые тропинки. Хорошо, что у каждой

Евгений ЦИРЛИН.

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ

из них была своя концепция постижения неизвестного, свои принципы подготовки. В остром соперничестве двух команд, «Буревестника» и «Труда», постепенно формировалась отечественная школа синхронного плавания. После первой же международной встречи в Лондоне в 1979 году английских тренеров всерьез озадачил прогресс советских синхронисток. Уже утвердились и доказывали превосходство друг над другом европейская, американская, канадская, японская школы. И тут совершенно неожиданно на пустом, казалось бы, месте возникла новая. Но на пустом ли?

ВОДНЫЕ КРУЖЕВА

Самобытность, уходящую корнями в традиции русского балета, очень точно подметила и оценила на одном из международных турниров одна из сильнейших европейских синхронисток, австрийка Александра Вориш. Она подчеркнула правильность выбора советскими спортсменками истинно своего направления. Собственный путь всегда тернист, но в дальнейшем окупается сторицей.

Не сразу пришел успех. Сначала долгожданные медали, пусть бронзовые, завоевала восьмерка советских синхронисток на прошлогоднем юношеском чемпионате континента. А нынешней весной на Кубке Европы в Голландии советская сборная победила в групповых упражнениях. Первый главный в истории советского синхронного плавания приз завоевали Ирина Жукова, Татьяна Титова, Альфия Жамалетдинова, Екатерина Лаврик, Ольга Белая, Вера Артемова, Анастасия Лифаренко и Елена Дашина.

По мнению сильнейшей синхронистки Латинской Америки Наталии Прието, нашим дуэтам еще пока не хватает быстроты исполнения связок и отдельных элементов. Но время идет, тренеры не стоят на месте. К тому же, если раньше в синхронное плавание приходили бывшие пловчихи, «художницы», гимна-

стки, акробатки, то ныне мастерство постигается юными спортсменками с самого раннего возраста. А расцвет в этом виде спорта, как правило, наступает в 17—18-летнем возрасте.

Ошибочно полагать, что все время тренировок спортсмены проводят в воде. Конечно, именно там происходит основная работа над обязательными фигурами с мудреными и непривычными названиями «Каталина», «Дельфонина», «Фламинго», «Тюмлер», «Барракуда», «Аврора». Но нельзя недооценивать и полезности занятий на суше. Не потому, что, как правило, спортсменки начинают танец на бортике

**НОВЫЙ
ВИД ПЛАВАНИЯ—
ЭТО
ГАРМОНИЧНОСТЬ
ДВИЖЕНИЙ.
ИЗЯЩЕСТВО
И МУЗЫКАЛЬНОСТЬ.**

дой, то и создать образ, находясь в ней, во много раз сложнее, нежели на льду или на полу. Плавать, легко в воде сразу выходят на одно из первых мест. А что еще необходимо спортсменкам? Безусловно, атлетическая подготовка, без нее темповое исполнение сложных программ, в частности, выталкиваний и выпрыгиваний, не получится. Затем артистизм и обаяние. Без них в синхронном плавании никуда. Блеклость выступления вода лишь подчеркивает. Вы заметили, что спортсменки все время улыбаются: до старта, во время танца и после его окончания. Ведь судьям и зрителям ни в коем случае нельзя показать, что программа дается им с трудом. Ну, и наконец, без чувства ритма и пластики в синхронном плавании тоже делать нечего.

Такова обязательная совокупность качеств спортсменок, представляющих этот чисто женский вид спорта.

С готовым набором достоинств в синхронное плавание не приходят. Все природные и вновь приобретенные качества шлифуются и совершенствуются в процессе подготовки, как, кстати, совершенно естественно прививаются любовь к музыке, умение держать осанку и контролировать походку. Ряды юных почитательниц еще недавно диковинного спорта быстро растут. Синхронное плавание уверенно набирает темпы в Москве и Ленинграде, на Украине, в Белоруссии, Грузии.

Однако следует признать, что безусловными законодателями мод по-прежнему остаются представительницы Москвы. Причем это касается не только «Буревестника» и «Труда», пока традиционно лидирующих, заметны успехи юных столичных спортсменок «Спартака», ЦСКА, «Зенита».

Не менее отрадны появление молодых, перспективных тренеров «новой волны», вышедших из самого первого набора. Из той самой команды «Буревестник», члены которой получили первые в стране удостоверения мастеров спорта по синхронному плаванию. Особо выделим Наталью Машук, работающую с синхронистками Грузии и подготовившую для юношеской сборной страны талантливую Христину Фаласимиди. Тренеры эти сами совсем еще молоды, но благодаря энергии и творческому энтузиазму выросли в настоящих педагогов. И дети в них души не чают.

Главный спортивный праздник года — день рождения команды. Его отмечают всегда торжественно и все вместе. Чувство коллективизма — это тоже воспитывает синхронное плавание. Выступления групп наиболее показательны, они-то и являют собой сущность нового еще вида спорта. Хотя в программу Олимпийских игр включены пока только состязания дуэтов, зрелищнее и ярче, несомненно, как раз выступление команд.

Однажды побывав на этом празднике грации и гармонии, трудно остаться к нему потом равнодушным.

Здесь есть закономерность — синхронное плавание не только услаждает взор, но и утверждает новые человеческие возможности в спорте, в такой непорочной и загадочной водной стихии.

бассейна, крайне важна хореографическая и гимнастическая подготовка. Кстати, спортсменки в произвольной программе могут стартовать с любой точки бассейна: начинать композиции сразу в воде, при желании прыгать с вышки. Однако поскольку брызги в синхронном плавании нежелательны, то входные прыжки с высоты крайне редки. Если произвольная программа исполняется спортсменками в ярких, красочных купальниках и головы их украшают эффектные, чаще серебристые короны, то в «школе» все выглядит гораздо чопорней. Все участницы ради дополнительной объективности в судействе выступают в черных купальниках, белых шапочках и очках — таковы правила. И музыка в бассейне во время исполнения обязательной программы звучит скорее для зрителей.

Зато в произвольных композициях роль музыки огромна. Ведь спортсменкам в полном соответствии с музыкальным сопровождением необходимо создать образ. Кстати, песенное сопровождение в синхронном плавании тоже запрещено. Не потому ли синхронистки предпочитают классику и эксперименты с современной музыкой не столь часты.

Поскольку вода является весьма специфичной сре-

Из почты главного редактора

КАК РАБОТАТЬ ДАЛЬШЕ?

Пишу Вам, потому что не могу не написать. Потому что мое молчание, моя так называемая скромность приносит вред нужному делу. Обращаюсь к Вам и как к другу нашего отряда, и как к редактору молодежного журнала, и как к члену ЦК ВЛКСМ.

Вероятно, письмо мое покажется сумбурным, потому что в нем мешаются разные, хотя и очень близкие друг другу, темы. Но хочется сразу сказать о многом, тем более так сильно наболело.

Мучительно видеть, как дело, которое считаешь очень нужным, способным принести большую, исключительно большую пользу, гибнет на глазах, тем более что на словах все как будто «за», зато на деле... Когда-то «Смена» уже писала о «Каравелле», свердловском отряде под руководством Крапивина. В этом году «Каравелла» исполнилось 25 лет, и вот осенью этого года Крапивин собирается распустить отряд. Может быть, это и не случится, может быть, «Каравелла» и проживет еще несколько лет, но ведь она все равно не вечна. «Солярису» еще только около 12 лет, но долго мы едва ли протянем. Существует еще несколько отрядов подобного типа, но и они едва ли продержатся долго. Умирает опыт, который никто не пожелал использовать. Опыт воздействия на детские души намного более глубоко, чем в большинстве клубов и секций. Воспитания не только профессионального, но и идейного: нравственного, гражданского, разностороннего в лучшем смысле этого слова (если бы я говорил о «Солярисе», я постеснялся бы подобных слов, но я говорю не только о «Солярисе»). Обидно и больно видеть, что ценнейший опыт пропадает зря, что то, что увлекает детей, совершенно не интересует взрослых, что ты сам мог бы сделать во много раз больше, если бы для этого были условия, но никто не желает использовать твои возможности и способности, что дело просто пытаются замолчать.

Прошу помощи от имени тысяч ребят, которые лишены возможности жить интереснее и полезнее, чем живут они сейчас.

Но дело не только в сиюминутных интересах детей, я бы и не стал, наверное, писать, если бы дело было только о них, хотя, конечно, и они имеют право на внимание и уважение. Дело много важнее и много нужнее для всего нашего народа, для всей нашей страны.

И здесь я сверну в сторону от того, что писал раньше. Да, «Солярис» создавался по образцу «Каравеллы», да, «Каравелла» — самый совершенный из отрядов этого типа, и тем не менее есть опыт «Каравеллы» и опыт «Соляриса», и опыт «Соляриса» — не то же самое, что опыт «Каравеллы», и (я убежден) сегодня опыт «Соляриса» нужнее. Ведь «Солярис» отличается тем, что наряду с идейно-нравственным воспитанием ставит во главу угла интеллектуальное, является, грубо говоря, познавательным, «учебным» отрядом. А именно с учебной позицией сейчас обстоит совершенно катастрофически. Боюсь, что слишком немногие это себе представляют. Надо, как я, более 20 лет постоянно общаться со школьниками и учителями многих школ, 15 лет преподавать на 1—2-м курсах института, принимать вступительные экзамены в вуз, чтобы не сомневаться в этом. Недавно мы проверяли вступительные работы абитуриентов этого года. С каким трудом мы «натягивали тройки», какую потрясающую математическую безграмотность проявили большинство абитуриентов! Мои пятиклассники не сделали бы тех ошибок, с которыми мы то и дело сталкивались. А ведь в аттестатах почти у всех стоят пятерки и четверки!

А как они будут учиться? Ведь у них нет не только знаний (в конце концов это дело наживное), но и малейшего умения учиться (а у многих и желания). Попробуйте провести объективную анкету (только как ее провести, объективную, если наши дети с 10 лет уже отлично знают, что «надо говорить?»), и Вы узнаете, что подавляющее большинство школьников 4—8-х классов совершенно не хотят учиться, учат уроки толь-

ко ради оценки и большую часть выученного забывают через несколько дней.

Сейчас много говорят о трудной и перегруженной программе, требуют ее упростить, но в действительности программа не слишком трудная и вовсе не перегружена (хотя и содержит некоторые, никому не нужные вещи), ее не усваивают только потому, что не хотят усваивать, но так же не будут хотеть усваивать и упрощенную программу, и дело станет не лучше, а хуже. Разве что в нашей школе будут все заучивать хором!

Какие же специалисты смогут вырасти из этих ребят? Кто будет воплощать в жизнь наши научно-технические программы? Иногда мне кажется, что через 15 лет у нас будет предостаточно людей, способных запустить ракету, но не будет никого, кто бы смог ее сконструировать.

Если быть честным, то с обычным обучением дело обстоит хуже, чем с трудовым (трудового кое-где еще нет, но там, где оно есть, оно достаточно результативно), только колоссальнейшее очковитательство, пронизывающее насквозь всю систему нашего просвещения, мешает это открыто сказать.

Возможно, я ступил краски, но не слишком сильно. Конечно, реформа должна кое-что исправить (но пока это незаметно, уровень подготовки выпускников продолжает падать), но, как мне кажется, нельзя упустить ни одной возможности, способной спасти положение. Путь «Соляриса» — один из возможных путей. В нашем отряде воспитываются тяга к знаниям, умение учиться, ответственное отношение к любому труду, в частности к учебному. В какую бы отрасль народного хозяйства ни попали наши ребята, из них получатся (и уже получились из первых) хорошие специалисты. И все это при том, что наши ребята не потащат домой чужое добро (в частности, народное), не пройдут мимо чужой беды, не обидят слабого.

Убежден, что возникновение большого числа таких отрядов, как «Солярис», могло бы избавить от многих бед. А это возможно. Ведь отряды, подобные нашему, могут базироваться на самых разных интересах: и на любви к любой области науки, и на школьном театре, и на агитбригаде, и даже на спортивной основе. Надо только, чтобы это был полноценный пионерский отряд, чтобы в нем воспитывалась любовь к знаниям, чтобы целью ставилось не профессиональное обучение, а гармоническое развитие. Уверен: если бы со стороны ЦК ВЛКСМ были проявлены желание и поддержка, люди, готовые и способные возглавить такие отряды, тоже бы нашлись (студенты старших курсов, молодые инженеры и научные сотрудники, молодые учителя, другие энтузиасты). Но прежде они должны узнать об этой форме работы с детьми и узнать, что она желательна.

Вот почти и все, что я хотел сказать. Как-то горько и обидно, что дело, которому ты отдал почти все силы, не нужно никому, кроме тех детей, которые рядом с тобой, что ни от кого не приходится ощущать внимание, поддержку, услышать хотя бы едва слышимые слова благодарности. 2 сентября 1986 года исполнилось 24 года, как я работаю с детьми. На производстве это немалый стаж, а в нашем деле...

Спасибо детям! Они меня любят, и я люблю их. И значит, я готов работать и дальше, и готов работать больше, хотя и не представляю, как это возможно.

Глубоко уважающий Вас

Александр ЮРЧЕНКО,

г. Обнинск Калужской области

ОТ РЕДАКЦИИ. Убеждены, что Калужский обком ВЛКСМ найдет возможность помочь автору письма и его единомышленникам. Надеемся также, что проблема, которую поднимают обнинские педагоги-энтузиасты, будет внимательно изучена соответствующими отделами ЦК ВЛКСМ, ведь опыт обинцев, свердловчан и других неуставных общественных отрядов действительно достоин необходимого распространения. Особенно актуально это в канун XX съезда ВЛКСМ.

Ж

урналистская судьба часто сводила меня с молодыми музыкантами не на концертах, а при обстоятельствах сугобо жизненных. Когда потом слушаешь артиста со сцены, то ясно представляешь, что оставил он в тени огней рампы: какие заботы, мысли, проблемы, печали. И еще довольно точно соотносишь масштаб сцены с масштабом личности человека. Увы, в сравнительном выигрыше порой оказывается вовсе не он. Но обиднее всего, когда способного человека без каких-либо веских причин лишают права участвовать в испытании творчеством. И тогда неизвестно, кто оказывается проигравшим. Как, впрочем, и победителем...

Молодой композитор и исполнитель Михаил Муромов привлек меня яркими вспылками своих теле- и радиопоявлений. И долгими безмолвными провалами, следовавшими затем. Сознание, интерес к его разноплановому творчеству — от дискотечных циклов до патриотических песен — оказался в ту пору на втором месте. В попытках найти причину скоротечных появлений-исчезновений столкнулся с призрачной «третьей стороной» медали. Муромов нравился — не нравился; знаю и люблю его песни — не знаю и не люблю. Тут все ясно. Но вот

Андрей КОМАРОВ

СЕМЬ

появляется «оно»: да, есть такой, не без способностей, но что-то где-то как-то не так. И ухватить это ускользающее «оно» почти невозможно. Скользит, скользит — и действительно где-то у кого-то оставляет след недоверия. А околмузыкальные жучки — в переполох, а музыкальные «вездеходы» поддают скоростей, переехать стремятся.

Не одному Муромову это пришлось испытать, за примерами далеко не ходить: песню «Под крышей дома своего» Юрия Антонова худсовет чуть не зарубил, усмотрев в ней невесту что-то. Да что песня — сама творческая судьба Антонова третья-перетертая: в «молодые и подающие надежды» с трудом вышел, когда было уже за 30, до сих пор не член Союза композиторов. Удивлены? А вот в самом Союзе не удивляются, когда отказывают в приеме автору внушительного количества популярных песен. Мол, популярность бывает и дешевой.

Серьезно ли это: не разобравшись — покрывать этак уничтожающе? Оставим ответ за его очевидностью. Важно другое — дозволенность, которая на наших глазах превращается в мерку: пропустить — не пропустить. Речь идет о пропуске на эстраду, и наши глаза широко открываются от удивления, потому что его лишаются те, кто фактически уже давно на ней. Авторы и исполнители популярных песен лишаются теле- и радиоэфира, записи пластинок. Слушатели бисерируют, а спеть «на бис» некому. Аплодисменты постепенно стихают, и тогда обязательно раздастся «трезвый» голос: «Что-то на эстраде у нас не так».

Помните «Каракум», «Позади крутой поворот» — песни группы «Круг»? Пик популярности этих песен пришелся... на самые черные дни в биографии коллектива. Вокруг музыкантов росли какие-то слухи, служившие, как ни печально, основанием не обеспечивать «Круг» аппаратурой, тормозить сдачу программ, не пускать на телеэкран... Группа была близка к распаду в то время, когда динамики захлебывались «Каракумом» в зарубежном исполнении (!), когда с телеэкрана не сходила Анне Вески, исполнявшая анонимное песню «Позади крутой поворот» (авторские титры «принципиально» не указывались!). Теперь все улеглось: у «Мелодии» готовится к выходу диск-гигант. Но не слишком ли мы разбрасываемся, заставляя способных музыкантов долгое время биться над тем, чтобы непонятно им «все» наконец-то улеглось?! Под силу ли им теперь, надломленным беспричинным неверием, высоты новых популярных песен? А сколько всяких «шери-леди» и песенок позабористее прокрались в фонотеки молодежи за время, пока «все улеглось» с другими ВИА и рок-группами. И до конца ли улеглось?!

Недавно приготовился смотреть и слушать Муромова в музыкальной телепрограмме из Таллина «Здравствуй, мир». На сцене, познавшей великолепие хорových праздников волшебника Эрнесакса, Михаил выступил, знаю, с не меньшим, чем другие артисты, успехом. И, естественно, был уверен, что вместе с ними попадет на экран. Все попали, он — нет. Были на то причины? Возможно, у редакции музыкальных программ ЦТ и были, но артисту их не высказали. И это не первый и не единствен-

ный раз. Пленки с песнями молодого композитора и исполнителя, записанные в фонд телевидения, стирались без объяснений. На радио его произведения встречали неожиданно активное сопротивление.

Закономерен вопрос: а не авансом ли звучат такие слова — «личность», «творческая судьба»? Ответ может быть краток и основан на фактах сегодняшнего дня: речь идет не о начинающем, а вышедшем из разряда молодых композиторе и исполнителе Михаиле Муромове — артисте Волгоградской филармонии, руководителе ВИА «Компьютер», авторе многих популярных песен, среди которых «Моя Москва», «Боевым награждается орденом», «Теплые ливни», музыки к кинофильмам и спектаклям. Но тогда у читателей наверняка родятся другие вопросы: «Если композитор Муромов так много поработал, почему мы почти незнакомы с ним и его творчеством? Почему не слышим и не видим исполнителя Муромова? Где приобрести его пластинки, записи?» Увы, ответа нет. Все упирается в слухи, в шестелестные культурные шепотки: «Да никакой он не композитор, и вообще с ним лучше поосторожнее». Это шестелестие, множась в коридорах музыкальных организаций, теле-, радио- и студий звукозаписи, мощно перекрыло музыку композитора, а заодно и выходы ему на

молодому автору? Как удачу? Кто подскажет ему: идти ли и дальше тем же путем?

Подсказать, тем более взять творческое шефство над начинающим музыкантом было некому. Молодежной секции при Союзе композиторов во время первых шагов Михаила еще не было, создана она совсем недавно. Ну, а выходцу из самодеятельного ВИА дорога туда заказана и теперь, ибо даже профессиональные и популярные ВИА в устах ответственных деятелей Союза композиторов эпитафия выше «пресловутые» не удастываются. А за пределами новорожденной секции — практически вакуум: и по сей день серия «Первая песня» на «Мелодии» не выпускается, самодеятельных музыкальных объединений под руководством маститых тоже нет и т. д. О какой же системе воспитания творческой смены может идти речь?

После окончания института Михаила, что называется, побросало. Служба в Советской Армии, там стал членом КПСС. Потом был разнорабочим, официантом, поступил в аспирантуру, подготовил работу к защите... Но позвала Музыка...

«Однажды я набрался смелости и позвонил известному поэту-песеннику Харитонову, представился: мол, сочиняю, сам себя оцениваю средние, а может, и не стоит вообще этим заниматься — не могли бы вы прослушать записи и дать им оценку. Он согласился. А прослушав, сказал: «Музыка мне нравится, по-моему, она профессиональная. Посмотрите мои стихи, может, что-то и родится», — рассказывает Михаил.

Родились сначала две песни: «Я память трогаю» и вальс «Мама моя». А потом, когда сотрудничество окрепло, Муромов пишет цикл песен, который уважительно именует «Харитоновским» — в память о человеке, который добрым, заинтересованным своим отношением явил удачу, так необходимую тому, кто делает первые шаги в творчестве.

Теперь задумаемся, почему начинающий музыкант обратился за поддержкой, за бескомпромиссной оценкой к старшему товарищу, но не по своему творческому цеху? Много ли мы припомним таких примеров наставничества среди эстрадных композиторов и исполнителей? Увы, хватит пальцев одной руки. Откроем любой литературный журнал, исключая даже специально созданную для воспитания молодой смены «Литературную учебу», и увидим произведения начинающих, которым предпосланы слова напутствия мастеров. Сколько новых имен нашли и выпестовали для нашей литературы Виктор Астафьев, Юрий Нагибин, Анатолий Алексин и многие другие. Но почему-то не в чести благородный призыв «Учитель, воспитай ученика» в эстрадном искусстве. И наши ведущие музыкальные организации, радио и телевидение, к сожалению, не имеют хотя бы подобия той стройной системы воспитания творческой смены, которая создана Союзом писателей СССР. Скорее, наоборот — можно говорить о бесхозности начинающих

в подробности. (Не странно ли, что органы, изначально призванные даже по своему названию советовать, упорно придают своим совещательным голосам непререкаемые, менторские тона?)

С этого первого официального отказа творческая судьба Муромова удивительным образом раздваивается. С одной стороны, реальные успехи: сотрудничает с известными поэтами, среди которых Андрей Дементьев, Григорий Поженян; пишет музыку к фильмам и спектаклям — к сегодняшнему дню их уже более десяти; плодотворно работает и в жанре патриотической песни — «Боевым награждается орденом» стала любимой воинами ограниченного контингента советских войск в Афганистане, — и в жанрах романса, рок-баллады, диско. Муромов откликается на любые приглашения, нужно ли выступить перед рабочими АЗЛК с шефским концертом или поехать на Алдан с группой участников дней «Комсомольской правды», и всегда находит контакт с аудиторией, свой стиль общения. И ценит это общение настолько, что не упускает таких, казалось бы, микровозможностей, как выступления в дискотеках, для которых, кстати, им в содружестве с поэтом Дементьевым написано несколько песен. Михаил — участник культурной программы XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, к которому написал песню «Хозяйка фестиваля».

Но есть и другая сторона. Все эти годы Михаил безуспешно пытается записать пластинку, хотя бы миньон, на «Мелодии». Что теряет он профессионально и человечески — понятно. Но задумаемся над тем, что теряют «Мелодия» и слушатель, особенно молодой. В редакции молодежных изданий студии годами приходили письма с вопросом: «Почему нет пластинки группы «Машина времени»? И только теперь готовится к выходу диск-гигант этого популярного коллектива. Неужели, выпуская пластинку с подобным опозданием (вспомним и группу «Круг»), можно надеяться на завоевание молодежной аудитории? Зато ее оперативно завоевывает музыкальный мусор инопроизводства. Хотя отечественные ансамбли и исполнители, годами ждущие очереди, доказали свою конкурентоспособность: скажем, по данным руководителей ленинградских дискотек, песня Муромова «Флюгер» в течение почти двух лет опережала западные танцевальные шлягеры. В то время как его же «Теплые ливни» худсовет принял через три года, а «Птицу, синее крыло» на стихи Лидии Козловой — через пять лет! Здесь уже речь не только об экономических убытках «Мелодии», но и об убытках более существенных — идеологических.

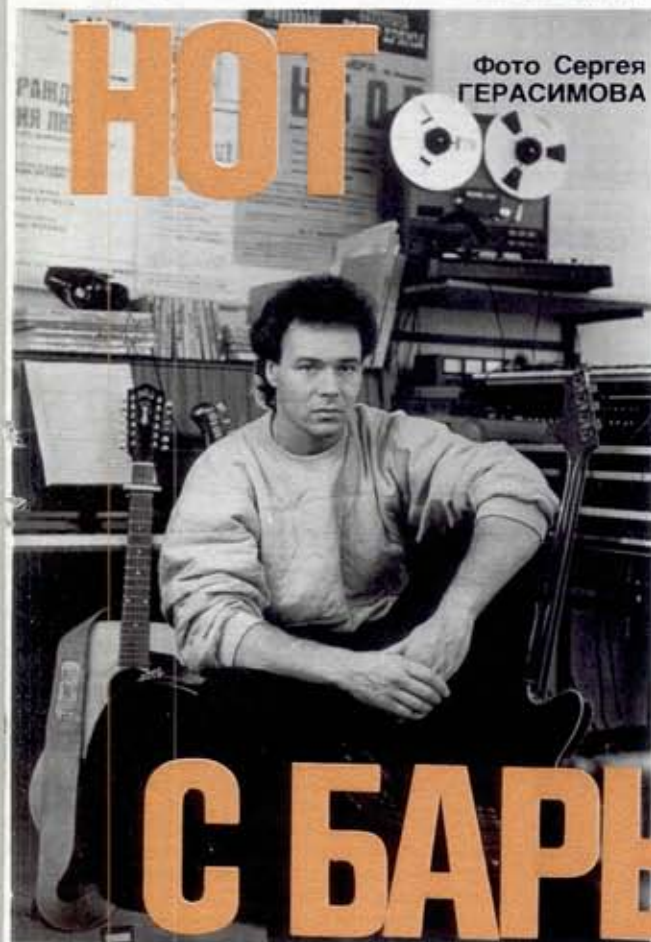
Телевидение и радио также стремятся видеть Муромова среди вечных «очередников». Нет, нельзя сказать, что его не снимают, не записывают, но на конечном этапе кому-то и почему-то его выступления не нравятся, их вырезают, стирают, разматывают... Будучи одним из авторов молодежного вечера в телестудии Останкино, я был свидетелем подобного факта: нас пытались убедить, что «по некоторым соображениям целесообразно давать в эфир песню Муромова на стихи Поженяна «Капитань». Мы отстояли ее, и я был свидетелем того, как восторженно приняли ее участники вечера, а потом и телезрители (судя по редакционным откликам). Но чаще неосознанная формула «по некоторым соображениям» одерживает верх.

Каковы же эти соображения? Вот тут-то и появляется та самая «третья сторона» медали — всякого рода шепотки. Прислушавшись, в них можно уловить основной мотив: мол, куда там официанту в прошлом в композиторы? Позвольте, но почему человеку этой профессии нельзя, почувствовав в себе призвание, заняться музыкальным творчеством? Мы же приветствуем приход в литературу рабочих, инженеров, врачей... Видим и слышим, как работает в музыке архитектор по образованию Андрей Макаревич. Не удивляемся, наконец, что член Союза композиторов СССР Георгий Гарянин — выпускник Станкина.

Что касается членства в Союзе композиторов... Вероятно, читателю будет интересно узнать, что в этой организации до сих пор не состоят, кроме уже упоминавшегося Юрия Антонова, такие популярные в молодежной среде исполнители и композиторы, как Игорь Николаев, Андрей Макаревич, Владимир Кузьмин, Александр Градский. Прискорбно, но факт...

Этот материал порожден чувством, захлестывающим всякий раз, когда приходится наблюдать минуты растерянности и отчаяния способного, сильного человека. Музыканта Гражданина Капитана своей судьбы. Увы, его творческий корабль попал в бурю, берущую начало из стакана с водой. «Кто-то где-то» постоянно мешает небольшому, но крепко скроенному кораблю пойти одним курсом с кораблем советской эстрады.

И сколько еще таких корабликов мечется среди волн...

телеэкран, в эфир, на престижные концертные площадки.

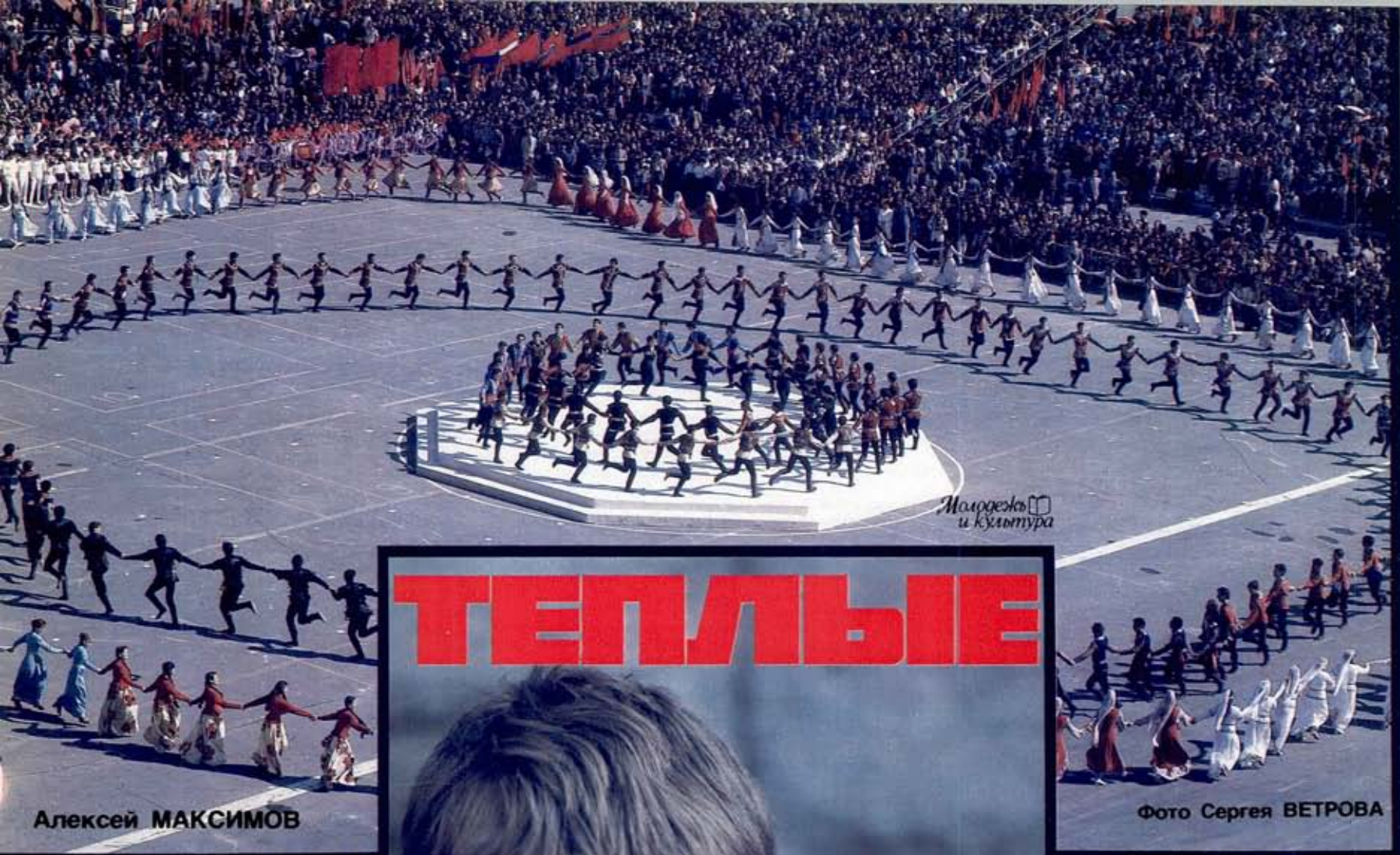
Интересовался, почему так происходит, но конкретных творческих упреков к артисту нет. Просто кому-то не нравится что-то в его профессиональном прошлом, а кто-то сомневается в музыкальной грамотности Михаила. Когда «вырезания» из программ и «изымания» из планов переходят черту дозволенности, в ход, знаю, пускается самый разный «аргумент»: «Да и тот ли это человек, который достоин?..» А, собственно, почему недостойн?

Еще в школьные годы Михаил создает ВИА «Торосы». Ансамбль успешно выступает на вечерах, гастролирует по соседним школам. Очень скоро его руководитель Михаил Муромов решает, что подражательство зарубежным образчикам — не дело, и отважно предлагает друзьям сочинять музыку и писать тексты самим. Теперь, конечно, Михаил с усмешкой вспоминает те опыты, но значение их в своей судьбе определяет, думаю, точно: «Наверно, приобретенное в музыкальной школе, которую к тому времени окончил, не хотел держать мертвым грузом. Пусть неосознанно, но выходом стал для меня наш школьный ВИА». В Менделеевском институте Муромов продолжает занятия музыкой. К тому времени уже студенческий ВИА «Торосы» выступает на вечерах, митингах, несколько раз участвует в концертах на профессиональной эстраде. Принцип «сочиняем сами» неукоснительно сохраняется — несколько песен Михаила хорошо принимают слушатели, они начинают, как говорят, «расходиться». Как расценить это

эстрадных музыкантов, о немотивированном противодействии их росту. То, что происходило с Муромовым после создания песенного цикла на стихи Харитонова, вполне это подтверждает.

Песни цикла были написаны в разных стилях — от вальса до рэгги и рока. Но прежде чем куда-то предложить их, Михаилу стоило большого труда придать им необходимый «товарный» вид. Действительно, где записать песню неизвестному пока композитору? В студию не прорваться, к тому же их ничтожно мало. Не пользоваться же услугами тех самых «жучков», чьи сомнительные записи расходятся по сомнительным каналам. Муромова, в ту пору артиста оркестра Московского драматического театра имени Станиславского, спасло то, что в театре удалось оборудовать небольшую студию. Потом на личных контактах и, естественно, «за наличные» пришлось собирать музыкантов. У других таких возможностей и средств не было или нет, их творческий путь в самом начале омрачается вынужденным сотрудничеством с «жучками», часть оседает в их компании. Долго ли еще нам мириться с этими потерями?

Наконец, запись готова. Теперь путь молодого сочинителя лежал туда, где можно было предложить песни и где их могли бы или принять, или посоветовать, как доработать, — на фирму «Мелодия», радио и телевидение. Результат оказался довольно странным: редакторы после вопроса «Кто вы такой?», усмехаясь, уходили от разговора, а худсоветы, на которые приходилось в буквальном смысле прорываться, отклонили песни, не вдаваясь

Материалы
и культура

ТЕПЛЫЕ

КАМНИ

Алексей МАКСИМОВ

Фото Сергея ВЕТРОВА

И вот настал он, день праздника. Ранним утром над горой рядом со старой крепостью взвились белые витые дымы сигнальных костров, а по тихим улицам гулко разнесся бой барабанов.

В этот рассветный час в городе уже никто не спал: разве можно было пропустить хотя бы одно из событий праздника «Эребуни — Ереван»!

Армяне иногда называют свою землю Карастаном — страной камней. Примерно две трети территории республики занимают горы — сплошной камень. Камней много, но, как утверждает легенда, среди них почти нет неграмотных. Стоит расчистить любой, и обнаружишь надписи, или искусный орнамент, или барельеф работы умелого мастера.

Четверть века назад на горе, что высится среди утонувших в зелени кварталов, был найден камень с древней клинописью. Ученые сумели ее расшифровать: «...Величием бога Халда Аргишти, сын Менуа, возвел эту крепость и назвал городом Эребуни...»

Чем дальше в глубь веков уходит дата события, тем труднее удержать ее в людской памяти. Но камень из-под стен крепости Эребуни запомнил год ее основания и сохранил для потомков. И сегодня, в праздничный воскресный день, когда улицы Еревана отдают пешеходам, мы, спеша вместе с тысячами хозяев и гостей города к подножию старой крепости, с почтением отмечаем, что нынешний год — уже 2768-й в ее жизни.

...Наверно, именно так гремели барабаны века назад, возвещая о начале битвы. История Армении — это история почти непрерывной борьбы ее народа против завоевателей, и вот сейчас картины тех сражений разворачиваются перед горожанами, среди которых много юных — именно для них этот урок патриотизма, любви к суровым и мудрым камням родины, уважения к памяти предков.

Стихает битва, и уже не звон мечей, а музыка звучит над крепостью. Все громче трубы, все четче ритм барабанов, на площади танцоры в ярких национальных одеждах. И зрители словно попадают в круговорот лихой пляски, польяхающей всплесками многоцветных тканей. Театральное представление? Да. А еще — приобщение к судьбе народа.

Словно высеченный яростным вихрем танца из ослепительных раскаленных солнцем щитов воинов, вспыхивает огонь в факелах молодых атлетов, пришедших под стены Эре-

буни. Огонь — символ праздника, вслед за яркими звездочками факелов он будто растекается от стен крепости по всему городу. На одной из центральных улиц — выставка цветов: пестрота поздних октябрьских букетов, изящество скромных композиций, благоухание роз.

— Выставку организовали школьники, — рассказывает секретарь горкома комсомола Вардан Петросян. — Сами выращивали цветы, сами придумывали композиции. Вряд ли кто из взрослых специально пришел бы полюбоваться этими детскими работами, обычно выставляемыми в школьных кружках цветоводов. А здесь сами видите: и близко не подойти — столько людей.

Другая выставка — прямо на тротуаре. Старинные потемневшие мечи, наконечники копий, позеленевшие от времени черепки. Еще одна страница истории.

— Смотрите и удивляйтесь, — приглашает Жора Агаджанян, руководитель музея, организованного в Советском районе Еревана. — Этот кувшин — из государства Урарту. Четвертый век до нашей эры!

Между прочим, после каждой такой выставки число экспонатов в музее увеличивается: люди с увлечением начинают разыскивать все новые предметы, свидетельствующие о богатой истории народа.

В тенистых аллеях парка 26 бакинских комиссаров звенят молотки, горит огонь в кузнечном горне, девушки-мастерицы выводят узоры на глиняных сосудах. Хозяева здесь — учащиеся художественного училища. Директор его Геворг Эйрамджан тоже участник праздника.

— Наши ребята будут реставрировать древние армянские храмы, продолжать традиции народных ремесел. Видите, как стараются парни, ограняя глыбы туфа? Каждому хочется на грамотных камнях написать несколько строк и своей рукой...

Уже в сумерках на тихой улочке в стороне от гомона праздника нам встретился мальчишка в ладно скроенном национальном костюме. На плечах он нес кувшин. Очень похожий на тот, из древнего государства Урарту.

— Водой не угостишь? — спросили мы в шутку.

Мальчик посмотрел на нас внимательно и серьезно, а потом, улыбнувшись, наклонил кувшин, и из него тонкой ледяной струйкой брызнула в ладони свежая родниковая вода...

Молодежная мода

Елена ФИЛИЦ

МИФЫ НАШЕЙ ОДЕЖДЫ

Модель и культура

Вряд ли нужно говорить, насколько насыщенной художественной жизнью живет французская столица. Музеи мирового значения... Необозримое число галерей, салонов, экспозиций частных собраний... И все же проходившая в Музее современного искусства выставка «Мифы нашей одежды» привлекла исключительное внимание прессы, вызвала невиданный наплыв посетителей — и взрослых, и детей, и подростков. Множество отзывов и откликов, иной раз самых противоречивых... Выставку одни называли «потрясающей», «ошеломляющей», другие — ... «производящей удручающее впечатление».

Итак, почему «Мифы нашей одежды»? Это становилось понятным после знакомства с фотографиями, макетами, манекенами, масками, заполнившими залы «Музея детей» — одного из отделов Музея современного искусства. Афиша у входа в «Музей детей» поясняла содержание выставки: «Мода. Дети. Подростки. 1883—2083». Нет, это не был традиционный показ моделей одежды. Не было это и приглашение к разговору на тему «Что носят?». Скорее здесь были бы уместны другие вопросы: «Кто носит?», «Как носит?», «Почему носит?».

«Музей детей» существует в течение вот уже почти полутора десятилетий. Его деятельность протекает по двум направлениям. Первое — ознакомление юных посетителей с различными формами и направлениями современного

Богатство фантазии, своеобразие линий, смелое сочетание тонов отличают лучшие из работ французских модельеров, показанные в Доме моды в Москве.

Фото Виктора АХЛОМОВА и Владислава ЛОКТЕВА

изобразительного искусства (в основном периода XIX—XX веков). И второе — привлечение детей и подростков к самостоятельному творчеству, развитие воображения, эстетическое воспитание, результатом которого должно стать искреннее увлечение искусством. Таковы цели, которые ставят перед собой сотрудники «Музея детей», с энтузиазмом отдающие время и силы дошкольникам и школьникам, склонившимся над листами бумаги или над кусочками разноцветных тканей, ищущим выход неумной своей фантазии.

Инициатор, организатор и, можно сказать, автор идеи выставки — Кароль Манн.

Англичанка по происхождению, Кароль Манн уже давно работает во Франции. Получив диплом искусствоведа, она посвятила свою работу изучению истории костюма. Она искала и анализировала связи одежды с развитием человеческой личности, размышляла о реакции взрослого и в еще большей степени ребенка и подростка на то, во что он одет. Кароль Манн, основательно изучившая разные эпохи материальной культуры, сформулировала свои взгляды на роль и функцию одежды. На выставке можно было увидеть фотографии юных аристократов в бархатных костюмчиках, а рядом фотографии маленьких продавцов спичек, детей бедняков, обреченных спускаться в шахты. Выставка выносила приговор всемогущей «индустрии моды», готовой поддерживать самые уродливые формы искажения человеческой внешности и одежды, если это дает прибыль.

Кароль Манн привлекла для осуществления своего замысла художников-декораторов, скульпторов, макетчиков, осветителей и законодателей мод, фотографов и владельцев магазинов обуви. В списке авторов экспозиции можно встретить и такую профессию: «сценарграф». И это не случайно. Выставку часто называли «театрализованным показом» — настолько динамично и выразительно были представлены разнообразные экспонаты, иной раз дополнявшие друг друга, а иной раз противоречившие один другому.

Но все же при чем здесь мифы? Что хочет и может выразить, о чем говорит и о чем умалчивает, что скрывает и что обнажает одежда?

Основная концепция всей выставки: «Человек делает одежду. Одежда делает человека».

Одежда — история без слов. Тем не менее это история.

Среди многих европейских стран, об этапах жизни которых рассказала на материале одежды разных времен выставка Кароль Манн, находим и Россию.

Девочка-куколка в широкополой шляпке и нарядном платьице. Через снимок — строка коммерческой рекламы: «Московская Паровая Фабрика Торгового Дома Чепурнов и Савельев». Год 1900-й... Маленький барчук в каракулевой шапке... «Демократическая» Россия — студенты в картузах, какие носили рабочие в начале века... Время разрухи, первые беспризорные... Год 1920-й. Еще сохранилась полувоенная форма, еще популярны френчи... А вот аккуратно одетые молодые работницы, скромно и незатейливо причесанные, в блузочках и юбках...

Свою выставку Кароль Манн и ее помощники готовили в течение почти двух лет. Необходимый материал они черпали, что называется, из «гущи жизни», пытаясь осмыслить представления современной молодежи об одежде.

Кароль Манн, естественно, интересовался фирмами, связанные с производством одежды и обуви. Но ее путь проходил мимо витрин с роскошными и дорогостоящими туалетами, он вел дальше, в маленькие магазинчики и популярные «ботик», завершался на «блужащих рынках», так называемых «плюс», где в неопишемом калейдоскопе городской барахольки можно найти самые немислимые диковины разнокалиберной одежды — «лохмотьев», «тря-

пок», всего, что определяется трудно переводимым понятием «нипп» (если не бояться некоторой вульгаризации, то можно, пожалуй, перевести его словом «шмотки»).

От «идеала буржуазной сентиментальности» начала века экспонаты выставки ведут нас к реалиям предвоенных и военных лет. Маленький «наци» в фуражке эсэсовца с улыбкой на тупой мордочке (Германия, 1940-й). Рядом, на другом снимке — девчушка того же возраста с глазами, полными отчаяния и ужаса, и желтой звездой на одежде (Франция, 1941-й, время оккупации)... Становится понятной резкая критика в адрес выставки и ее устроителей, появившаяся на страницах консервативно-буржуазной «Фигаро»: «Сто лет детской и юношеской моды, увиденные историком костюма Кароль Манн, оставляют вкус горечи у посетителей. Обзор детской одежды преподнесен в таком политическом освещении, когда дитя предстает как жертва капитализма, милитаризма, сексуальности, что совершенно травмирует посетителя. Все это очень печально и очень серьезно, — завершает свою статью рецензент. — Выставка представляет детей в качестве вечных жертв общества, в котором мы живем и сегодня, тем самым оправдывая будущие столкновения...»

Однако большая часть рецензий, в числе которых — отзывы английских, итальянских, швейцарских газет, говорит о выставке как необычайно оригинальной — по форме показа материала и по остроумному и убедительному комментарию к нему.

Заключительная часть выставки — экспонаты и иллюстрации, отражающие представление некоторой части молодежи о том, «как надо одеваться», и о том, каким способом можно найти «самовыражение» с помощью ультрамодной одежды. Уличные сценки, снятые в Нью-Йорке, Лондоне, Париже... Серия «тарзанов» со спутанной шевелюрой... «Битники», «хиппи», «панки»... Юноши и девушки, разодетые в конские сбруи, с собачьими ошейниками, романтические пираты и истомленные подростки в локонках и кружевах, диковатого вида парни, украшенные булавкой в носдре... Вот перед нами девичье лицо. Голова наголо выбрита с левой стороны, а на правой волосы стоят дыбом, лицо строго раскрашено... Психоналитики готовы видеть в этих нелепых и бессмысленных формах «самовыражения при помощи одежды» все что угодно, даже... эдипов комплекс, если не в прямом, то в переносном смысле (дескать, «моральное прикосновение своих отцов»). Но Кароль Манн трезво оценивает причину все новых и новых способов «самовыражения». Она показывает, как манипулирует молодежь «индустрия моды», для которой одной из самых доходных статей является очередной психоз «сверхнового», «ультранеобывного»...

Выставка Кароль Манн побывала в Москве. Она сопровождалась показом моделей одежды, подготовленных 16 французскими фирмами. «Мода живая» назывался этот «радостный карнавал, талантливый спектакль, праздник красок, воображения, фантазии», как назвал встречу в Москве, организованную в рамках культурного сотрудничества СССР — Франция, известный советский художник моды Вячеслав Зайцев. Манекенщицы Московского Дома моды показывали работы французских модельеров.

Вячеслав Зайцев, который вел демонстрационный просмотр, заметил, суммируя впечатления от французской коллекции: «Современная мода никому не навязывает свой диктат. Никакие решения не являются обязательными для всех. Художник предлагает направления мысли. Хотите — соглашайтесь с ним, хотите — спорьте. Сами участвуйте в создании моды».

Прислушаемся к этому приглашению...

Аргумент против пьянства

СТРАШНЫЙ ДОМ

Я была еще маленькой, когда повесился мой отец. У матери нас осталось четверо детей. Я была средняя, мне было семь лет, а младшей два года. Часто соседка по квартире кричала моей маме: «Это ты его повесила!» А я смотрела на мать и думала, как это она, такая маленькая, могла повесить такого большого и тяжелого папу...

Отца я не помню: смотрю на фотографии и не могу ничего вспомнить. Когда я подросла, из рассказов матери я поняла, что он был сильно пьяным. Себя помню с десяти лет. А из более младшего возраста помню только то, как однажды я вылила у матери бутылку водки, и она меня выгнала злым на балкон, держала там до тех пор, пока я совсем не окоченела, затем впустила, но долго не давала есть.

Счастливого детства у нас не было. Мне приходилось ходить для матери за вином в магазин, и мне, маленькой, давали: знали мою мать. Когда мы переехали из города в село, мы со старшей сестрой часто ходили за мать кормить телят. В те редкие дни, когда не хватало денег на вино, мать была хорошей. Тогда мы шутили, играли, пели песни.

С первого по четвертый класс я училась на «отлично», школу окончила без троек. Как-то так получилось, что в семье нашей я была «козлом отпущения». Мне больше всех доставалось, за все я была в ответе. Я бегала по домам и просила денег в долг, рубила дрова и варила обед, делала уборку. Я старалась сделать так, чтобы и старшей, и младшей сестрам жилось полегче. (Когда я уже работала, мама говорила про меня: «Ты и лошадь, ты и бык, ты и баба, и мужик». А я-то от горшка два вершка.) Помню, как-то мать была пьяная и вечером сказала мне: «Этой ночью я тебя повешу». И спокойно уснула. А я, мне было 11 лет, всю ночь не спала, открыла окно и сидела на кровати. И как только мать ворочалась или просыпалась, чтобы покурить, я подбегала к окну и ждала, готовая выпрыгнуть. Когда я ей позже рассказала об этом, она засмеялась: «Вот дурочка, мало ли что я спьяна сболтну».

Вот так мы и жили. Мне было очень плохо. Знаете, где-то в 11—12 лет я начала пить. Благо жили мы на Кубани, где за рубль литр вина покупали. У нас была компания — шестеро 12—14-летних девочек, и мы почти каждый вечер пили и курили. Мы воровали сигареты из газетных киосков, подбегали окурки, а на вино собирали и сдавали бутылки, продавали на станции яйца или фрукты. Нашим матерям было не до нас. Затем мы с матерью переехали на Украину, в маленькое село. Здесь пить стали реже, только курили по вечерам. В общем, мы считались благополучными детьми при матери-пьянице. Так хотелось вырваться из этого круга, из семьи, где пьет мать и не против, чтобы и ее дети этим же занимались!..

И я поспешила выйти замуж. В 19 лет родила; мужа через месяц посадили в тюрьму: подрался по пьянке. И я снова вернулась к маме. Два месяца было моей малышке, когда пошла на работу; с дочкой сидела мать. Часто, приходя с работы, я заставляла такую картину: мать пьяная, а дочка моя, голодная, мокрая, плачет. Я знала, что к хорошему это не приведет, но не могла сидеть у матери на шее, тем более что она долго не могла удержаться на работе.

Мать недосмотрела за ребенком, дочь моя умерла... Смерть зарегистрировали как несчастный случай. Я жила с матерью еще два года, пока она не получила пенсию, затем уехала от нее в город. Но каждую субботу приезжала ее навестить. Часто приходилось залезать в дом через чердачное окошко — хорошо, хоть сама маленькая: мать так крепко спала, что не слышала стука. Утром, пока она была трезвая, я кричала на нее, грозилась, что больше не приеду, если не бросит пить, вообще откажусь от нее. Она спокойной отвечала: «Не приезжай, обойдусь». Если я ставила ее перед выбором: я или вино, она выбирала последнее и выгоняла меня из дома. А я, как дура, через одну-две недели снова приезжала к ней, и снова все повторялось. Иногда я не ездила по месяцу, но тогда высылала ей 5—10 рублей. Знала, что она их пропьет, но хоть немного и на хлеб останется. Вы представляете себе положение, в котором она часто оказывалась: нет ни денег, ни крупы, ни хлеба, ничего нет, а до пенсии еще полмесяца...

С первым мужем я давно развелась, хоть до сих пор получаю от него письма. Он уже третий раз осужден.

Три года назад я познакомилась с моим нынешним мужем. Тогда я еще выпивала и курила. А он мне сказал: «Женщина не должна пить и курить, так же, как, впрочем, и мужчина». И я бросила пить и курить.

Уже третий год я замужем. У меня опять родилась дочь. Мы ее никогда не оставляем без присмотра. У меня впереди как солнышко светит. Даже не верится, что все так хорошо и дальше будет. У нас в семье «сухой закон». Иной раз встречу своих старших подруг, они говорят: «Не ври, что не пьешь и не куришь». А когда я рассказываю им, какой у меня муж, не верят: «Таких не бывает». Нет, бываю, но редко, а надо, чтобы их было больше, чтобы все были такими. Добрыми, заботливыми, хорошими. У нас будет еще ребенок и, думаю, не один. Но как их воспитывать, как сделать, чтобы они стали настоящими людьми?

Моя мать часто мне говорит: «Да, я плохая, но у такой плохой — такие хорошие дети, я вас такими воспитывала». И у меня нет сил, чтобы объяснить, как она нас воспитывала. Неужели она сама не понимает, на что потратила жизнь, как жила? Я ведь так часто желала ей смерти...

...Все теперь хорошо. Только одно не дает спокойной жизни. У матери старенький дом, вот-вот завалится, сырой, холодный, дров нет. А мы живем со всеми удобствами. Правда, у нас одна комната, но скоро мы получим еще.

Муж согласен взять мать к себе, ведь она уже очень больная, но я знаю, что она пить и курить не бросит, хоть и собиралась несколько раз это сделать. Ну, а кроме нас, ее некому взять. Брат, старший, с 1974 года из тюрьмы не вылезает, у сестры старшей — трое детей и муж-пьяница, младшая еще не замужем. Часто люди в селе мне говорили, что на моем месте они давно бы уже отказались от матери, а я все езжу к ней, покупаю ей одежду, привожу продукты. А что делать, бросить ее не могу.

Зачем я все это написала? Сама не знаю. Вчера шла мимо магазина и увидела в очереди за вином молодую женщину с двумя маленькими девочками. Беденькие, подумала я и вспомнила себя в детстве...

Лена К., Ярославль

Петр ВЕГИН

Зло ищет темные углы—
боится быть заметным.
Гони его, скорей пугни,
в углы плеснувши светом!

Ты не впустила в душу зла,
хоть и больна вчерашним,
и так душа твоя светла,
что за тебя мне страшно.

Какая тайна помогла,
скажи мне по секрету,
что стать душа твоя смогла
хранительницей света?

Есть уплотненный свет звезды,
кувшинки свет свободный,
и если вместе их свести,
то это будет сходно

с тобой. Не отрывая глаз,
несмел от восхищенья,
как человек,
что первый раз
принес огонь в пещеру...

Замолви слово за меня
перед Судьбой.
Рок меня с кем-то перепутал—
я другой.
Что сделал я ужасного иль злого?
Замолви слово.

Замолви слово за меня
передо мной.
Я сам с собою на ножах,
как враг дурной.
Передо мною за меня, смурного,
замолви слово.

Замолви слово за меня перед собой—
звездой маленькой,
Полярною звездой,
с которой вышел я
из шторма рокового.
Замолви слово!

Спиной фортуна повернулась—
не беда.
Сам от себя я отвернулся—не беда.
Перед Судьбой—перед собой—
на все года
замолви слово!

Из пушкинского снега,
как белая сирень,
врываешься, отряхивая локон,
бросаешься на шею,
не затворяя дверь,
и шубка твоя бьет током.

Синтетика, косметика—
доказано—вредны.
В век электричества носите хлопок.
Цветы на твоём платье
застенчиво-бледны,
но только тронешь—бьет током!

Лицом да интеллектом
как ты—такие редки.
Спрошу тебя корректно:
«Ты—новая Электра?
Или, быть может, ведьма?»

Смеешься ты в ответ,
и свет во мне—невиданный
свет, свет, свет!

Твой локон равен року,
рок неразъединим
с душой. Сгорают пробки—
бьет током роковым!

Рисунок
Елены
Ульяновой

Глобальное —
интимное

Обнимаю тебя,
прижимаюсь к щеке,
в твои вольные волосы зарываясь,
бормочу скупые слова
любовного гимна,
и как шум полуденных машин,
мировая, законная
глобальность
проникает, пропитывает нашу интимность.
Это кажется невероятным—
интимное и глобальное.
Моя маленькая, великая женщина,
это почти банально:
все, что с нами двоими творится,
все наше вольное,
все наше кабальное,
все на грани опасности—
вместе с глобусом—
стало глобальным.
Диффузия, какой еще не было,—
глобальность интимна.

Каждый день,
на каждом шагу
с нею сталкиваемся душами и лбами.
Но какая-то сила есть,
невыведанное чудо,
невыведанное диво,
позволяющее сказать:
— Пусть глобальность интимна,
но интимность—глобальней!
Глобальное дрожит в нетерпачке
от дикого к нам интереса.
Мы любим глобально.
Но глобальны и грабители.
Глобальность твердит,
что мы—дети прогресса.
Но мы все-таки—
дети своих родителей.
«А как наши предки?»—
спросят наши детки,
когда вырастут.

...Вот я вижу—
они наш культурный слой раскопали,
и стоят над нашими реликвиями,
и никак не могут выяснить—
чем отличается интимное и глобальное...

Прикуривайте от свечи—
вранье, что гибнет моряк.
Не знаешь приметы—молчи.
Я знаю—это не так.

Когда прикуривает от костра
Иванушка-пастушок,
такая невиданная красота,
что петь начинает сверчок.

Иванушку-пастушка
и всех, кто живой, прошу
простить меня, дурачка,
что просьбой вас торможу:

вас будет судьба вести
от неудач до побед,
но не прикуривайте от звезды—
погибает Поэт.

Последняя
разлука

Я тебя ждал в год високосный.
Ты возвратилась, но это не ты.
Словно какая-то незнакомка
себе присвоила твои черты.

Смеется другая твоим смехом.
Это твое, но голос не твой.
Тело вернулось—
душа не приехала.
Это пахивает пустотой.

Втиснусь поглубже
в желтое кресло,
и тихо скажут твои черты:
«Я возвратилась, но бесполезно,
это не ты...»

И не ты с твоими глазами
и с моими глазами не я
заплачут нашими слезами.

Но это—ты. И это—я.

Иуда

Время беспощадней,
чем Бермуды.
Канет в нем,
болтнувши головой,
пахарем наряженный Иуда,
подлою идущий бороздой.

Злу его
отпущены минуты.
Современен
только как типаж,
существует
при любой валюте
непристойный
современник наш.

Этой жизни луковица
со слезами чистится.
Как аукнется—
так откликнется.

Говорят, жемчужина
растворима в уксусе...
Женщина замужняя
влюблена до глупости.

Потеряла пуговицу,
нараспах врывается.
В телефон аукается—
он не отзывается.

Поломались ходики.
От любви бессонница.
Что же вы подводите,
старые пословицы?

Есть такие улицы,
есть такие дворики—
сколько ни аукайся,
не дождешься отклика...

Катамаран

Чего ты ко мне прицепился,
чего тебе,
катамаран?
Качайся себе,
покуда тебя качает
аквамарины.

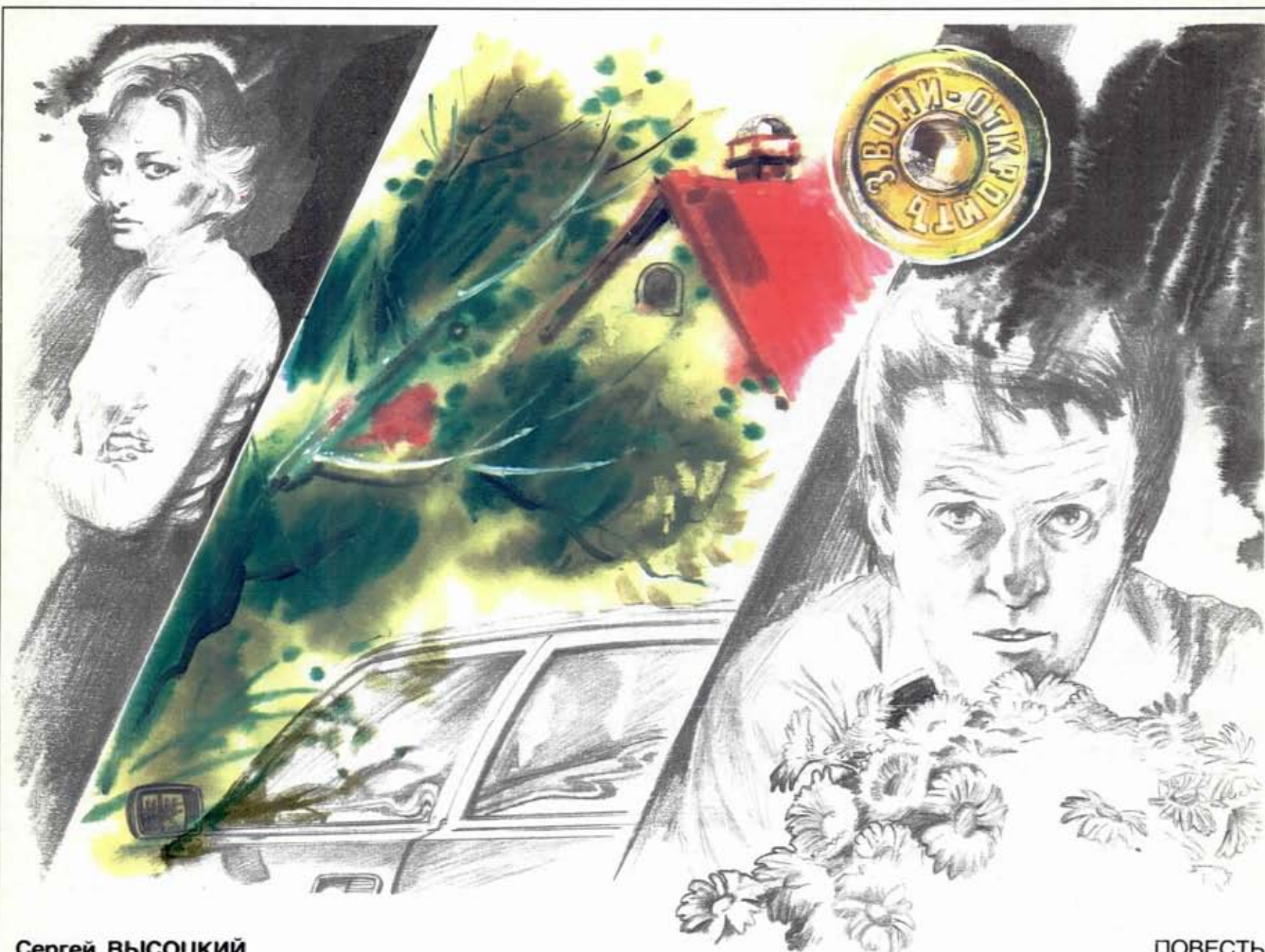
Так нет же—
бубню третий день,
как болван,—
катамаран,
катамаран,
катамаран...

Ты рядом со мной на песке,
синеглазые
древних армян,
легла вдоль меня—
параллельно прошедшим годам.
И вдруг мне открылось—
как после того,
как накрыло волной:
катамаран—
это мы с тобой!

Мы были две лодки.
Когда океан
нас лупил батогами,
мы крепко обнялись,
прижались друг к другу боками,
бортами,
так тесно, что души,
друг друга спасая,
обнялись.

И парус над нами—
один на двоих
спасительный парус!
Держись, моя лодочка,
нам с тобой долго лететь!
Нас—двое.
Вдвоем можно
и океан одолеть.

Так было вчера,
так сегодня,
так будет всегда.
Соленое «да» говорит,
смирясь,
вода...

Сергей ВЫСОЦКИЙ

ПОВЕСТЬ

ДЕНЩИК-ВАРЬ

Белянчиков заметил, что полковник перестал листать папку и задумчиво смотрит в окно. Сказал:

— Ну, не сволочи ли?!

Корнилов ничего не ответил, стал ожесточенно листать страницу за страницей. Задержался на листке с просьбой о помиловании: «30 декабря я приговорен военным трибуналом города Ленинграда к расстрелу. Я виноват в использовании поддельных талонов на хлеб, отоваренных в находящемся в моем ведении магазине, и признаю свою вину. Это первое и единственное преступление за всю мою трудовую жизнь. Во имя двух моих братьев, находящихся в РККА, и моей больной жены прошу пощадить меня и даровать мне жизнь, которую я готов отдать на борьбу с жестоким врагом Родины на фронте, и прошу дать мне возможность доказать глубокое мое раскаяние. Грачев».

Дальше шли документы из Верховного суда с сообщением о помиловании и замене высшей меры пятнадцатую годами. В 1947 году — новая просьба о помиловании. И снова удовлетворение. А дальше... Корнилов вторично перечитал документ, отказываясь верить своим глазам. Но документ был подлинный. 19 сентября 1953 года Коллегия по уголовным делам городского суда, рассмотрев уголовное дело № 880... по вопросу о перерасчете размера хищения, произведе-

денного Грачевым, постановила исчислить размер хищения не по рыночным, а по государственным ценам, действовавшим в 1942—1943 гг.

— Ну и ну! — не выдержал Корнилов. Белянчиков только и ждал, когда полковник закончит чтение.

— Дикая несправедливость! — Он вскочил со стула. — Продавал ворованный хлеб на черном рынке, выменивал на червонное золото, на драгоценные камни, а как расплачиваться — только по государственным ценам!

— Да разве в этом дело!

— И в этом! — сердито бросил майор. — Подлецу жизнь сохранили! Другой бы век благодарил — а этот судиться со своими благодетелями стал! А судьи? Тоже хороши! По-моему, дикая несправедливость.

— Суду было виднее, — сухо сказал Корнилов. — Побереги свои нервы. Мы же не знаем всех обстоятельств.

Белянчиков посмотрел на шефа с удивлением. Лицо у полковника стало замкнутым, неприветливым. На скулах играли желваки.

— Ну, что ты так смотришь? — сказал Корнилов. — Есть вещи посерьезнее.

— Понимаю! — с иронией сказал майор. — Сейчас ты скажешь о том, что преступник всю жизнь прожил в страхе, что он даже пить перестал, боясь проговориться, а перед смертью его заела совесть.

— А что? — согласился Корнилов. — Ты все пра-

вильно излагаешь. Только почему он всю жизнь в страхе прожил? Почему проговориться боялся? И почему так и не попользовался награбленным?

— А может, и попользовался? — возразил Белянчиков, но полковник не обратил внимания на его слова.

— Причина одна, — продолжал он, — наш образ мыслей, стяжателей ненавидят у нас больше всего.

— Ты, Игорь Васильевич, идеалист. Да ведь дня не проходит, чтобы газеты не сообщили про какого-нибудь хапугу...

— Правильно! — сказал полковник. — Сообщают. Про пойманных хапуг. Потому что не держатся они у нас на плаву. С нашей помощью или без нашей — тонут. — От стукнул ладонью по столу, словно давая понять, что с теоретической частью покончено. — Выкладывай остальное, — поторопил он майора. И отодвинул от себя папку.

— Остальное — как и следовало ожидать. Работал этот гад опять в торговле, воровал, небось, потом ушел на пенсию, а год назад умер... Своей смертью. В комнате с камином.

— А родственники?

— Братья с войны не вернулись. Жена умерла в пятьдесят третьем.

«Пока Грачев сутяжничал», — подумал Корнилов.

— А других родственников бог ему не дал. И правильно сделал.

Окончание. Начало в № 20.

— Значит, драгоценности принадлежали Грачеву?
— Если ты считаешь слово «принадлежали» в данном случае уместным... Ведь он их на ворованное масло выменивал. На водку. И брал только старинные. И не скупал, как его сообщницы, ни картин, ни фарфора... Знал, что рано или поздно попадет.

— А после войны, наверное, жил как крот, раз шкатулка не тронута,— сказал Корнилов.

— Это никому не известно, как он жил! Судя по тому, что кольцо Фетисовой оказалось в его шкатулке, старых своих занятий Грачев не бросил!

— А перед капремонтом кто жил в комнате?

— Старушка одна,— ответил Белянчиков и, вспомнив об устойчивом запахе псины в комнате с камином, добавил: — С собачкой.

— С собачкой,— повторил Корнилов.— Чего-то в этой картине все же не хватает...

— Не хватает того, кто продал Грачеву кольцо Фетисовой,— сказал Белянчиков.

10

Разыскать Елену Сергеевну Травкину теперь не составляло для Бугаева никакого труда. Тем более, что жила она, по словам Казакова, где-то на Петроградской стороне.

«Ну, держись, Марина-Елена!— думал он, записывая адрес Травкиной, полученный в адресном бюро.— Теперь мы с вами поговорим серьезно. О том, кто из нас грибы в рабочее время собирает. И внимательно посмотрим в ваши голубенькие глазки!»

Жила Травкина на Лахтенской улице, рядом с Большим проспектом. «И еще, оказывается, соседка!» Бугаев жил на Бармалеевой.

Возбужденный удачей, майор зашел к Корнилову.

— Попалась птичка, товарищ полковник,— сказал он, едва переступив порог кабинета. Игорь Васильевич показал на стул.

— Рассказывай.

Бугаев обладал не так уж часто встречающимся в наше время даром рассказывать предельно лаконично, не упуская в то же время ни одной важной детали. Корнилов слушал его с удовольствием, время от времени делая заметки на листке бумаги. Один раз он только прервал Семена. Спросил:

— Значит, Травкину директор по фотороботу опознал, а Гогу не узнал на фотографии?

— Да. Посмеялся: «Женщины заломинаются лучше!» Он еще крепкий, этот директор.

Когда Бугаев рассказал, как доктор наук выхватил у него из рук коробку из-под сигарет, полковник долго смеялся.

— Так прямо и выхватил? И в карман? А ты не сгрел его в охалку?

— Вижу, мужик симпатичный. Не убежит, как та коза...

Корнилов некоторое время молчал, постукивая карандашом по листу бумаги, на котором делал свои заметки. Потом сказал:

— Знаешь, Семен, тебе с Травкиной встречаться не надо.

— Почему?

Игорь Васильевич внимательно посмотрел на Бугаева.

— Неужели не понимаешь?

— Не понимаю,— упрямо ответил Бугаев, хотя прекрасно понимал, что женщина будет чувствовать себя при разговоре с ним неловко. Ему казалось, что он сумеет преодолеть эту неловкость. Он умел находить с людьми общий язык. А кроме того, он считал, что если человек сказал неправду, то его не следует лишать возможности хотя бы покраснеть за свой проступок. Корнилов тоже так считал. Но, очевидно, в его взгляде на проблему были свои оттенки.

— Значит, и не поймешь,— вздохнул полковник.— Только все ты понимаешь, но слишком самоуверен...

— Игорь Васильевич?!

— Поговорю с ней я,— отрезал Корнилов. Семен понял, что спорить бесполезно, и с нарочитым смиренным склонил голову.

— Ну и тип ты, Бугаев!— поморщился Игорь Васильевич и подумал о том, что мог бы майор с его способностями давно стать подполковником или даже полковником, если бы некоторых больших начальников не отпугивал легкий налет бравады да острый язык Семена. Из-за этого он вечно числился в молодых и недостаточно серьезных, хотя по части серьезного отношения к делу с ним мало кто мог сравниться. Ну, а что касается возраста, то он, как говорится, был мужчиной средних лет. Готовился к своему сорокалетию.

— Как ты думаешь,— продолжал полковник,— куда могла твоя знакомая идти с вещевым мешком?

— В том, что она на волейбольную поляну шла, товарищ полковник, у меня нет сомнений. Но зачем?

И почему с мешком? Не за рваной же чужой сеткой!

— А почему ты уверен, что она на поляну шла?— поинтересовался Корнилов.— Что там за поляной?

— Лес. Лесопарковая зона. Может, она за грибами шла?

— А за лесом что?— не обратив внимания на упоминание о грибах, настаивал Корнилов.— Не тянется же лес до самой Вологды!

— Вот что за лесом, я не выяснил,— виновато сказал Бугаев.— Мы же сразу в машину сели и к Шитикову поехали.

— Потом бы мог поинтересоваться.— Полковник смотрел на Семена строго.— А то уцепился за версию, что женщина за сеткой шла, и попался, как мальчишка. У меня на выяснение, что там, за лесопарковой зоной, ушло полторы минуты. Снял трубочку...— Он показал на телефон.— И получил информацию о существовании деревни Лазоревка. У Елены Сергеевны, может быть, в этой деревне родственники проживают. Или она там дачу снимает...

— С дачей дело сложное, Игорь Васильевич. Зарплата у этой Лены маленькая,— сказал Бугаев.

— А почему нынче дачи, ты знаешь?

— Догадываюсь. Теперь о родственниках. Наверное, дорога через лесопарковую зону не самая близкая до Лазоревки? Местные жители, скорее всего, другим путем добираются?

— Правильно,— кивнул Корнилов.— Это я выяснил. За те же полторы минуты. Туда ходит автобус. «Все-то вы знаете»,— хотел пошутить Семен, но сдержался. Таких вольностей он себе не позволял.

— Сеня!— вдруг сказал Корнилов.— Ты сказал, что зарплата у Елены Сергеевны маленькая. А на курорты она ездит. Да еще дважды в год. А что, если...— он задумчиво посмотрел на Бугаева.— Ты на стадионе давно был? На футболе?

— Давно. Лет десять назад. Когда Павла «Лысого» там задерживал.

— А я недавно,— с каким-то даже вызовом сказал Корнилов.— Ты представь себе такую картину: матч еще не кончился, а старуха уже пустые пивные бутылки собирает. С огромной кошелкой...

— Так на стадион же с бутылками не пускают!

— И приличная старуха. Чистенькая. Думаешь, бутылки— плохой приработок?

— Уж очень неожиданный вариант!— покачал головой Бугаев.

— Неожиданный не означает неправильный.— Корнилов откинулся назад, сцелил руки на затылке. Улыбнулся.— Ты мне докладывал о том, что вещевой мешок у этой дамочки весь сладеньким пропах. И о том, что на «поляне» ничего, кроме лимонада да пепси-колы, не пьют. Вот и получается...

— Неужели она бутылками промышляет?!— с осуждением сказал майор.

11

...Терехов встретился взглядом с Бугаевым и закрыл глаза. Семен осторожно присел на стул рядом с кроватью и кивнул медицинской сестре, что она свободна.

— Пять минут,— напомнила она. Семен огляделся. Больничная обстановка действовала на него угнетающе. Особенно капельница, от которой он старательно отводил глаза.

— Ну как ты, Миша?— спросил Бугаев, когда за сестрой закрылась дверь.

Терехов молчал. Его красивое лицо, и в обычное-то время бледное, было совсем белым, нос заострился.

— Ну что ж, молчи,— спокойно сказал Семен.— Значит, на первый раз помолчим пять минут. На второй, глядишь, уже десять минут молчать будем. А потом, Миша, ты с постели встанешь, времени у нас на встречи прибавится. Можно сказать, и расставаться не будем.

Терехов не открыл глаз, не проронил ни слова.

— А ведь тот, кто ножичком тебя пырнул, наверное, и не мечтает с тобой свидеться. А придется. Даже без твоей помощи.

— Семен Иванович,— совсем тихо, не открывая глаз, сказал Терехов.— Я говорить не буду. Точка. Вы меня знаете.

— Плохо я тебя знаю,— грустно сказал Бугаев.— Поверил тебе два года назад, а выходит, зря... Веки у Гоги слегка дрогнули. Семен посмотрел на часы, пять минут истекли.

— Ну что ж, Миша, выздоравливай поскорее.— Он поднялся со стула. Сестра уже стояла в дверях палаты.— Надумаешь поговорить— скажи врачу. Сразу приеду.

Бугаеву не терпелось узнать, как поведет себя Терехов, когда он скажет ему про отпечатки пальцев и шкатулку с драгоценностями, но при нынешнем состоянии Гоги делать этого было нельзя.

«Трудный предстоит разговор»,— подумал Игорь Васильевич, приглядываясь к Травкиной. Чувствовалось, что женщина напряжена до предела— несколько шагов от дверей до кресла она прошла деревянной походкой, словно ноги плохо ей подчинялись. И глаза у нее были тревожные, а руки машинально одергивали то простенькую шерстяную кофточку, то джинсовую юбку. «Молодец, Бугаев, фоторобот составил один к одному»,— отметил полковник.

— Елена Сергеевна, мы от вас ждем помощи.— Корнилов решил не начинать с вопросов о том, зачем ей понадобилась мистификация с сеткой и побег от Бугаева.

— От меня? Помощи?— Она произнесла эти слова почти равнодушно.— А я убеждена, что разыскивали меня совсем по другому поводу.

Она сама напрашивалась на разговор о бегстве. Не хотела терзаться ожиданием, знала, что рано или поздно ее об этом спросят.

— Для меня сейчас важна ваша помощь,— сказал полковник.— А про вчерашнее недоразумение поговорим потом.

— А вас не интересует, что важно сейчас для меня?— Глаза у нее оставались холодные и колючие. Корнилов чувствовал, что женщина готова расплакаться, и миролюбиво сказал:

— Я согласен на все.

— Получилось— глупее некуда.— Травкина опустила голову.— Вы только не думайте, что я выкручиваюсь. Вы знаете, где я работаю?

— В библиотеке.

— А какая зарплата у библиотекаря, знаете?

— Я думаю, небольшая...

— Правильно думаете!— Она подняла голову и посмотрела на Корнилова с вызовом.— У меня высшее техническое образование, свои запросы.— Елена Сергеевна вдруг как-то по-бабьи сморщилась, махнула рукой и сказала:— К чему я это все говорю?! И совсем не о том!— Она задумалась и минуты две молчала, глядя в окно. Корнилов не торопил.— Я собираю бутылки,— сказала женщина.— Да-да. Собираю бутылки. И сдаю. И получаю за это деньги.

Знаете, сколько бутылок можно собрать вечером? Если бы не местные старухи, озолотиться можно.— Голос ее зазвенел.

— Елена Сергеевна, зачем вы рассказываете мне об этом? Зачем нервничаете?— остановил ее Корнилов.— Это ваше личное дело, это никого не касается...

— Касается!— упрямо сказала Травкина, и лицо ее болезненно сморщилось. Она сразу стала похожа на старушку, обиженную, своенравную старушку.— Вам же хочется знать, почему я солгала про сетку, почему сбежала? Хотите! Я знаю.

— Я об этом догадывался,— сказал Корнилов.

— Правда?— Лицо Елены Сергеевны разгладилось. Она словно обрадовалась.— Вы догадались, что я со стыда сгорела и поэтому сбежала? И ничего плохого обо мне не подумали?

— Нет, не подумал. Вот Семен Иванович— майор, который помогал вам сетку снимать,— обиделся. Он не привык, чтобы от него сбежали.— Корнилов улыбнулся.

Улыбнулась и Елена Сергеевна. Вымученной, жалкой улыбкой.

— Майор! Такой молодой и симпатичный?! Как неудобно, как неудобно...— Улыбка сошла с ее лица. Елена Сергеевна пристально посмотрела на полковника, словно хотела узнать, что же он думает о ней на самом деле.— Ведь это стыдно— собирать бутылки, получать за них деньги? Правда, стыдно?

— Чего ж тут стыдного?

Наверное, Елене Сергеевне почудились в голосе Корнилова неискренние нотки, и она недоверчиво покачала головой.

— Стыдно. Вот если наши узнают!

— Никто об этом не узнает,— сказал полковник.— И давайте переменяем тему. В воскресенье рядом с волейбольной поляной был тяжело ранен человек...

Ничто не дрогнуло у нее в лице.

— До следующего воскресенья долго ждать, а преступник разгуливает по городу с ножом в кармане.

— С ножом?

— Да, с ножом. И каждую минуту можно ожидать, что этот нож опять поднимется. Елена Сергеевна, вы, наверное, многих игроков знаете. Может быть, у вас есть чьи-то адреса, телефоны?

— Есть.— Она ответила автоматически, сосредоточенно думая о чем-то своем.— Несколько телефонов я помню. Знаю, где работают две женщины. Это вам пригодится?

Корнилов кивнул.

— Посмотрите для начала фотографии.— Он достал из стола пачку снимков, передал Травкиной.— Может быть, найдете знакомых?

Она рассеянно перебрала фотографии, все еще не в состоянии отрешиться от какой-то мучившей ее мысли. Протянула Корнилову фото Гоги.

— Этот парень иногда у нас играет. Зовут его Миша.

— А что-нибудь еще вы о нем знаете?

— Хороший игрок, его даже в команду мастеров берут.

— У вас там и мастера есть?— удивился полковник.

— Конечно. Несколько человек когда-то играли в сборной города. Мастера спорта. Они к себе на площадку не каждого пускают. По выбору.

— Ну, а с кем дружит этот Миша?

— Какая дружба, если люди встречаются раз в неделю, а то и реже? Поиграют и разбегутся в разные стороны. У женщин иногда находятся общие интересы— вязание, новые выкройки. А у мужчин? На поляне ведь, кроме минералки и лимонада, ничего не пьют.— Она залилась краской, наверное, вспомнив про бутылки.

— В какой команде в воскресенье играл Миша?— спросил полковник.

— Не знаю. Могу сказать, что у мастеров на площадке его не было. Если у них комплект, то никого не берут.

— Но вы его видели?

— Видела. Он рано приехал. Пока народ собирался, поиграл в кружке.— Она задумалась.— Потом я видела, как он ел.

— Один?

— Нет. Володя Матвеев с ним сидел и еще какой-то мужчина.

— А этот Володя Матвеев где работает?

— Врач-стоматолог. В платной поликлинике на Скобелевском проспекте.

Корнилов записал на листке:

— Ну, а еще? Меня любые мелочи интересуют. Елена Сергеевна задумалась.

— Я помню, Миша с кем-то долго разговаривал. А вот с кем?

— Вспомните. Это очень важно,— настаивал Игорь Васильевич.

— Может быть, с Гурамом?— В голосе у нее не было уверенности.— Несколько раз я видела их вместе.

— Кто такой Гурам?

— Таксист. Совсем молодой, а лысый. Как-то необычно для грузин, правда? Они всегда такие кудрявые. Я видела однажды его в филармонии с женой. Хорошенькая.

— А с кем-нибудь из волейболистов вы встречаетесь? В будние дни?

— Да. С Аллой Алексеевной. Мы дважды ездили с ней в Крым. Вам нужен телефон?

— Пожалуйста.

Телефон Аллы Алексеевны Травкина знала на память.

— А как вы думаете, сколько народу собирается на поляне?— спросил полковник.

— Трудно сказать. Все зависит от времени года, от погоды.

— А в прошлое воскресенье?

— Человек сто, сто пятьдесят.— Заметив удивление на лице Корнилова, Елена Сергеевна сказала:— Так мне кажется. Некоторые приезжают, но не играют. Моя Алла вывихнула руку, полгода не могла играть, а приезжала. По привычке. Вы знаете, у нас очень мило. Чувствуешь себя непринужденно, на равных со всеми.

«Но своя элита у вас имеется,— подумал Корнилов.— Мастера играют отдельно».

— Вы ведь задерживаетесь после игры?— спросил он, намеренно не упоминая, с какой целью она это делает, щадя ее самолюбие.

— Да. Но не каждый раз. Бывает, что дохожу до шоссе и потом возвращаюсь. В прошлое воскресенье пошла на ручей, вымылась и только потом вернулась. У меня есть место, куда я их прячу. Не очень много. Сорок—пятьдесят.

— А когда вы вернулись в этот раз, никого на поляне уже не было?

— Нет.

Она явно говорила неправду. И эта неправда давалась ей с большим трудом— на лбу выступили мелкие бисеринки пота.

Корнилов вынул из стола план поляны, перерисованный Бугаевым с того, что набросал Казаков. Положил перед Еленой Сергеевной. На этом плане только не было крестиков.

— Узнаете?

Она кивнула.

— Как вы обходили поляну? Можете нарисовать?

— Я никогда не обхожу ее. Народ приезжает аккуратный, не разбрасывает ни бумагу, ни бутылки. Привыкли с годами...

— Значит, бутылки складывают в одно место?

— Да. Вот здесь густой ельничек и яма. Наверное, заросшая воронка от снаряда.— Елена Сергеевна показала место на поляне.— Сюда и складывают бутылки, газеты. Есть, конечно, и неряхи. Особенно из новеньких.

«А может быть, все знают про твой приработок,— подумал Корнилов,— и специально несут бутылки в одно место? А между прочим, бутылки...— Его мысли получили определенное направление, но он тут же остановил себя.— Нет. Мы получим сотни «пальчиков», но это ничего не даст— у нас нет «пальчиков» преступника. Если только не найдем среди «пальчиков» такие, которые зарегистрированы в нашей картотеке».

— Воскресные бутылки лежат на месте?

— Ага. Я так перепугалась... Да и вообще,— она горько усмехнулась,— как теперь туда показаться?

— Никто ничего не знает. О бутылках,— успокоил ее Корнилов.— Кого вы можете еще назвать из волейболистов?

Елена Сергеевна назвала несколько имен. В основном это были женщины. Одну из них Травкина провела до дома. Номера квартиры не знала, но помнила подъезд. Корнилов тщательно все записал. Одна мысль не давала ему покоя: почему она ни разу не назвала Плотского? Ведь они знакомы! Казаков даже считает, что Елена Сергеевна влюблена в директора. Почему же она молчит? Корнилов чувствовал: ни о какой рассеянности и забывчивости не может быть и речи. Не хочет, чтобы милиция досадила расспросами Павлу Лаврентьевичу? И спрашивать ее сейчас бесполезно— только вслугнешь.

Прощаясь, Корнилов поинтересовался:

— Елена Сергеевна, почему вы дышите книжной пылью, имея техническое образование?

— Чтобы почаще дышать морским воздухом.— Она явно радовалась, что разговор, наконец, закончен. Исчезла напряженность, даже порозовело бледное лицо.— В библиотеке мне дают возможность брать отпуск за свой счет. Зимой езжу в горы, летом— на море...

Как только за Травкиной закрылась дверь, полковник вызвал Бугаева, Лебедева и Варю Алабину, долгое время работавшую его секретарем, а после окончания юрфака принятую в отдел младшим оперуполномоченным. Необходимо было срочно встретиться с людьми, адреса и телефоны которых назвала Елена Сергеевна. Через час-другой Травкина может с кем-то из них поделиться своими впечатлениями о пребывании в милиции, а этот «кто-то» передаст другому. И пойдет гулять по цепочке...

Семену Бугаеву достался стоматолог Матвеев, Варя Алабиной— Алла Алексеевна, о которой Травкина, несмотря на совместные поездки в Крым, знала только то, что работает она в «почтовом ящике», и ее домашний телефон. Предстояло еще разыскать молодого, но уже лысого таксиста Гурама, имеющего красивую жену, но остальные сотрудники отдела были заняты, и таксиста Корнилов взял на себя.

13

...Бугаев боялся больниц и врачей, а зубных врачей— больше всего на свете. Наверное, потому что по молодости пока имел дело только с ними. В регистратуре пожилая женщина сказала ему, что доктор Матвеев принимает в шестом кабинете. Около кабинета сидели человек пять пациентов с мученическими лицами. Мужчина с перевязанной пуховым платком щекой ходил, словно заведенный, взад-вперед по узенькому коридорчику.

— Все к доктору Матвееву?— спросил Семен.

— Все,— буркнул перевязанный мужчина и посмотрел на Бугаева, как на своего личного врага. Наверное, улыбчивый и пышущий здоровьем человек вызывает в больничной обстановке, где люди объединены недугами, некоторое раздражение.

«Вот так номер!— с огорчением подумал Бугаев.— Что же делать? Отрывай этого зубодера от

дела, когда столько страждущих?» Он прошелся по коридору, читая таблички на дверях, внимательно изучил правила приема в поликлиниках системы, названной не поддающимся расшифровке словом «УХЛУГУЗИЛ», и, наконец, наткнулся на дверь с табличкой «Главный врач».

Пышная рыжеволосая дама, высунув, словно школьница, кончик языка, сосредоточенно писала что-то бисерным почерком в маленьких клеточках разложенного на столе листа ватмана. Наверное, расписывала дежурства врачей «УХЛУГУЗИЛа» на следующий месяц.

— Здравствуйте!— улыбаясь, сказал Семен.

Оторвавшись от ватмана, дама посмотрела на Бугаева. Его белоснежные зубы не предвещали никаких жалоб на плохое обслуживание в поликлинике, и дама одарила Семена ответной улыбкой.

— Что вы хотели, молодой человек?

Не дождавись приглашения, Бугаев сел и спросил:— Вы бы не могли мне для начала расшифровать слово «УХЛУГУЗИЛ»?

— Ухлу... что?— удивилась дама.

— УХЛУГУЗИЛ. У вас так написано в коридоре...— Он сделал неопределенный жест рукой.

Она долго, чуть ли не до слез, смеялась. Наконец сказала:

— Молодой человек, когда у вас, не дай бог, заболит зубы,— она постучала костяшками пальцев по столешнице,— приходите в Управление хозрасчетных лечебных учреждений главного управления здравоохранения исполкома Ленсовета.

— Ого!— восхитился Семен.

...Через пять минут страждущие исцеления у доктора Матвеева были распределены по другим кабинетам, а Бугаев, с опаской поглядывая на современную бормашину, разговаривал с улыбчивым крепешком Владимиром Владимировичем Матвеевым.

— Играю, играю!— Матвеев энергично закивал головой в ответ на вопрос майора о «волейбольной поляне».— У меня первый разряд. И с мастерами играю, и в «кружок»...

Он сразу же узнал на фотографии Гогу.

— Странный парень. Иногда общительный, добрый, а бывает, словно его кто-то подменил. Злой. Орет на игроков. Мне-то редко приходится с ним играть— разный класс... Но вот недавно еле удержал его от драки...

— Поточнее время не вспомните?— попросил Бугаев, с уважением разглядывая поросшие растительностью руки дантиста.

— Могу, конечно.— Матвеев заглянул в разграфленный листок, лежащий на столе под стеклом.— Это было двенадцатое, суббота. В воскресенье я дежурил в поликлинике.

— А с кем драка? Из-за чего?

— Из-за чего— не знаю. Когда я подошел, они уже обменивались «приветствиями»— у второго шла из носа кровь. Я взял Мишу «под локоток» и увел в сторону, а Антон пошел на речку. Умыться.

— Антон?

— Кажется, его так зовут. Шофер одного из игроков. Директора не то завода, не то института. Это единственный человек, который на служебной машине к нам на волейбол ездит.

— Плотский?

— Не знаю. Видел несколько раз издали— высокий поджарый старик...

— Из-за чего же все-таки подрались? Повздорили в игре?

— Не знаю, из-за чего, но только не из-за волейбола. Антон не играет. Лежит обычно на солнышке, загорает. Или машину моет. Да и не всегда ездит с директором. Иногда его привозит другой водитель, постарше. Тот играет...

— А в последнее воскресенье вы обедали с Мишей? Там, на поляне?

— Да. Он пригласил перекусить. Я ж говорю: Миша добрый, общительный. До поры до времени...

— А кто с вами был третий?

Матвеев внимательно посмотрел на майора, пожал плечами:

— Вы все спрашиваете, спрашиваете, пора бы уже сказать, что произошло.

— Сейчас объясню,— пообещал Бугаев.— Вы только ответьте на мой вопрос.

— Кто был третьим?— Матвеев улыбнулся.— Да у нас «на троих» не соображают. Кроме лимонада, ничего не пьют. Разве что пива бутылку. А был с нами тот же Антон...

— Шофер?

— Да. Я так понял, что помирились они. О прошлой драке ни слова...

14

Варя Алабина, побывавшая у волейболистки Аллы Алексеевны, вернулась обогащенная разнообразными познаниями в области современных методов вяза-

ния и с полутора десятками телефонов постоянных посетительниц «волейбольной поляны». Все эти посетительницы обладали, естественно, кроме горячей привязанности к волейболу, еще одним достоинством, переходящим в недостаток,—они вязали свитеры, джемперы, пуловеры, жилетки, платья... Вязали дома, на работе и даже на волейбольной поляне, в перерыве между игрой. А так как вязание, особенно художественное, требует внимания и сосредоточенности при подсчитывании количества петель и рядов, то, судя по самой Алле Алексеевне, они мало что могли рассказать о происшествии на поляне. Алла Алексеевна из «почтового ящика» ничего о нем не знала.

Корнилов, выслушав доклад лейтенанта Алабиной, вздохнул сочувственно и спросил Варю, не вяжет ли она сама.

— Игорь Васильевич...— с обидой сказала Варя, и щеки ее предательски порозовели, из чего полковник заключил, что по крайней мере шерстяные носки своему мужу, начальнику уголовного розыска с Васильевского острова, Варюха вяжет.

— Понимаю,—еще раз вздохнул Корнилов,—надежды на вязальщицу мало, но придется тебе с ними познакомиться. Вдруг! Мы обязаны всякий шанс использовать. Эта Алла Алексеевна замужем?

— Замужем.

— Может, есть среди вязальщиц и незамужние. Ты на них обрати особое внимание. Я думаю, они не только петельки подсчитывают, но и женишка подмечают. А Гога—парень видный, холостой.

Видя, что Алабина хочет что-то возразить, полковник предостерегающе поднял ладонь:

— Не спорь, Варя. Иди, звони. Встречайся. Набирайся опыта.

15

С таксистами Корнилову пришлось однажды заниматься чуть ли не полгода—когда разоблачили группу преступников, угонявших автомашины индивидуальных владельцев. Поэтому он хорошо знал, с чего начинать—позвонил диспетчеру таксомоторных предприятий и попросил отыскать водителя по имени Гурам. Через пятнадцать минут диспетчер из Второго предприятия сообщил Игорю Васильевичу, что Гурам Иванович Мчедlishvili, один из лучших водителей, в настоящий момент работает на линии. Машина у него оборудована радиотелефоном, и если нужно... Корнилов сказал «нужно» и еще через полчаса сел в новенький таксомотор, подъехавший к подъезду Главного управления.

«Лучшим водителям—лучшие машины,—подумал полковник,—а худшим—худшие? Хорошо ли это?» Разглядывая загорелое, с симпатичными усами, лицо Гурама Ивановича, маленькую кепочку с кокетливым помпончиком на его голове, Корнилов пришел к мысли о том, что под кепочкой скрывается та самая лысина, о которой с сожалением рассказала Елена Сергеевна. «Тогда прямое попадание»,—с удовлетворением констатировал он.

— Куда едем?—спросил Гурам. В кепочке он выглядел молодо. Лет на тридцать, не больше.

— На волейбольную поляну...

Мчедlishvili посмотрел на Корнилова. Наверное, его предупредили, что предстоит встреча с милицией, да полковник и не просил делать из этого тайны—сам адрес: Литейный, четыре, говорил за себя.

— Я шучу,—сказал Корнилов.—Ехать туда слишком далеко. Поговорим здесь.

Гурам молча показал глазами на гранитное здание Главного управления.

— Нет, в машине. Я знаю, у вас план.

— Ох, план!—серьезно сказал водитель.—Мотаешь по городу, мотаешь—это ж какие нервы нужно иметь, товарищ...

— Игорь Васильевич.

— Товарищ Игорь Васильевич. Железные нервы.

— Гурам Иванович, вы Мишу Терехова знаете? Он частенько в волейбол на поляне играет.

— Знаю,—обрадовался Мчедlishvili.—Хороший человек!

Гурам сразу же выбрал из предложенных фотографий карточку Гоги, сказал почти влюбленно:

— Какой красавец! Орел!

— А поконкретнее не могли бы о нем рассказать?

— Поконкретнее?—удивился Гурам.—Товарищ Игорь Васильевич! Хороший человек—разве не конкретно? Смотришь на него—душа радуется! Добрый, веселый...

— Ссорился с кем-нибудь?

— А с кем не бывало! Мяч упустишь, кричит: «Гурам! Чтоб тебе в жизни не пить кахетинского!»

— Ну, а по-серьезному?

— Нет! Миша, как наша Нева,—спокойный и широкий.

Корнилов улыбнулся. Подумал о том, что этот

Гурам, наверное, уже считает себя заправским ленинградцем.

— Кого из игроков вы знаете хорошо?—спросил он Гурама.

— Всех!—не задумываясь, ответил Мчедlishvili. Но тут же поправился:—С кем играю... Вадик, например. Такой длинный парень. Орел! Любую свечу гасит. Или Николай Иванович, с рыжей собачкой всегда приезжает. Тоже орел!

— А шофер с ремонтного завода там у вас бывает? Антон Лазуткин. Не знакомы?

— Шофер? С ремонтного завода?—Гурам задумался. Снял и снова надел свою маленькую кепочку. Корнилов наконец-то увидел большую, оттопыренную лысину.

— Нет! Шофера не знаю. Вот директора видел—красавец мужчина. Уважаемый человек...

16

Полковник собрался пообедать, но в приемной его остановила секретарша. В руке она держала телефонную трубку:

— Игорь Васильевич, Травкина вас спрашивает. Сказать, чтобы позвонила через час?

Корнилов потянул руку к трубке. Голос у Елены Сергеевны был взволнованный. Она твердила, что ей стыдно, но за что стыдно, полковник никак не мог понять.

— Вы мне объясните не торопясь,—попросил он.—Что у вас случилось?

— Я сказала вам...—Остальных слов Корнилов не расслышал, потому что Травкина перешла на шепот.

— Вы из телефонной будки говорите?—догадался он.

— Да. С Петроградской.

— Можете приехать сейчас?

Травкина долго молчала, и полковник понял, что она стесняется официальной обстановки.

Они договорились, что Корнилов встретит ее у подъезда на Литейном...

— Вы меня простите, пожалуйста,—сказала Травкина вместо приветствия.—Я так виновата перед вами... Но вы поймете—у вас глаза добрые. И грустные.—Она смотрела на Корнилова смущенно.

— Не волнуйтесь, Елена Сергеевна,—Корнилов слегка опешил от такого заявления.—Давайте пройдемся по бульвару, и вы мне все спокойно расскажете.

— Хорошо, что по бульвару.—Травкина взглянула на полковника с благодарностью.—У меня не хватило бы духу исповедоваться в кабинете, сидя перед вами за столом...

Она напомнила Корнилову растерянную школьницу, провалившуюся на экзамене, не обращающую внимания на свой внешний вид, на помятую кофточку, растрепанные волосы, всю ушедшую в свои переживания.

Они медленно пошли между чахлыми липами неухоженного бульварчика. Полковник не торопил Елену Сергеевну, ждал, когда она соберется с духом.

— Я, наверное, прискакала в обеденное время?—спросила Травкина.

— Не беспокойтесь. Найду время перекусить.

— Так вот.—Елена Сергеевна вздохнула глубоко.—Рядом с вами идет лгунишка. Да. Да. Я все наврала.—Тут же она спохватилась:—Не все, конечно, но в основном...

— Может быть, сядем на скамейку?—предложил Корнилов.

— Нет!—Она энергично трянула своими кудряшками.—Язык у меня не повернулся сказать вам в прошлый раз об этом. Ведь я люблю его!—В ее голосе звучала неподдельная горечь.—И он, слава богу, оказался совсем ни при чем! Только мне могли прийти в голову такие idiotские мысли!—Елена Сергеевна посмотрела на Корнилова с мольбой.—Я говорю о Павле Лаврентьевиче. О Плотском... Смешно, да?

— Почему же смешно?—сказал Корнилов, начиная догадываться, о чем умолчала Елена Сергеевна в предыдущем разговоре.

— Смешно!—упрямо повторила Травкина.—Вы же его не знаете, поэтому так и говорите. Плотскому за шестьдесят. Старик,—сказала она с горечью, но тут же изменила тон.—Но попробуйте найти таких обаятельных, остроумных людей среди молодежи! Таких внимательных!—Она дотронулась до руки Корнилова.—Игорь Васильевич, мне сорок лет, а я не видела жизни.—В глазах у Травкиной стояли слезы, и полковник поразился тому, как резко меняется ее настроение. Ему хотелось прервать ее, заставить говорить о том, что его сейчас больше всего интересовало, но он не мог этого сделать.

— Двадцать лет назад у меня был муж—пьяница!—Травкина произнесла эту фразу с омерзени-

ем.—Он не смог мне дать ребенка! И все эти годы я одна. Ожегшись на молоке... Да я и сама...—Она отрешенно смотрела в сторону.—Мужчины не слышат балуют меня своим вниманием. И вдруг—Павел Лаврентьевич! Такой...—Елена Сергеевна беспомощно взглянула на Корнилова, не в силах найти подходящего слова.—Такой великолепный!

Несколько минут они опять шли молча. Наконец, Травкина собралась с духом:

— Я видела, что Миша ссорился с ним.

— С Павлом Лаврентьевичем?

— Да.

«Любопытно,—подумал Корнилов.—Сначала Гога дерется с шофером директора, а потом ссорится с самим директором. А потом его находят тяжело раненным...»—И спросил:

— Из-за чего они ссорились?

— Ума не приложу! Ссоры у нас на поляне такая редкость.—Она осеклась.—Нет, ссоры бывают, и даже очень горячие, но только из-за игры. Ну, знаете, кто-то упустил мяч, когда решается игра. Особенно если игра престижная...

Полковник посмотрел на Травкину с недоумением.

— Ну как же вы не понимаете?!—нетерпеливо сказала она.—Подберутся классные игроки, переживают болельщики, а тут случайно затесался мазила! Кто-то под горячую руку отпустил острую шуточку. Не каждый способен стерпеть.

— Бывают и драки?

— Нет! Драки—редкость. Публика у нас приличная. Если до этого дойдет—разведут по сторонам.

— Из-за чего же они ссорились? И что общего у Миши с директором?

— Ах, если б я знала!—с огорчением ответила Травкина.—Директор был так сердит! А ведь они никогда не играют на одной площадке. Павел Лаврентьевич обычно становится с новичками или играет в кругу. Миша, конечно, не мастер, но крепкий игрок.

— Значит, у вас там все по рангам?

— Ну что вы! Вся прелесть в том, что никаких рангов. Никто не интересуется служебным положением.—Она не поняла иронии полковника.—Все зависит от твоего умения...

— Из-за чего же все-таки сердился Павел Лаврентьевич?

— Я его спросила.

— Спросили?—удивился Корнилов.

— Да. Когда узнала от вас, что Мишу ранили. Я позвонила Павлу Лаврентьевичу на работу. Попросила о встрече.

— Он не удивился?

— Не знаю. Он так владеет собой.—В голосе Травкиной сквозило восхищение.

— И что он вам ответил?

— Пожал плечами и сказал рассеянно: «Миша? Миша... Это какой же Миша, Еленочка? Там столько народу».

— И все?

— Все. Видите, он его даже не запомнил. Значит, поспорили из-за какого-то пустяка! И к нападению на Мишу Павел Лаврентьевич никакого отношения не имеет. А мне бог знает что примерещилось. И вас я зря от дела оторвала.—Травкина робко посмотрела на полковника.—Но ходить с камнем на душе... Гадко.

— Елена Сергеевна, не обижайтесь на мой бестактный вопрос...—Корнилов внутренне собрался, ожидая бурной реакции собеседницы.—А Павел Лаврентьевич отвечает вам взаимностью?

— Он, он?...—растерялась Травкина.—Он очень добр, внимателен.—И сказала умоляющим шепотом:—Павел Лаврентьевич не знает о моем чувстве.

17

— Ну, как вам понравилась эта дамочка?—спросил Бугаев полковника, встретив его в коридоре управления.

— По-моему, человек хороший. Добрый,— ответил Корнилов.— Только неустроенный.

— Хороший человек не профессия.— Бугаев все еще не мог забыть, как Елена Сергеевна провела его.

— Конечно, Сеня.— В голосе полковника Бугаева почувствовал иронию.— Хороший человек— это такая малость. Только тому, кто придумывает афоризмы вроде твоего, я бы с людьми запретил работать.— Он круто развернулся и пошел к своему кабинету. Бугаев озадаченно посмотрел ему вслед.

Корнилову еще и раньше не понравились нотки пренебрежения, промелькнувшие в словах Бугаева о «бутылочном» приработке Елены Сергеевны. Мало ли какие обстоятельства складываются в жизни?! Ему, конечно, было досадно, что Травкина таким образом восполняет прорехи в своем бюджете— с ее образованием можно было бы без труда найти себе другую, более денежную работу,— но он знал, что современная молодежь в таких делах не слишком щепетильна. И он держал в таких случаях свою щепетильность при себе, никак не давая почувствовать свое недоумение собеседнику. Полковника зло разбирало, когда он слышал, как иные люди высоко бросают слово «торгаш» о каждом, кто стоит за прилавком магазина. Не то чтобы Корнилов не любил этого слова,— просто он считал его определяющим уровнем нравственности человека, а не принадлежность к конкретной профессии. Для него торгашество было синонимом бессовестности и беспринципности. В его повседневной практике приходилось встречать немало «торгашей» самых разных профессий. Даже торгашей-ученых и торгашей-журналистов.

Игорю Васильевичу и самому понадобилось немало времени, чтобы составить четкое представление о ценности подлинных и мнимых. Но однажды придя к какому-то заключению, он старался придерживаться его всю жизнь.

...Глубокой осенью сорок второго года, эвакуированный по Ладоге из осажденного Ленинграда, он попал в пермское село Сива, в детский дом. Директором детского дома была Викторина Ивановна, завучем— Вера Ивановна. И по возрасту, и по характеру они очень отличались друг от друга. Прямо два полюса. Даже в том, как ребята за глаза их называли— Викторина и Верушка,— сразу чувствовались характеры. Молодая — Корнилов сейчас думал, что в сорок втором — сорок третьем ей было лет тридцать, не более,— красивая, энергичная Викторина и совсем седая, старенькая, как казался ребятам, тоже красивая и всегда благожелательная Верушка...

Женщины эти, о личной жизни которых воспитанники, маленькие злоисты, знали очень немного, удивительным образом дополняли друг друга. Нервная порывистость первой сглаживалась самообладанием и спокойной добротой второй. Обоих ребята очень любили, хотя часто доставляли им огорчения и даже серьезные неприятности.

«Викторина разбушевала» — как порыв ветра, прошелестит внезапно такое известие по холодным коридорам двухэтажного бревенчатого дома,— и все затихало, старались сделаться незаметнее. Прекращались шумные игры, споры. Самые заядлые лентяи брали учебники и делали вид, что усердно готовят уроки. А вдруг Викторина заглянет в комнату? Но Викторина была отходчива и «бушевала» недолго. Крепко выругав набедокурившего, расплакавшегося воспитанника, она иногда не выдерживала и плакала вместе с ним.

«Викторина сказала»... Эти слова действовали на воспитанников так же неотразимо, как и другие два: «Верушка просила». Нравственный авторитет обеих был в разношерстном коллективе очень высок. Это сейчас, когда Корнилов вспоминал свои детдомовские годы, он употреблял слова: «нравственный авторитет»,— а в те годы ребята просто хорошо знали — ни Викторина, ни Верушка не сделают несправедливости, никогда не обманут, не покривят душой.

Очень не любила Викторина Ивановна даже малейших проявлений торгашества. А воспитанники были

безгрешны. Играли в перышки «на интерес», меняли остатки вывезенных из Ленинграда вещей на хлеб и шанги, на любимое лакомство — круги замороженного молока с толстым желтым слоем сливок поверху. Время-то было суровое. Чувство голода никогда не исчезало.

«Чертовы спекулянты!» — кричала Викторина, «засыпав» кого-нибудь из воспитанников во время «торговой операции», а на очередном собрании рисовала картины мрачного будущего тех, кто не сможет преодолеть в себе меркантильные наклонности. Не избежал столкновений с Викторинной Ивановной и Корнилов. В сохранившемся с тех лет старом дневнике, который он изредка доставал из самого далекого ящика письменного стола, есть такая запись: «Вышла маленькая неприятность с директором. Она хотела, чтобы я пел в хоре. Я петь не хотел, и она несколько раз посылала за мной. Я не пошел. Она разбушевала и назвала меня чертовым спекулянтом. Я не могу терпеть, когда меня называют тем, кем я на самом деле не был и не буду. А если и продал что-то, то потому, что не хватает еды».

Урок Викторины запомнился Корнилову на всю жизнь.

Летом сорок пятого он вернулся из эвакуации в Ленинград. Июль провел в городе, на август мать отправила его в деревню к тетушке. И вот однажды приехал Игорь с ней в поселок Сиверский на рынок, помог донести мешок картошки-скороспелки. Стоял рядом с тетушкой, разговаривал и вдруг увидел, идет по рынку Викторина с Верушкой. Обрадовался он, но чувство радости мгновенно испарилось от испуга: а что подумает Викторина?! И вместо того, чтобы броситься им навстречу, Корнилов, к изумлению тетушки, спрятался под прилавком.

Прошло очень много времени, прежде чем он научился, хотя и не всегда успешно, отличать суть явления от его формы.

Через год после случая на рынке он поступил в ремесленное училище и очень захотел предстать перед своими бывшими воспитателями в новенькой форме, показать им, что он при деле, учится. Разыскал адрес Веры Ивановны и в ее квартире на улице Рубинштейна, к своей радости, встретил Викторину. Верушка приготовила душистый и крепкий чай, поставила вазочку с шоколадными конфетами. Конфеты в то время казались Игорю неслыханной роскошью, и он, несмотря на уговоры, съел только одну, соврав, что шоколадные не любит. Викторина Ивановна расспрашивала его про училище, про то, какие науки там изучают. Рассказал Корнилов и о том, как испугался, увидев их на рынке.

— Испугался? — удивилась Викторина. Игорь подтвердил, и она вдруг погрузилась и долго молчала, слушая его разговор с Верушкой и рассеянно двигая по столу красивую витую вазочку с конфетами. Тогда ему просто в голову не пришло спросить Викторину, почему она загрузила, а теперь спросить уже не у кого...

Последние год-два Корнилова постоянно мучила мысль: кого рекомендовать на свое место, когда он, наконец, соберется уйти на пенсию? Белянчикова или Бугаева?

Он понимал, что его могут и не спросить, а если спросят, совсем необязательно, что с его рекомендацией посчитаются. Назначение начальника отдела в Управлении уголовного розыска такого большого города — дело совсем непростое. На своем веку Игорю Васильевичу не раз приходилось быть свидетелем того, что при выдвижении кадров выбор начальства падал вовсе не на самого способного. Разные были веяния. То вдруг обязательно искали человека «со стороны», даже из другого города. Потом главным критерием стало высшее образование, и опытнейшие «зубры», знавшие в лицо чуть ли не всех уголовников, уходили на пенсию, не дослужив даже положенного срока. Одно время создали «теорию» — в начальство нельзя ставить своего человека, прослужившего долгий срок в подразделении. Он-де уже притерпелся к недостаткам, сдружился с людьми. Была мода и на молодых, и на старых, но только почему-то никак не хотели следовать естественному закону жизни, вечной и постепенной смене поколений...

И Юра Белянчиков, и Семен Бугаев были самыми способными сыщиками отдела. Основательность и некоторую медлительность Белянчикова дополняли острый ум и способность к импровизации Бугаева. Бугаев мог увлечься, загореться какой-то одной версией и в этой своей уверенности упустить остальное, а Белянчиков иногда терял в темпе, просчитывая десятки вариантов. Они идеально дополняли друг друга, но руководить-то отделом должен был один. Сейчас таким «одним» был Корнилов, но он собрался на пенсию. И он боялся ошибиться, если у него вдруг спросят о замене. Он знал, что ни тот, ни другой не обидятся, если шеф назовет его товарища в свои преемники. Ни Белянчиков, ни Бугаев не были карьеристами. И это качество Корнилов ценил в них больше

всего. Но Корнилова недаром считали в управлении максималистом. Вот и теперь он хотел, чтобы человек, которому предстояло сесть в его кресло, не только не был карьеристом, но и хорошо знал свое дело.

И все-таки иногда он отдавал предпочтение Бугаеву. Семен был на пять лет моложе Белянчикова, и у него, следовательно, оставалось больше времени для разбега. Для того, чтобы не только набраться мудрости и опыта, но и применить их на практике.

18

Проехав Петродворец, они свернули с шоссе налево, на узкую асфальтовую дорогу, петлявшую среди заросших ольховых оврагов. Солнце палило нещадно, и, несмотря на опущенные стекла, в черной «Волге» было жарко. Только после того, как дорога «нырнула» в красивый сосновый бор, Корнилов вздохнул с облегчением. Воздух был настоящим сосной, можжевелником, разогретой мшарой. «На обратном пути пройду немного пешочком», — подумал полковник.

Бор очень скоро закончился. На невысоком холме, укрытые до самых крыш зеленью, рассыпались деревянные домики. Чуть поодаль, как на параде, красовалось десятка полтора двухэтажных особняков. Каждый обнесен высоким забором. Зелень из-за заборов выглядывала пожиже, чем у крестьянских домиков. И только вокруг одного особняка росли высокие разлапистые яблони. С высокой трубы этого дома следил за порядком бронзовый петушок.

— Петушка видишь? — спросил Корнилов водителя. — К нему и подруливай. — Плотский, объясняя, как найти его дачу, первым делом сказал про петушка. «В наших краях только один такой. Не ошибетесь».

— Да... — многозначительно произнес шофер, оглядывая дом Павла Лаврентьевича.

— Нравится домик? — спросил Корнилов. — Домом нас теперь не удивишь, Игорь Васильевич, — ответил шофер. — Яблони-то какие! Видать, садовод за ними приглядывает отменный. Сколько едал — по два-три яблочка на яблоне висит. А здесь...

Корнилов только сейчас заметил, что яблони за забором усыпаны плодами.

— Ладно. — Он открыл дверцу. — Ты тут любуйся природой, а я пойду разговоры разговаривать.

Его порадовало, что на заборе нет традиционной надписи: «Во дворе злая собака». Только пожелтевшая от времени эмалированная табличка. Витиеватая вязь «ЗВОНИ — ОТКРОЮТЪ» опоясывала кнопку звонка. Полковник позвонил. Где-то в доме раздалась переливающая трель уже вполне современного звонка. Высокая, лет тридцати пяти женщина открыла калитку.

— Товарищ Корнилов?

Полковник кивнул.

— Прошу вас, прошу. — Она сделала гостеприимный жест. — Павлуша ждет вас. — Волосы у нее были гладко зачесаны. И два васильковых бантика, как у девочки.

Она пошла впереди Корнилова, все время оборачиваясь, показывая то на один куст, то на другой.

— Это жимолость. Правда, редкость в наших краях? Это стелющаяся сосна. И смотрите — прижилась!

У самого дома она спохватилась и протянула Корнилову руку. Протянула высоко, так, как протягивают для поцелуя.

— Ой, я и не представляла. Валентина Олеговна Орешникова, жена Павла Лаврентьевича.

— Очень приятно. — Полковник улыбнулся ей дружелюбно и пожал руку. — Игорь Васильевич.

— У мужа такая фамилия, что я решила оставить свою. — продолжала она, поднимаясь по ступенькам на большую, с разноцветными стеклами веранду. Корнилов обратил внимание на табличку, прибитую над дверью. «Адолий Роде Сад «Аркадия». Табличка была самая настоящая, «всамделишная», сохранившаяся невредимой каким-то образом с незапамятных времен.

— Мило, не правда ли? — Валентина Олеговна уловила интерес во взгляде Корнилова. — У нас есть один знакомый, который, словно маг, раздобывает такие потешные вещи из прошлого. Представьте себе плакат... — Она не закончила фразы. Дверь веранды открылась, на пороге стоял сухой, подтянутый, улыбающийся, именно такой, каким обрисовал его Семен Бугаев, Павел Лаврентьевич. Только глаза были не безразличные, а тревожные.

— Валентина требует сменить «Аркадию» на «Виллу Валентина», — сказал он, энергично пожимая руку полковника. Наверное, слышал их разговор в открытые окна веранды. — Я бы и рад, но где найдешь такую табличку? Не просить же мастеров у себя на заводе? Неэтично. Разговор с милицией, наверное, требует уединения? — Он посмотрел на Корнилова с хитрой улыбкой. — Валентина, мы пойдем в кабинет, а ты готовь чай.

— Что ты командуешь? — кокетливо возразила жена. — Может быть, Игорь Васильевич не возражает против моего присутствия?

Корнилов промолчал.
— Вас позовут, мадам, — так же шуточно ответил Плотский и, взяв полковника под локоть, повел по коридору.

Открытые окна кабинета выходили прямо на запад, и лучи вечернего солнца, пробившись сквозь густые заросли сирени, причудливо трепетали на стекле. Корнилов сразу обратил внимание на большой мраморный камин. В топке лежали ольховые поленья и даже несколько завитков бересты — поднеси спичку, и побежит теплое, живое пламя.

— У меня уже побывал ваш сотрудник, — сказал Павел Лаврентьевич, показывая полковнику на большое удобное кресло. Сам он сел в кресло-качалку напротив Корнилова и привычно оттолкнулся. — Очень симпатичный молодой человек. По фамилии... — Директор наморщил лоб, но, так и не вспомнив фамилии, махнул рукой. — Впрочем, это не так важно! Значит, происшествие на волейболе не выяснилось?

— Возникли новые вопросы, — сказал Корнилов. Павел Лаврентьевич улыбнулся.
— Осторожничайте. Интересная у вас профессия, Игорь Васильевич! Я в детстве мечтал стать сыщиком, а судьба по-иному распорядилась — стал директором завода.

— Судьба прекрасно распорядилась...
— Эх, Игорь Васильевич! — вздохнул Плотский и опять качнул кресло. — Это так кажется — директор, руководитель большого коллектива, почет, уважение, оклад, машина. А что стоят для директорского здоровья такие понятия, как план, вал, номенклатура, сообразительность?

— У нас тоже есть свои трудности, — сказал Корнилов. — Иначе я не тревожил бы вас в неурочное время.

— Да, понимаю. Готов помочь, если это в моих силах. Вас интересует мой шофер?

— Да, Антон Лазуткин.
— После вашего звонка я стал вспоминать: что же я знаю про Антона? — задумчиво сказал директор. — И ужаснулся! Почти ничего. Работает человек с тобой рядом, кажется, что знаешь о нем все — улицы, по которым он предпочитает ездить, любимые рассказы и словечки, а когда вопрос встает серьезно — оказывается, этот человек для тебя совсем чужой. Да, я ничего не знаю о нем! По-настоящему. Чем живет, о чем думает...

— Он давно вас возит?
— Пять лет. Водитель прекрасный. Характер, правда...

Корнилов посмотрел на Плотского вопросительно.
— Антон — человек скрытный, себе на уме. — Он поморщился. — По-моему, умеет устраивать свои дела всюду у него знакомые, друзья. Я имею в виду магазины, мастерские... — Директор широко развел руки. — И вообще. Я о нем ничего не знаю! Это плохо, но не станешь же насильно лезть к человеку в душу!

— Вам его кто-нибудь рекомендовал?
— Да. Мой помощник Сеславин. Он, знаете ли, всю мелочевку берет на себя. Предшественник Лазуткина ушел на пенсию. Сеславин нашел Антона. Если не ошибаюсь, в «Скорой помощи». Там ведь классные водители.

— Он знал Лазуткина раньше?
Плотский снова развел руками.

— Понятия не имею. Водит он хорошо, не ворчит, когда надо задержаться, остальное — вопросы отдела кадров, моего помощника. А почему вас так заинтересовал Антон? Если не секрет. — Он поднял ладонь с растопыренными пальцами. — Ради бога, я секретами не интересуюсь.

— Какие у меня от вас секреты? — успокоил Корнилов Павла Лаврентьевича. — Ваш Лазуткин...

— Не мой, — покачал головой директор. — Не мой личный, заводской, принятый на работу отделом кадров.

— Лазуткин, — продолжал Корнилов, — возил вас иногда на волейбол. И многие видели его в обществе потерпевшего Терехова. Даже видели их ссорящимися.

Плотский удивленно смотрел на полковника.

— А кто такой Терехов?

— Один из игроков. Бугаев показывал вам его фото, вы сказали, что не знаете этого человека.

— Да, да. Показывал. Я действительно его не знаю.

— И никогда с ним не разговаривали? Не ссорились?

— Помилуй бог! Я ссорюсь только со своей женой. И то очень редко.

— Ну если не ссорились, то громко разговаривали? Кто-то из игроков мог слышать ваш разговор.

— Нет! — Плотский говорил без всякого смущения. — Я не знаю этого человека. Может быть, и видел когда-то, но разве всех упомянешь?

Корнилов понял, что настаивать бесполезно. Даже если устроить очную ставку с Травкиной, директор развеет руками и скажет: «Вы ошибаетесь, Еленочка. Я никогда не разговаривал с этим человеком!» Да если и ссорился, мало ли что бывает!

— Вы предполагаете, что ссора этого человека с Лазуткиным зашла так далеко? — спросил Плотский с любопытством.

— Сейчас трудно сказать.

— Пойдите, пойдите. — Павел Лаврентьевич поднял руку. — Когда убили Терехова?

— Тяжело ранили, — поправил Корнилов. — В прошлое воскресенье, двадцатого.

— Двадцатого я ездил на волейбол с другим водителем.

— Лазуткин отпросился?

— Да. Какие-то домашние дела. Но время от времени мы ездим на волейбол с Сеславиным. Он хороший волейболист. И хороший водитель. И Антон получает выходной. А двадцатого и Сеславин был занят...

— И в то воскресенье Лазуткина на волейбольной поляне не было?

— Я же говорю, он отпросился!

— Лазуткина видели в тот день на поляне, — сказал Корнилов и внимательно посмотрел на Павла Лаврентьевича.

— Не может быть! Зачем? — Плотский недоумевал. — Он ко мне не подходил.

— Павел Лаврентьевич, в последние дни вы никаких перемен в вашем Антоне не заметили?

Корнилов опять назвал Лазуткина «вашим Антоном», но на этот раз Плотский никак не среагировал.

— Нет. Не заметил, — рассеянно ответил директор и тут же спросил: — Что он делал на поляне в воскресенье? Может быть, это ошибка? Кто-то обозначал? Да и откуда его знают? В волейбол он не играет, лежит себе, загорает...

— Зато вас знают. И знают, что он — ваш шофер. Павел Лаврентьевич, он никогда не предлагал вам купить старинный камин? — Полковник показал на камин, красующийся в кабинете. — Старинные бронзовые ручки, панели красного дерева?

— Ну что вы! Во-первых, откуда у него могут быть такие вещи? А потом — покупать у своего шофера?!

— А этот камин у вас давно?

— Год. Нам купил его в комиссионном Сеславин. Мой помощник.

— Вы его об этом просили?

— Он знал, что жена мечтает о камине для дачи...

— Дорогой?

— Охо-хо! — вздохнул Плотский. — Зато какой-то редкий мрамор. Посмотрите на рисунок! А вся эта бронза? Решетки, украшения... Девятьсот рублей! И для директора, справляющегося с планом, деньги немалые.

— А ваш помощник давно работает с вами?

— Давно. Лет десять. Или двенадцать. Прекрасный помощник, эрудит...

Корнилов встал.

— Спасибо, Павел Лаврентьевич.

— А чай? Жена обидится. — Директор тоже поднялся со своей качалки.

— С удовольствием бы выпил, но мне еще надо успеть на службу. — Они опять пошли узким коридорчиком к веранде. — А у Лазуткина есть свой автомобиль? — спросил Корнилов.

— «Москвич». По-моему, он собрался его продавать. Подошла очередь на «Жигули»...

— Как, вы уходите? — искренне огорчилась Валентина Олеговна, сидевшая с книгой на веранде. — У меня жасминовый чай.

Корнилов развел руками.

— Игорю Васильевичу на службу, — сказал Плотский. — Нам остается только по дороге показать ему свой сад. И пригласить на воскресенье.

В это время зазвонил телефон.

— Послушай, Павлуша...

— Может быть, ты? — Плотский посмотрел на жену, но она взяла полковника под руку.

— Валентина Олеговна, вы за последнее время не заметили каких-нибудь перемен в Лазуткине?

— Конечно, заметила. Сделал челку, какой-то дурацкий зачес на уши. Ведь не мальчишка! Говорит — жене так нравится.

— Вам часто приходится с ним ездить?

Орешникова улыбнулась.

— Часто. Мне же надо кормить своего директора! Два раза в неделю на рынок. И на дачу. Но уже с мужем. Уж не расследуете ли вы, как муж использует служебную машину?

— Нет. Это не моя компетенция. Вам Лазуткин никогда не предлагал купить старинное кольцо с крупным рубином?

— Старинное кольцо с крупным рубином? — Она секунду колебалась. — Предлагал. Но слишком дорого. И это было так давно...

Она открыла калитку, вышла с полковником к машине.

— Этот звонок, — Корнилов кивнул на калитку. — «Сад «Аркадия», старинные таблички — все Сеславин?

— Да, он известный коллекционер древностей. — Валентина Олеговна улыбнулась. — Дайте слово, что приедете к нам отдохнуть?

— Постараюсь. — Корнилов сел в машину. Валентина Олеговна помахала рукой. В своем модном, цвета хаки, платье она почти сливалась с высоким зеленым забором.

Ночью Семена поднял с постели телефонный звонок. Дежурный врач сообщил, что состояние Терехова неожиданно ухудшилось, ему нужна срочная операция, а он требует встречи с Бугаевым.

— Недалеко от вашего дома «Скорая», — сказал врач. — Если поторопитесь, они вас прихватят...

Когда Семен вышел из подъезда, «Скорая», тревожно мигая синим огоньком, вывернула со стороны Большого проспекта. Бугаева посадили рядом с носилками, на которых тихо стонал пожилой мужчина.

— Потерпите, потерпите, — уговаривала больную медсестра. — Сейчас наш коктейль подействует, и боль пройдет.

Оказалось, что у мужчины почечная колика и ему только что сделали обезболивающий укол.

Дежурный врач курил в ожидании Бугаева на лестничной площадке.

— Поздно вечером у Терехова подскочила температура, — рассказывал он, помогая Семену надеть халат. — Хирург считает — перитонит. Нужно оперировать. Минуты на счету, а ваш подопечный — ни в какую!

В широком коридоре было темно, горела лишь настольная лампа на столике дежурной сестры, но сама сестра отсутствовала. Она оказалась в палате, где лежал Терехов, мерила температуру.

— Сорок, — шепнула она дежурному врачу. — В операционной бригада готова.

— Семен Иванович, — громко, срывающимся голосом сказал Терехов, узнав Бугаева. — Немного музыка играла...

— Миша, без паники. — Семен старался говорить спокойно, но от взгляда на Гогу сердце сжалось — так обострились, истончились черты его красивого лица, такие густые тени залегли у глаз. — Мы еще поговорим, а сейчас тобой займутся врачи...

Терехов поморщился.

— Не нужны мне там чужие грехи... Вертушку свою взяли? — Он оглядел Бугаева колючим взглядом, остановился на небольшом портфельчике, в котором у Семена был магнитофон.

— Ладно, — согласился майор. — Поговорим. По дороге в операционную. — Гога хотел возразить, но Бугаев сказал твердо: — Миша, прения закончены. — Он обернулся к врачу: — Вызывайте санитаров! Как это у вас делается? Давайте, давайте!

Врач исчез. Семен вынул магнитофон, включил. Протянул Терехову крошечный микрофон. Гога попытался взять его в руку, но пальцы бессильно разжались, и микрофон упал.

— Ничего, Миша! — прошептал Бугаев, подбирая микрофон. — Ничего! — Он взял микрофон, положил руку на одеяло. Даже через одеяло чувствовалось, какое горячее тело у Гоги.

— Его, падал, трудно будет взять, — сказал Терехов. — У него еще и пушка есть.

— У кого, Миша?

— Лазуткин. Шоферит у одного босса... — Терехов помолчал немного, потом собрался с силами. — Это он меня... Исподтишка...

Раскрылась дверь, двое санитаров вкатили в палату носилки. Осторожно переложили на них Терехова. Бугаев пошел рядом, повесив магнитофон на плечо, а микрофон придерживал на груди у Михаила. Гога то и

дело дотрагивался до него рукой, словно хотел убедиться, что микрофон никуда не исчез.

— Ну вот,— сказал он недовольно.— Теперь не успеем.

— Успеем,— успокоил Бугаев.— Ты сейчас о главном. Подробности потом.

— Работенку левую я нашел... Камин в старых домах снимать... Рухлядь всякую. Жильцы уедут и бросят. Сундук бабкин, стол, ручки бронзовые, рамы от картин... А любители скупают, реставрируют...

— Кто?
— Многие. У меня— дядя Женя. Пузанчик один. Знакомый Лазуткина. Да вы плохо не думайте— вещи-то брошенные, ничейные.

Санитары, катившие каталку по слабо освещенному коридору, внимательно прислушивались к разговору.

— Невелик приварок,— продолжал Терехов.— Вот только камин! А их мало. Да и знать надо— где. Дядя Женя знает. Даст адрес, даже фото. Платит прилично...

Санитары остановили каталку перед лифтом. Лифт был вместительный, и Бугаев по-прежнему смог остаться рядом с Тереховым.

— Он мужик безобидный. Свой приварок имеет, конечно, да и я не внакладе. Эта падаль...— Гога задыхнулся от злости, и Бугаеву показалось, что он больше не сможет продолжать, но Миша справился.— Злой, сволочь! Псих! Он со своей «пушкой» наделает дел. Антон Лазуткин: Запомнили, Семен Иванович?

— Запомнил.
— Пузан этот нас и свел. Все смеялся— фирма подержанных вещей «Антон, Мишель и К°»!

Они снова двинулись по коридору, но теперь более светлому. Семен поднял голову, у раскрытых дверей стоял в ожидании дежурный врач.

— За что же он тебя?— спросил майор, понимая, что разговор подходит к концу.

— Дядя Женя сказал, что знает один царский камин... На пару косых. Я решил посмотреть...

Носилки остановились у открытых дверей операционной.

— Дальше нельзя,— сказал Бугаеву врач.

— Стоять!— прошипел Гога, и в его слабом голосе сохранилось еще столько властной силы, что санитары подчинились. А может быть, им было интересно узнать, о чем еще расскажет распластанный на каталке пациент.

— А на камин уже Лазуткин глаз положил. Мы с ним там и встретились. Он как с цепи сорвался. Чуть не пристрелил меня на месте.

— И что же?

— В доме кто-то был. Пришлось смываться. А больше я туда не ходил. Пусть подавится этим камином! Я так и дяде Жене сказал.

— А из-за чего ты с Плотским ссорился?— спросил майор.— На поляне?

— Все, все!— строго сказал дежурный врач, санитары вкатили носилки в операционную. В последний момент перед тем, как дверь закрылась, Бугаев увидел на лице у Гоги недоуменную гримасу.

— Теперь остается только ждать,— сказал дежурный врач и протянул Семену раскрытую пачку сигарет.— Покурим на лестнице?

— Спасибо, не курю,— отказался майор.— Мне бы позвонить по телефону.

Терехов скончался под утро во время операции.

20

Когда полковник пришел в управление, по своему обыкновению за полчаса до начала работы, майор Бугаев уже дождался его с данными дактилоскопической экспертизы.

— Игорь Васильевич! Все совпало...— начал Семен, вслед за Корниловым входя в кабинет.

— Трудно не догадаться об этом,— спокойно сказал полковник, бросая взгляд на ежедневную сводку

происшествий, лежавшую на столе.— Ты же весь светишься, Сеня, несмотря на бессонную ночь...

— Пару часиков я прихватил,— отозвался майор.— На вашем диванчике.

Полковник бросил подозрительный взгляд на большой кожаный диван, стоявший в кабинете, но, заметив никаких следов «пребывания» на нем Бугаева, промолчал. Сказал, усаживаясь в кресло:

— Значит, Антон Лазуткин?

— Все сходится. И показания Миши Терехова! И «пальчики» мы проверили! Я уже говорил с прокуратурой. Есть разрешение на арест...

— Чего же ты сидишь в управлении?— удивился полковник.

— Мы хотели брать его в гараже. Вряд ли он носит пистолет с собой на работу...

— После того, как стрелял в Белянникова?— недоверчиво сказал Корнилов.— Вряд ли не носит! Я удивляюсь, как он до сих пор не сбежал из города...

— И я тоже,— спокойно сказал Семен.— Удивлялся. Но вчера вечером он позвонил диспетчеру в гараж и попросил отгул на неделю. Сказал, что директор не возражает.

— Вечером?— машинально переспросил Корнилов и подумал о том, что вчера вечером он расспрашивал о Лазуткине Плотского. Неужели Павел Лаврентьевич проговорился? «Нет, ведь я предупредил его,— отmeld Корнилов свои подозрения.— Не мальчик же он на самом деле! Сказал жене, а та шоферу?»

— Вечером,— подтвердил майор.— С шести утра мы установили за его квартирой наблюдение...

— Молодцы.

— ...Лазуткин не вышел, а семья у него на даче. В Поддубье, под Гатчиной. Я позвонил в гараж...

— А его «Москвич»?

— Стоит у дома.

— Надо перекрыть все вокзалы, аэропорт,— сказал Корнилов. И добавил:— Если не поздно.

— Сделано. Фото размножили. Я тут спозаранку всех на ноги поднял.

— Своему начальнику позвонить времени не хватило?— Корнилов сказал эту фразу ворчливо, а сам с удовлетворением подумал о том, что Бугаев сделал все так, как сделал бы он сам.

— Я подумал, товарищ полковник, что вам сегодня ночью спать не придется.

— Может быть, он поехал к своему семейству на дачу?— высказал предположение Корнилов, никак не среагировав на фразу майора.

— Попрошаться перед дальней дорогой? Ну, уж нет! По моему, сентиментальность не в его характере. Если Лазуткин почуял, что запахло паленым...

— «Москвич» под наблюдением?

— И квартиры. И заводской гараж.

— Фотография Лазуткина есть?

Бугаев достал из папки и положил перед полковником два фото— молодого, угрюмого парня, напряженно смотревшего в объектив, и сделанное Котиковым в квартире с камином. Узнать Лазуткина по затылку было невозможно, но Корнилов все-таки внимательно, сантиметр за сантиметром, стал сравнивать изображения. Его внимание привлекло левое ухо Лазуткина— это была единственная часть, повторявшаяся на обеих фотографиях.

Бугаев поднялся со стула и встал за спиной у полковника, с нетерпением ожидая, что скажет Корнилов. Наконец, не выдержал:

— Уши, товарищ полковник! Правда?

— Есть отдаленное сходство,— с сомнением сказал Корнилов.

— У экспертов тоже такое впечатление.

— Про «отдаленное сходство»?— уточнил полковник.— А кроме впечатлений, у них есть что-нибудь конкретнее?

— Так ведь «пальчики»!

— Ты бы сел, Семен,— сказал Корнилов.— Не люблю, когда у меня за спиной стоят.— И когда Бугаев сел на стул, добавил:— «Пальчики»— главное. А из этого сходства мало чего следует. Определенный тип уха— без мочки, и только. Да у семидесяти процентов людей такая форма уха. Ты показал фото тому

алкоголику, которого Белянников задержал?

— Юрий Евгеньевич показал. Еременков так обрадовался, словно родного отца увидел. «Игорь-ха,— кричит,— нашелся!»

— Кого ты пошлешь в Малое Поддубье?— спросил Корнилов.

— Лебедев и Сергеев уже готовы, товарищ полковник.

— Я дам команду— в Гатчине их встретят местные товарищи.

— Управятся вдвоем,— запротестовал Семен, но Корнилов сказал жестко:— В Гатчине встретят! Не хватало нам, чтобы он по лесам со своим оружием бегал. Сейчас всюду дачники, туристы...

Лазуткин добирался из Малого Поддубья в Ленин-

град на грузовой машине. Теперь, когда деньги лежали в портфеле, на душе стало немного легче. Все эти дни он прожил, как в бреду, сжав зубы и стараясь не думать про большую пустынный дом, про комнату, пропахшую псиной, и грудастую нимфу, выдрав которую из стены, он увидел шкатулку старика Грачева. От одной мысли о том, что могло лежать в этой шкатулке, у Лазуткина замирало сердце. «Если этот жлоб отвалил мне за кольцо столько денег, сколько же осталось там?!»— думал он, приходя в ярость.

Крупный молчаливый водитель «КамАЗа» навистывал незатейливый мотивчик, и Лазуткину хотелось поддать парню локтем в поддых, чтобы заткнулся. Этот мотивчик мешал ему думать. «Ладно, ладно,— успокаивал он себя.— Может быть, и не было ничего в шкатулке. Какие-нибудь старые бумаги, о которых и старик ничего не знал. Не мог же он подохнуть и никому не оставить свои деньги? Небось, набежали родственнички! А мне и этого хватит».— Лазуткин легонько побаюкал лежащий на коленях портфель.

После того, как вчера вечером Валентина Олеговна намекнула Антону, что им интересуется уголовный розыск, Лазуткин бежал из города, моля бога, чтобы его не арестовали по дороге на дачу. Он решил взять деньги и тут же, ночью, податься в сторону Пскова. Но в деревне было тихо и спокойно, такой умиротворенностью веяло от застывшего в безветрии ночи сада, так обрадовалась его приезду жена, что он решил остаться. Да и не хотел пугать жену внезапным отъездом. И, главное, не хотел, чтобы она видела, как достает он деньги из заветного местечка. Утром он сделал все это незаметно, а свой отъезд объяснил тем, что везет директора в Новгород, в командировку.

— А как же тетя Руфина?— удивилась жена. Руфина Платоновна, тетка Лазуткина, исполнилось шестьдесят лет. Они не были у нее очень давно и, получив красочную открытку с приглашением на юбилей, собирались на нем побывать.

— Заглянем к ней через неделю. По-своейски. Так душевнее будет. А сегодня сослуживцы набегут...

Жена посмотрела на Антона с подозрением. Наверное, почувствовала фальшь в его слишком бодром голосе. Но протестовать не стала.

Кроме денег, Лазуткин положил в портфель и номера от автомашины. Он снял их однажды ночью, когда еще работал в «Скорой», с «Москвича», на котором возили главного врача. Снял «просто так», про запас, благо никто не мог его заметить и даже заподозрить. Увидев в тайничке номера, Лазуткин сразу вспомнил про свой «Москвич», который собирался бросить в городе на произвол судьбы. Собственно, не совсем «на произвол судьбы».— «Москвич» был записан на жену, и у Антона имелась тайная мысль, что деньги от его продажи помогут семье. «На первое время».

«Если сменить номера,— подумал он,— можно выбраться из города на машине. И заехать ой как далеко...»

Когда Лазуткин вылез из «КамАЗа» у метро «Московские ворота», стрелки часов показывали ровно пять. В вагонах метро народ стоял плотной толпой. Разъезжались с работы. «И к лучшему,— подумал Лазуткин.— Милиции в такой толпе несподручно. Да и на улицах народа много».

Высокая, полная женщина стояла рядом, прислонившись к Антону своим крутым бедром. Как раз там, где приятно оттягивал карман пистолет. «Как бы не почувствовала, стерва»,— подумал он, неприязненно поглядывая на меланхоличное лицо пассажирки...

21

К Сеславину зашел директор. Случалось это не часто— обычно Павел Лаврентьевич вызывал своего помощника по селекторной связи.

— Сегодня пятница,— сказал он, рассеянно глядя в окно.— Уеду пораньше. И ты, Евгений Андрееч, не засиживайся. На рыбалке давно не был?

Сеславин с недоумением посмотрел на шефа. За всю свою жизнь он ни разу не брал в руки удочку.

— А чего? Хороший отдых. Особенно если забраться в какой-нибудь глухой, безлюдный уголок.

— На волейбол завтра не поедем?— спросил Сеславин.

— Нет. Надоели мне эти волейболисты. Посижу на даче, в кругу семьи. Так что располагай своим временем, как тебе вздумается.— Он небрежно махнул рукой, прощаясь. У дверей остановился, словно вспомнил что-то.— Вчера вечером приезжал на дачу один товарищ с Литейного. То да се! Волейболистами интересовался, Антоном Лазуткиным и почему-то о тебе спросил. Но так, вскользь.

— Чем же заинтересовала его моя персона?

— Давно ли у меня работаешь? Кто рекомендовал?— Директор бросил на своего помощника бы-

стрый, оценивающий взгляд.— Но я тебе ни о чем не говорил.— Он сделал привычный отстраняющий жест рукой.

«Значит, они вышли на Антона»,— подумал Сеславин и спросил как можно безразличнее:

— А Лазуткин наш чего им понадобился?

— «Ваш», Евгений Андреевич!— ласково сказал директор и нацелился пальцем в грудь Сеславину.— Вы его мне рекомендовали. Когда-то.— И, улынувшись, добавил:— А что им от него надо— даже знать не хочу. У меня своих забот хватает. Завод— не игрушка!— Он вышел, даже не потрудившись затворить за собою дверь, и Сеславин подумал неприятно: «Ну, конечно, они хотят иметь все: и старинный камин, и редкие акварели, и женственную настойку. Все, кроме неприятностей. Откуда это берется— им неинтересно».

Он набрал номер директорской приемной.

— Олечка, Антон у тебя или в гараже?

— Антоша взял отпуск,— ответила секретарша.— На неделю. Сегодня вышел Коля Марфин. Но он повез шефа домой.

Сеславин повесил трубку.

«Значит, Антон на свободе? Тогда откуда же они знают обо мне? Миша Терехов?— Евгений Андреевич собрался было набрать номер Гоги, но тут же положил трубку.— Если он засыпался, то звонить опасно».

Стараясь отогнать мрачные мысли, Евгений Андреевич пошел по цехам— надо было выполнить поручение директора, собрать сведения по внедрению рационализаторских предложений. Плутскому предстояло выступление на районном активе. За разговорами с начальниками цехов и работниками БРИЗа Сеславин немного отвлекся. Но червячок сомнений нет-нет, но давал о себе знать легким покалыванием в сердце.

Вернувшись в кабинет, Сеславин снова ощутил острое беспокойство. Его мучила неизвестность. «Что же, сидеть и ждать, пока за тобой придут?— думал он.— Или последовать совету шефа, поискать укромный уголок. Директор, наверное, знает больше, чем сказал. Ему-то чего бояться? Приобрел с моей помощью пару каминов, дубовые панели? Ну и что? Тут же совет: «Я думал, что Сеславин покупал их для меня в комиссионке!»— Сеславин снял трубку, набрал домашний телефон директора.

— Женечка,— пропела директорская супруга.— Павел Лаврентьевич на даче. Что-нибудь срочное?

«Женечка!— с ожесточением подумал Сеславин.— Какой я тебе Женечка, сопливка!»— И, повесив трубку, сказал громко: «Стерва!»

Он набрал номер дачного телефона. Подошла Мария Лаврентьевна, старшая сестра шефа:

— Павел приехал, сейчас покричу. В саду где-то бродит. Вы-то как живете, Евгений Андреевич? Давно у нас не были.

Голос у старухи был, как всегда, добрый и участливый.

— Живу потихоньку, Мария Лаврентьевна,— бодро сказал Сеславин.— Ноги еще бегают, и ладно!

— Приезжайте к нам отдохнуть,— пригласила старуха.— А Павлушу я сейчас покричу.

«Как же, приедешь к вам без приглашения шефа!»— усмехнулся Сеславин, прислушиваясь, как старуха, наверное, в окно, кричала: «Павлуша, Павлуша! Тебя Евгений Андреевич спрашивает.— После этого наступила тишина, наверное, Мария Лаврентьевна пошла за братом в сад. А через несколько минут сказала расстроенным голосом:— Евгений Андреевич, вы тут? Ждете?»

— Жду, Мария Лаврентьевна,— отозвался Сеславин, сразу понявший причину расстройств старухи.

— Куда-то пропал. Может, с соседом на реку пошел? Или в преферанс с ним сел играть... Вы уж завтра утречком позвоните...

«Вы хотели получить информацию?— подумал Сеславин.— Вы ее получили. Даже в большем объеме, чем хотели. Вас избегают, а это ох какая неприятная информация». Он встал со стула, прошелся по своему маленькому кабинету. «Дома у меня ничего не найдут. На даче? Так... мелочи. Еще не проданный камин, коллекцию никому не нужных древностей. Остается сберкасса. Но книжки у меня на предьявителя. И найти их не просто. Да и в чем, собственно, могут меня обвинить? За каминами я сам не лазил, уникальные потолки не разбираю. Организация преступной группы? Но это, если Лазуткин заговорит! А его еще поймать нужно. Терехов? Этот будет молчать. Тертый калач. Да если и заговорит, можно все отрицать. По методу шефа: и я— не я, и хата не моя!»

Вспомнив про шефа, Евгений Андреевич вспомнил и про его совет— пораньше уйти, отвлечься. Он осторожно закрыл дверь, повернул ключ. В кабинете зазвонил телефон. Сеславин решил не возвращаться, но внезапно ему пришла в голову мысль о том, что это директор. Может быть, он действительно ходил на речку и, вернувшись, узнал от сестры о его звонке? Евгений Андреевич открыл дверь, подбежал к телефону.

— Евгений Андреевич?— спросил незнакомый мужской голос.— Майор Белянчиков из уголовного розыска. Здравствуйте.

Сеславин молчал. Это «здравствуйте» прозвучало издевательски.

— Вы меня слышите, Евгений Андреевич?— переспросил Белянчиков.

— Слышу.

— У меня есть к вам разговор. Не смогли бы мы встретиться? Я вас жду у проходной...

22

Лазуткину удалось уговорить молоденького шофера с пикапа пригнать «Москвич» от дома на вторую линию Васильевского острова. На тихой этой улице можно было, не привлекая внимания прохожих, сменить номера. Да и от дома недалеко— меньше шансов, что белокрысого сосунка остановит за какой-нибудь промах инспектор ГАИ и обнаружится, что сидит он за рулем чужой машины. У Лазуткина кошки скребли на сердце, когда он вручал парню ключи от «Москвича» и червонец задатку. А вдруг?! Вдруг взбредет белокрысому в голову пожить за его, Лазуткина, счет? И привет рулю! Только и видел он свой «Москвич»... Хоть и пытался Антон доходчиво объяснить парню, что всего-навсего решил улизнуть от бдительного ока жены, да вряд ли тот поверил. Но такие нынче сосунки, чтоб пустым словам верить. Вот когда тридцатник пообещал «за труды», тогда и ударили по рукам.

Уговорились, что Антон будет ждать парня в пикапе, но Лазуткин не утерпел и, как только парень скрылся в дверях метро, включил зажигание. «Чем мучиться в ожидании, лучше самому приглядеть,— решил он.— Для порядка!»

...Он притормозил пикап напротив своего дома как раз в тот момент, когда ничем не примечательные серо-белые «Жигули» резко тормознули перед его «Москвичом», выезжавшим из ворот, и двое мужчин, выпрыгнув из «Жигулей», распахнули дверцы «Москвича».

Чутье подсказало Лазуткину, что нельзя спешить, срываться с места. Он включил скорость, легонько нажал на акселератор, и машина почти бесшумно тронулась. Обыкновенный пикап, прозванный «фантомасом», сотни которых развозят по городу продукты, белее и мельче грузы... Он бросил машину сразу за углом, у станции метро. Но сам поехал на трамвае, потом еще несколько раз пересаживался то на автобус, то на троллейбус, пока, наконец, в памяти не всплыло имя— тетушка Руфина...

— Антон! Вот сюрприз!— Руфина Платоновна приняла из рук Лазуткина букет гвоздик и коробку с духами, оглянувшись. Крикнула:— Алена!

Из комнаты вышла молодая женщина в цветастом платье. Лазуткин с трудом узнал двоюродную сестру, дочь тетки Руфы,— так давно они не виделись.

— Смотри, братец твой пожаловал,— сказала тетя Руфа.— К старости вспомнил про тетку.— Она сунула дочери цветы и подарок, а сама обняла и расцеловала Антона.

— Скажешь тоже, мама!— улыбнулась Алена.— Я его десять лет не видела, а он все такой же.

— А где же Лизавета твоя?— поинтересовалась тетушка, взяв Антона под руку и вводя в большую комнату, где за столом сидели гости, весело, чуть возбужденно переговариваясь, позвякивая ножами и вилками. Лазуткин успел шепнуть, что с Лизой они в ссоре и, если тетушка не возражает, он бы и переночевал у нее, пусть Лизка поволнуется.

— О чем разговор!— так же шепотом ответила Руфина Платоновна и, легонько подтолкнув Антона к свободному стулу, представила гостям:

— Племянник мой, Антон Васильевич...

— Племянничку и тост говорить!— отозвалась звонким голосом одна из женщин. Антон заметил, что большинство гостей были женщины. И почти все молодые. «Наверное, теткина бригада»,— подумал Лазуткин. Руфина Платоновна до последнего времени работала бригадиром прядильщиц на гардинно-тюлевой фабрике.

— Так уж сразу и тост!— сказала тетушка, усаживаясь рядом с Антоном и ставя перед ним чистые тарелку и рюмку. Наверное, здесь сидела Алена. Теперь ее потеснили в сторону.— Дайте человеку оглядеться, осмотреться. Вас тут вон сколько— и все красавицы.

За столом весело рассмеялись.

— Нечего, нечего наседать на мужика,— улыбнулась одними глазами и продолжала Руфина Платоновна.— Он у нас человек положительный, женатый.

— Разведем!— весело сказала все та же женщина.— Для нас это семечки!

Пожилой крупный мужчина постучал ножом по фужеру, поднялся.

— Милая Руфина Платоновна...— Он окинул взглядом присутствующих, словно ища поддержки. Тетуш-

ка Руфина посерьезнела, сидела, положив на скатерть ладони, глядя прямо перед собой. Правая рука у нее чуть-чуть дрожала.

— Это начальник цеха,— шепнула Лазуткину Алена.— Они еще во время блокады вместе работали.

Начальник цеха говорил долго и, наверное, хорошо, потому что тост несколько раз прерывали криками одобрения, аплодисментами, но Антон не вслушивался. Сидел, поглядывая на дверь, ведущую в прихожую, замирал, как только раздавался звонок. Приходили новые гости. Алена встречала их, приносила из кухни маленькие табуреточки, расставляла на столе приборы. «Хорошо, что меня посадили напротив дверей»,— подумал Лазуткин.— Все видно. Сидел бы спиной— извелся».

Начальник цеха, закончив свой тост, подошел к тетушке и под громкие возгласы одобрения крепко ее расцеловал. Руфина Платоновна разволновалась, плакала, не стесняясь слез, и только приговаривала:

— Сколько пережито. Думала, к старости все слезы выплывут, а они никак не останавливаются.

После начальника цеха женщины потребовали, чтобы говорил племянник.

— Тетушка Руфина! Смотрю я, сколько у вас друзей, и думаю: счастливый вы человек! И друзья ваши счастливые— потому что вы с ними дружите.— сказал Антон. Сказал от души, и острое чувство зависти ко всем сидящим за столом людям неожиданно шевельнулось в сердце. Зависти к тому, что им весело, что они добрые и смотрят на каждого вновь пришедшего без тревоги.

Всем прилилось по душе слова Лазуткина, тетушка расцеловала племянника и снова всплакнула, вспомнив свою сестру Раису, мать Антона, умершую совсем молодой.

Лазуткин выпил одну за другой две стопки водки и разлился, сидел мрачный, с трудом сдерживая себя от колких замечаний тетушке и гостям. Ему надо было во что бы то ни стало переночевать в этом доме. А значит, терпеть надоевшую бабью болтовню, глупые шуточки, восторженные тосты.

В дверь снова позвонили, и Алена пошла открывать. Лазуткин сунул руку в карман, нащупал предохранитель пистолета. «Если что,— мелькнула мысль,— наделаю я здесь шуму! Праздничный салют».

Дверь в прихожую оставалась открытой, и Антон увидел, что принесли огромную корзину цветов. Молодой парень в фирменном комбинезоне с трудом держал ее. Парень что-то спросил у Алены, с восторгом рассматривавшей цветы. Она кивнула на дверь и улыбнулась.

Когда корзина медленно вплыла в комнату, все зааплодировали.

— Сидорова Руфина Платоновна кто будет?— спросил парень, высывая улыбающееся лицо из-за цветов.

— Здесь, здесь!— закричали гости наперебой, показывая на тетушку, раздвигая стулья, чтобы пропустить парня.

— С праздником вас!— торжественно сказал парень.— Фирма «Ленинградские зори» присоединяет и свои поздравления к этим цветам.— Он подошел к Руфине Платоновне.— Получите, распишитесь.

Лазуткин заметил фирменную эмблему на комбинезоне молодого человека, листок бумаги, наверное, квитанцию, торчащую из нагрудного кармана, и успокоился.

— Где расписаться-то?— спросила тетушка.

Парень показал глазами на бумажку. Руфина Платоновна вынула из кармашка квитанцию, оглянувшись:

— Дайте ручку, товарищи.

— Подержите, маэстро.— Посыльный поставил корзину с цветами на колени Лазуткину. Антон ухватился за нее, боясь, чтобы не упала. Подумал о том, какая же она тяжелая. И в этот момент на руках у него защелкнулись наручники. Кто-то снял с его коленей цветы. Лазуткин увидел, что в комнате уже много чужих мужчин, увидел ужас в глазах тетушки Руфины и недоуменные лица гостей...

Владимир БЕСПАЛОВ,
монтажник,
Уренгой

Нечаянная сказка

Под тучами гнетущими земля,
Но небосвод
восстал из серой дряни,
И маленький,
едва заметный лайнер
Лыжню повел в небесные поля.

Где дым, где гром,
где грохот буровой,
Где грязью перекрашенные каски,
Является нечаянная сказка,
Мгновение живя над головой.

И только опускаешь щелки глаз,
Он крохотным изящным виртуозом
Уходит где-то севернее нас,
И долго белый след
дымит морозом.

Ведут крыло воздушные пути.
Мы скважину ведем
в подземный космос.
И вышку нашу сверху не найти,
Утерянную в сонных тихих соснах.

Тюмения!
Громадина-страна!
Все по душе: глубины и высоты.
Но память сильнее сильных нас,
Взлетает вверх
к ревушим самолетам.

Юрий ЦЕДИЛИН,
гвардии подполковник
в отставке,
г. Горький

В кинозале

Зал бурлит.
В ПТУ новый фильм о войне,
Выступать ветерану — предложено
мне.

Разговор про войну.
А поймут ли? Поймут?!
Что сумею сказать
я за двадцать минут?!

Я, волнуясь,
гляжу в переполненный зал.
Я читаю стихи,
что на фронте писал.
Нелегко молодым

о войне рассказать.
Как им горе и тяжесть ее передать?
И сквозь гул я иду
в тот последний бросок,
Капля пота свинцом обжигает висок...
Шум затих.

И вошла властно вдруг тишина.
В школьный зал
ворвалась грозным эхом война.
И глаза напряженной тревогой горят.
Посуровели лица притихших ребят.
Повзрослевшие парни

глядят на меня,
Будто мы, молодые,
пришли из огня...
И сквозь замерший зал я устало иду,
Словно выиграл бой
в сорок первом году.

Конкурс одного стихотворения

ЗЕМЛЯ, МЫ ДЕТИ ТВОИ

Дорогие друзья! Под таким девизом проходит наш традиционный конкурс одного стихотворения. Напоминаем условия конкурса: в нем могут принимать участие все, кто пишет стихи (кроме членов Союза писателей СССР). Необходимо указывать профессию, имя, отчество, фамилию, возраст, домашний адрес. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премиями «Смены». Но самой приятной, мы надеемся, наградой победителям станет публикация подборки их стихов.

Желаем успехов! Ждем ваших писем.

Григорий
КУЛЬЧИНСКИЙ,
слесарь,
Харьков

Яблоко

Ты вся запыхалась от бега
и яблоко несла в ладони,
как копию земного шара.

В нем было буйное цветенье
и пчел незримая работа,
в нем были луч палящий солнца
и холод

капель дождевых.
Ты целый мир несла навстречу —
цвет, содержание,
меру,
форму,
где плод всегда венец творенья...
И улыбалась на бегу.

Михаил ДЕМИДОВ,
военнослужащий,
Чернигов

Окоп

Изорвано все небо
в ключья.
Изрыта вся земная твердь.
Вокруг окопа стаей
волчьей
И днем, и ночью ходит
смерть.

В нем что ни час —
землетрясение,
Что ни минута — град и гром.
Лопата, словно заземленье,
Торчит на дне его сыром.
Он, словно шпиль
громоотвода,
Грозу отводит от солдат.
Он по земле четыре года
Шагал от Волги до Карпат.

Маргарита КОТОМЦЕВА,
учительница,
пос. Речной, Кировской обл.

Здесь частый дождик ходит меж берез
не смело и не робко.
Здесь прядкой рыжих вьющихся волос
на лбу угора тропка.
Здесь пенятся ромашки по полям,
как молодое пиво.
И стережет малину по лесам
сердитая крапива.
Ты приезжай, ведь ты здесь не бывал,
слушаем под вечер
У старой школы в парке птичий гвалт
на еженедельном вече.
Ты приезжай... хотя б на пару дней,
увидишь — не напрасно.
Твою любовь лишь с родиной моей
я разделить согласна.

Александр
ПЕТРОВИЧ-СЫРОВ,
рабочий,
Москва

Иртыш

Пора возвращаться. Темнеет.
Но как еще хочется вдаль,
туда, где закат пламенеет
и светлого неба скрижаль!
Там, в сонных покоях тумана,
за черными скатами крыш,
как ржавый клинок ятагана,
горит на изгибе Иртыш.
Над ним кумачовое солнце,
пылая, расходится вширь,
заглянет в слепое оконце,
прощаясь, обнимет Сибирь.

Владимир КУКОВЯКИН,
журналист,
Ялта

Гарью просеки дышит рассвет,
и свистит, и грохочет округа.
И пронзительней истины нет:
нам не выжить с тобой

друг без друга.
Все острее, все отчетливей мы
понимаем, что мир неразделен,
и растерянно после зимы
появляется первая зелень,
и приходит прозрение к нам:
надо жить, оставаясь собою,
доверяя родным именам,
на любовь отвечая любовью.

Евгений
САМОЙЛОВ,
художник,
Москва

Осень

Начеку палитра,
в изголовье холст.
Всматриваюсь хитро
в череду берез...
И раздалась выкрики
умбровых низин,
собирали митинги
охра и кармин.
Созывались съездами
краплак и рубин.
После манифеста их
побелела синь —
прет свинцовым натиском,
сея дым, туман.
Вся земля в опалинах
кумачовых ран.
А по ветру хлесткому
всюду, там и здесь,
уж летит листовками
огневая весть:
что в державе тронной
с грозного царя
скинули корону
краски Октября!

Что знает о любви любовь

Стихи Евгения ЕВТУШЕНКО
Музыка Андрея ЭШПАЯ

Что знает о любви любовь?
В ней скрыт всегда испуг.
Страх чувствует в себе любой,
Если он полюбил вдруг.

Так страшно потерять потом
То, что само нашлось.
Смерть шепчет нам беззубым ртом:
— Все умрет, все пройдет... Брось!

ПРИПЕВ:

Я любовь сквозь беду
Поведу, как по льду,
И упасть ей не дам.
На семь бед мой ответ:
Где любовь — смерти нет! —
Обещаю всем вам.

Нет, я не верю в смерть любви.
Пусть ненависть умрет.
Пусть корчится она в пыли
И земля ей забьет рот.

Но ты, любовь, всегда свети
Нам и другим вокруг
Так, чтобы на твоём пути
Смерть любви умерла вдруг!

ПРИПЕВ.

ШАХМАТЫ

Шахматы
Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ВЕРНОСТЬ ЖАНРУ

Среди советских шахматных композиторов одним из самых верных сторонников жанра миниатюры был Глеб Николаевич Заходякин (1912—1983). Редко в каком из его этюдов число «действующих лиц» превышало семь, а задачи, составленные им, все миниатюры. В заслугу московскому инженеру следует поставить то, что он творил в трудное для миниатюры время, когда считалось, что возможности малого жанра уже почти полностью исчерпаны. Заходякин доказал, что в миниатюре достаточно простора для оригинального творчества. Доказал своими яркими, самобытными произведениями, многие из которых вошли в золотой фонд советской шахматной композиции.

1961/62 г.

Ничья

1. e7 Fe1 2. Se3! Жертва слона ради привлечения черного ферзя на поле e3. 2. ...Ф:e3 3. Кb6 + Крb5. Единственное доступное поле для черного короля. В других случаях из-за вилки теряется ферзь. 4. Кd5! Конь с темпом атакует ферзя! 4...Фa7+. Не помо-

гает временная связка коня—4...Фe6, из-за 5. e8Ф+Ф:e8 6. Кс7+, опять вилка! 5. Крb1! Фg1+ 6. Кра2! Фа7+ 7. Крb1, позиционная ничья.

1980 г.

Мат в 3 хода

Как избавиться от связки коня? 1. Крс3! b1К + 2. Крb4! — теперь белая батарея неукротима! Задача четко выраженного логического стиля! 1. Крb5? b1Ф+! Следующая задача составлена автором не глядя на доску, под впечатлением известной задачи чемпиона мира А. Алехина. Решение ее столь же эффектно. Советую читателям попробовать самим решить эту миниатюру.

1969 г.

Мат в 3 хода

Конкурс юмористических рисунков

Рисунок Сергея КОНЯХИНА, г. Апатиты

Рисунок Игоря ЧЕЛМОДЕЕВА, Москва

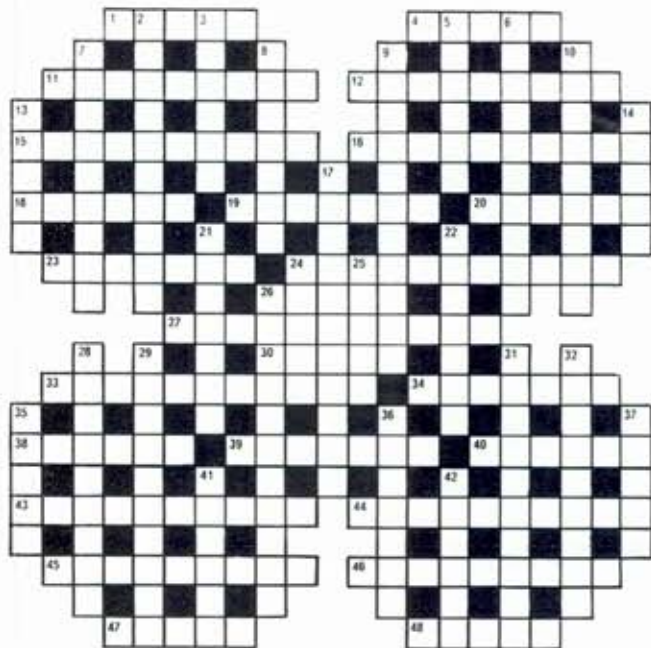
Рисунок Аршака ОГАНЕСЯНА, Москва

Рисунок Людмилы ЮРОВОЙ, Днепропетровск

КРОССВОРД

Составил М. СТАРОБИНЕЦ, г. Горький

По горизонтали:

1. Гадюка, способная укунуть ловца, прозвив свою нижнюю челюсть. 4. Водяное растение со съедобными корневищами. 11. Крокодил, роющий пруды и живущий в них. 12. Прибор для измерения температуры, изобретение которого связано с именем Галилея. 15. «Ростсельмаш» — Ростов-на-Дону, «Уралмаш» — ... 16. Трио советских художников. 18. Самый симпатичный из персонажей в повести Л. Толстого «Казачьи». 19. Профессия, которую отец прочил первому чемпиону мира по шахматам В. Стейнцу. 20. Близкий к басне фольклорный жанр. 23. Кислота, соль, щелочь (общее название). 24. Польский историк, проживший сто лет. 26. Провинция в Афганистане. 27. Легкая стенка. 30. Жир на поверхности супа. 33. Беспорядочная смесь. 34. «... Христа народу» — главная картина А. Иванова. 38. Металл, из которого делают конденсаторы для транзисторов. 39. Пушкин в Лицее — вел некоторое время свои... сохранившиеся отрывки которых показывают, что уже в то время он серьезно занят был литературой» (Н. А. Добролюбов). «А. С. Пушкин»). 40. Утренняя процедура в детском саду. 43. Человек, лишенный чувства патриотизма. 44. Пролет, у которого в 1807 году русская эскадра победила турецкую. 45. Воздухонагревательное

устройство в вентиляторах, сушилках. 46. Шахматный ход. 47. Венгерский физик, чье имя присвоено Будапештскому университету. 48. Опера Ш. Гуно, в которой первоначально были разговорные диалоги.

По вертикали:

2. Круг полномочий судебного органа. 3. Часть глаза. 5. Пасечный инвентарь. 6. Каждый из толпы, которая «размещалась по классам, находившимся в низеньких, довольно, однако же, просторных комнатах» (Н. Гоголь. «Вий»). 7. Мысль, выраженная языком Эзопа. 8. Бессмыслица. 9. Теплообменник в теплотехнических устройствах. 10. Досечки для палисадника. 13. Удача. 14. Представитель народа, первым в Европе начавшего танцевать танго. 17. Способ создания высокопрочных сталей. 21. Предшественник электропроигрывателя. 22. Обычный нос у снежной бабы. 24. Венгерский композитор, автор одной оперы и около тридцати оперетт. 25. Один из героев в романе В. Гюго «93-й год». 26. Высшее командование армии. 28. Пушной зверь, который отлично плавает и лазает по деревьям. 29. Крупный динозавр, ходивший на двух ногах. 31. Электромusькальный инструмент, созданный в нашей стране. 32. «Анчар» А. С. Пушкина, «Парус» М. Ю. Лермонтова (система выра-

жения идей). 35. Нормы нравственного поведения человека. 36. Место, где солнце в полдень стоит прямо над головой. 37. Роман В. Яна. 41. Итальянский дирижер-балетмейстер, не сумевший покорить Северный полюс. 42. Гречневая крупа.

ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 20

По горизонтали:

1. ...есаул... 4. Выпад. 8. ...змир... 9. Птичница. 14. ...смирно. 15. Кумир. 16. Камири. 19. Амир... 20. Замирание. 21. ...фора... 24. Болонья. 25. Житомир. 28. Адмирал. 29. Любомир... 34. ...звон... 35. Немировец. 36. Мирт. 39. Импорт. 40. Темир. 41. ...Ратмир... 44. Хондемир. 45. Элсмир. 46. Памир. 47. Чадра.

По вертикали:

2. Смирна. 3. Удар. 5. ...ырчи. 6. Амиран. 7. Отмирание... 8. Эмиритон. 10. Амиров. 11. ...Юстас. 12. Щукин. 13. Мираж. 17. Пальмирец. 18. Миролобещ. 22. Гонды. 23. ...мирок... 26. Замирание. 27. ...Тиримир. 30. Измир. 31. Доспех. 32. Йодид. 33. Шторм. 37. ...яранга. 38. Кашмир. 42. ...цепи... 43. Елка.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 19.09.86. Подписано к печати 01.10.86. А 02036. Формат 70x108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 2689. Заказ № 3752. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЗАСТЫВШИЕ ДИАЛОГИ

Благословляю час, когда удается переступить порог мастерской скульптора, особенно в тот горячий момент работы, когда из бесформенного материала рождается образ. Прекрасный русский поэт Николай Ушаков этот миг выразил словами:

*Мир незакончен и неточен,—
поставь его на пьедестал
и надавай ему пощечин,
чтоб он из глины мыслью стал.*

Стать «из глины мыслью» — труднейшая задача ваятеля. О эти «пощечины», передающие рабочие шлепки мастера по глине! Мастерская скульптора для меня с детства — место, где творится нерукотворная вселенная — малая или большая, уже зависит от таланта, от масштабности личности.

Я бывал в мастерской Александра Семьинова и видел его единоборство с материалом, с натурой, с замыслом. Это работа круглосуточная, бессменная, это пожизненная каторга и одновременно пожизненное благословение.

ни, осунувшегося, со впалой грудью, глаза навывкате, но это уже не те ярые глаза смельчака, скачущего в Полтавской битве впереди полков. Это глаза усталого и больного человека. Зато Беринг полон энергии, планов, замыслов.

Глядя на работы Александра Семьинова, я подумал, что он мастер скульптуры-диалога, скульптуры-драмы и даже диспута, дискуссии. Но вот передо мной Сервантес. Он один. Он смотрит на меня и, мнится, заводит со мной беседу. Он — однорукий, многоопытный, обоженный жизнью — рассказывает мне о человеке и человечестве. Здесь на выставке два Сервантеса: один из дерева, другой из бронзы. Но это два состояния одного человека, два момента из его жизни.

Александр СЕМЬИНИН.
«СЕРВАНТЕС».

Александр СЕМЬИНИН.
«ЛОМОНОСОВ».

Недавно в Москве в Выставочном зале Союза художников РСФСР на улице Вавилова прошла выставка работ молодых скульпторов. Многие из хорошо знакомых мне работ мастера перекочевали из мастерской на улицу Вавилова. Это во весь рост показанный Ломоносов. Он не позирует. Он засучил рукава и с присущими ему энергией и страстью вот-вот приступит к работе. Кстати, перед ним на столе лежит еще не оформленный ком, материал, который скоро станет материей и вслед за тем мыслью, идеей, постижением всей вселенной.

Работающий и мыслящий Ломоносов провожает меня к двухфигурной композиции — Петр Первый и Витус Беринг. Мы знаем Петра широкогрудого, сурового, громадину — мореплавателя, плотника, ученого, державной рукой взнуздавшего Россию и поднявшего ее, как коня, на дыбы. Александр Семьинов дает Петра уже в последние годы жи-

зней. Окончивший Строгановское училище у Георгия Ивановича Мотовилова, Александр Семьинов своими работами, представленными на выставке, смело и естественно входит в круг мастеров русской советской скульптуры. Ему есть о чем сказать, и у него есть умение выразить все то, что ему хочется сказать.

Еще один участник выставки — Игорь Новиков. Он совсем молод и переживает пору исканий. Исканий не во имя исканий, а во имя новых свершений в труднейшем искусстве скульптуры. Здесь и быт («Жили-были старик со старухой»), и бытие современников: рабочий Торицын, тренер Лазарев, учительница Фадеева. В работах этого круга останавливает внимание попытка не льстить натуре, не приглаживать ее, а доискаться правды в изображении характера, достучаться до того единственного решения лица, жеста, когда зритель, необязательно вслух, скорей всего про себя, говорит: «Верю!» В

области малой скульптуры Игорю Новикову, безусловно, удаются несколько стилизованные под античность, привлекательные и изящные фигурки дискобола и Орфея. Думается, что в сидящей Марине Цветаевой молодой скульптор уловил не только характерность фигуры, но и навеянные поэзией и прозой черты раскованности и собранности одновременно. Если Александр Семьинов по преимуществу эпик, видящий людей и положение, умеющий передавать драму жизни, то Игорь Новиков по складу души лирик. Это видно в его женских портретах, выполненных в дереве с учетом всех особенностей и даже тайн этого простого и, я бы сказал, мудрого материала.

Работы двух скульпторов занимают внутреннее пространство всего зала. А

Игорь НОВИКОВ. «ЦВЕТАЕВА».

Игорь НОВИКОВ. «ДЕВУШКА».

на стенах зала вывешены полотна Юрия Бурджеляна, тонкого художника старшего поколения, мастера со своим миром и со своим восприятием окружающего. Бурджелян предельно лаконичен, прекрасно чувствует пространство, его холсты чутко интонированы (переносу понятие речевое, поэтическое на живопись). Это относится прежде всего к пейзажам Крыма и Армении. Определение особенностей этого живописца — задача серьезная и специальная. Надо думать, что это будет сделано. Моя же задача состояла в том, чтобы указать на двух скульпторов, а тем самым напомнить о богатых резервах нашего изобразительного искусства, о людях растущих и творящих.

Лев ОЗЕРОВ